

Демонтаж без нового проекта *Фёдор Лукьянов* 5

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса *Дмитрий Медведев* 8

По сути, встал выбор между экономическим ростом и сохранением жизни людей, что определяется традициями и уровнем доверия в каждом обществе. Но длительная экономическая деградация также чревата жертвами.

Эпоха волшебных денег *Себастьян Маллаби* 22

До пандемии экономисты беспокоились, что количественное смягчение вскоре перестанет быть эффективным или политически приемлемым. Но кризис, вызванный коронавирусом, ещё больше воодушевил центробанки.

Почему американским элитам не доверяют *Ричард Лахман* 36

Многочисленные неудачи элит в удовлетворении потребностей населения порождают цинизм и смирение – равно как и гнев. А гнев чаще всего перетекает в успешные массовые акции.

Что такое «белая Америка»? *Нелл Ирвин Пейнтер* 48

Пандемия создала идеальные условия для социального взрыва, а фитилём стал расовый вопрос. Обзор книг о том, почему белое большинство чувствует себя ущемлённым и к чему это ведёт.

Предположения о грядущем мире
Дмитрий Евстафьев, Андрей Ильницкий 58

Для России принципиально, в каком состоянии она подойдёт к новой глобальной системе, ей не гарантировано место в числе великих держав, способных сыграть ведущую роль в следующем раунде трансформаций.

ГЕНПЛАН

Биполярность или баланс? *Тимофей Бордачёв* 70

То, что мы характеризуем конфликт Китая и США как новую биполярность, – следствие отсутствия опыта осмысления международной политики, развивающейся в условиях гибкой системы.

Конец большой стратегии
Дэниел Дрезнер, Рональд Кребс, Рэндалл Швеллер 83

Принципиальная неопределённость бесполярной глобальной политики делает большую стратегию бесполезной и даже опасной. А внутренний раскол затрудняет осуществление слаженной и последовательной стратегии.

Возвращение системной полицентричности
Алексей Куприянов 96

Мир, почти всё предыдущее столетие проведший в затянувшемся кризисе, вернулся к естественному состоянию – полицентричному, неидеологическому и бесполярному, каким он был на рубеже XIX–XX веков.

Новые сферы влияния Грэм Эллисон 111

В будущем американским политическим деятелям придётся отказаться от недостижимых устремлений, о которых они мечтали, и согласиться с тем, что сферы влияния останутся главной особенностью геополитики.

ПРОРАБЫ

Двойная ловушка Фукидида *Дмитрий Ефременко* 126

Принципиальным результатом китайской политики Дональда Трампа стал качественный переход к долгосрочному противостоянию, ставкой в котором является глобальное лидерство.

Грядущая постлевирусная анархия *Кевин Радд* 148

И Китай, и Соединённые Штаты, вероятно, выйдут из кризиса истощёнными. Ни новый *Pax Sinica*, ни усовершенствованный *Pax Americana* не поднимутся над руинами. Обе державы ослаблены во внутренней и внешней политике.

«Азиатский век» в опасности *Ли Сянь Лун* 156

Страны Азии рассматривают США как державу, присутствующую в регионе и имеющую там жизненно важные интересы. Китай – непосредственная и близкая реальность. Азиатские страны не хотят выбирать.

Новый китайский кошмар *Фарид Закария* 170

Новый консенсус по Китаю строится на страхе, что Пекин в какой-то момент может захватить весь мир. Но ни Советскому Союзу, ни Японии не удалось этого сделать, несмотря на схожие опасения по поводу их подъёма.

Идеальный тип правления? *Яо Ян* 188

Китайскую модель представляют как антипод западной системы свободного рынка и демократического правления. Но это чрезвычайно упрощённая и вводящая в заблуждение характеристика устройства Китая.

ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ**Уместно ли на троих?** *Александр Савельев* 202

Трёхсторонние переговоры о контроле над вооружениями будут формально означать, что стратегические отношения России и Китая основаны на ядерном сдерживании. Это не отвечает интересам ни Москвы, ни Пекина.

Продление ДСНВ: есть ли шанс успеть?
Антон Хлопков, Анастасия Шаврова 216

Потеря последнего российско-американского соглашения в области контроля над вооружениями обострит ситуацию вокруг ДНЯО, который и так испытывает беспрецедентное давление.

Постядерный ядерный мир
Дмитрий Стефанович, Сергей Полетаев 226

Если простые граждане не чувствуют ядерную опасность, элиты также склонны не придавать ей значения и отмахиваться от специалистов с их выкладками и расчётами, как от занудных фриков.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

Председатель
попечительского совета

ПОТАНИН В.О.
«Интеррос»

АШУРБЕЙЛИ И.Р.
АО «Социум-А»

ЮНУСОВ Р.Р.
Российский квантовый центр

УЧРЕДИТЕЛИ:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

•
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ»

•
НЕКОММЕРЧЕСКОЕ
ПАРТНЕРСТВО
«РОССИЙСКИЙ СОВЕТ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ДЕЛАМ»

ИЗДАЕТСЯ
ФОНДОМ ИССЛЕДОВАНИЙ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
Россия, 119017, Москва,
ул. Малая Ордынка, д. 17, офис 204

Зарегистрирован
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИИ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № ФС 77-52915
отт 20 февраля 2013

Адрес редакции:
Россия, 119017, Москва,
ул. Малая Ордынка, д. 17, офис 204
Тел.: +7 (495) 980-7353
E-mail: info@globalaffairs.ru
globalaffairs.ru

Дата выхода в свет:
10.05.2020
Отпечатано
в ООО «Типография Гарт»
105082, г. Москва, Малая Почтовая, 12
Заказ рус. № 4 – 345.

Тираж – 996 экз.
Цена свободная

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. – *председатель совета*

АВДЕЕВ А.А.
(в личном качестве)

АРБАТОВ А.Г.

АХТИСААРИ Мартин
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Д.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.

КАЙЗЕР Карл (Германия)

КОКОШИН А.А.

ЛУКИН В.П.

КОСАЧЕВ К.И.

КОМИССАР М.В.

КРАСТЕВ Иван (Болгария)

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РАДД Кевин (Австралия)

РОУЗ Гидеон (США)

РЫЖКОВ В.А.

СЛУЦКИЙ Л.Э.

СЮН Гуанкай (Китай)

ТЕЛЬЧИК Хорст (Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

УШАКОВ Ю.В.
(в личном качестве)

ХАКАМАДА И.М.

ЭЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

КРАВЕЦ С.Л.

КУЗНЕЦОВ А.В.

ЛАНЬКОВ А.Н.

ЛИВЕН Анатолий

ЛОМАНОВ А.В.

МИЛЛЕР А.И.

САНАИ Мехди

СЛЁЗКИН Ю.Л.

ФИЛИППОВ А.Ф.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор Ф.А. Лукьянов

Заместители главного редактора:

Александр Соловьев, Наталья Костромская (англоязычная версия)

Исполнительный директор
Ирина Палехова

Ответственный редактор
Александра Кобзева

Выпускающий редактор
Евгения Прокопчук

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блиникова

Обложка
Вадим Мисюк

Вёрстка
Наталья Заблочките

Корректура и проверка
Екатерина Акулова

*Ассистент главного
редактора*
Елизавета Демченко

*Редактор
англоязычной версии
Russia in Global Affairs*
Александр Захаров

Распространение
Юрий Котов
or@globalaffairs.ru
Валерия Чистякова
promo@globalaffairs.ru

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»
(на сайте или в отделениях Почты России). Индексы: 15577, 16497

Агентство «Книга-Сервис» (akc.ru)

На сайте «Информ-система» (informsystema.ru)

© «Россия в глобальной политике», 2020

Точка зрения авторов необязательно совпадает с позицией редакции.

Демонтаж без нового проекта

Фёдор Лукьянов

– Доктор, а когда закончится пандемия?

– Не знаю, я политикой не интересуюсь.

Анекдот начала лета 2020 года

После головокружительной весны наступило странное лето. Вирус продолжает гулять по миру, но международная повестка резко изменилась. Политика «отмерла», как в детской игре, когда закончилась команда «замри». В уравнении, переменными в котором являются, с одной стороны, «жизнь и здоровье», а с другой – «развитие и благосостояние», акцент решили перенести на вторую часть.

Удивительность этой эпидемии станет ещё предметом серьёзных исследований, которыми займутся учёные разных дисциплин. В сфере международных отношений повестка не изменилась – после вынужденной паузы всё только усугубилось. Эрозия и исчезновение прежней системы взаимоотношений начались давно, зараза и реакция на неё стали катализатором. А поскольку процессы и до этого были всё больше деструктивные, они и ускорились.

Наш прошлый номер был полностью отдан экспресс-анализу и моментальным прогнозам на будущее. Статьи, посвящённые мерам противодействия кризису, есть и в этом выпуске. **Дмитрий Медведев**

обращает внимание на неизбежность международного сотрудничества. **Себастьян Маллаби** откровенно анализирует сильные и слабые стороны монетарной политики как средства преодоления упадка. **Ричард Лахман** усматривает фатальные изъяны американского устройства, которые будут иметь соответствующие последствия. А **Дмитрий Евстафьев** и **Андрей Ильницкий**, заглядывая в недалёкое будущее, размышляют, что в этой ситуации делать России.

Однако основной блок материалов на этот раз – о более фундаментальных процессах. Как изменится международная политика, трансформацию которой подтолкнула пандемия? Стоит ли надеяться на мировой порядок – хоть какой-нибудь? Или анархия и фрагментация окончательно берут верх?

Тимофей Бордачёв обращается к проблеме биполярности – возможна ли она в американо-китайском варианте и похожа ли на конфронтацию США и СССР. Наиболее серьёзным фактором автор считает упадок либерального мирового порядка, что означает

принципиально иной характер отношений на мировой арене. **Дэниел Дрезнер, Рональд Кребс и Рэндалл Швеллер** предрекают конец любых «больших стратегий» и неизбежное обращение всех к чётко просчитанной, но ситуативной тактике. **Алексей Куприянов** ожидает возврат к очередной версии неоимпериализма и соперничеству в условиях глобального полицентризма. **Грэм Эллисон** призывает американский истеблишмент смириться с тем, что понятие «сферы влияния», гневно отвергнутое в либеральную эпоху, снова будет определяющим для международных связей.

Как бы ни сооружалась мировая конструкция в ближайшие годы, главными застройщиками будут две державы – Соединённые Штаты и Китай. **Дмитрий Ефременко** вспоминает «ловушку Фукидида», метафору, которую пару лет назад ввёл в оборот тот же Эллисон. Вашингтон и Пекин не просто обречены на конфликт, он уже в самом разгаре. **Кевин Радд** рисует мрачную картину – конфронтация действительно неизбежна, но губительна для обеих сторон. **Ли Сянь Лун** подробно объясняет, почему американо-китайская «холодная война» разрушительна для всего азиатского региона. **Фарид Закария** вселяет оптимизм в американцев, призывая их не пасовать перед КНР заранее. А **Яо Ян** объясняет, что Китай на самом деле не такой, как его представляют на Западе.

Александр Савельев поднимает актуальную тему соглашения СНВ,

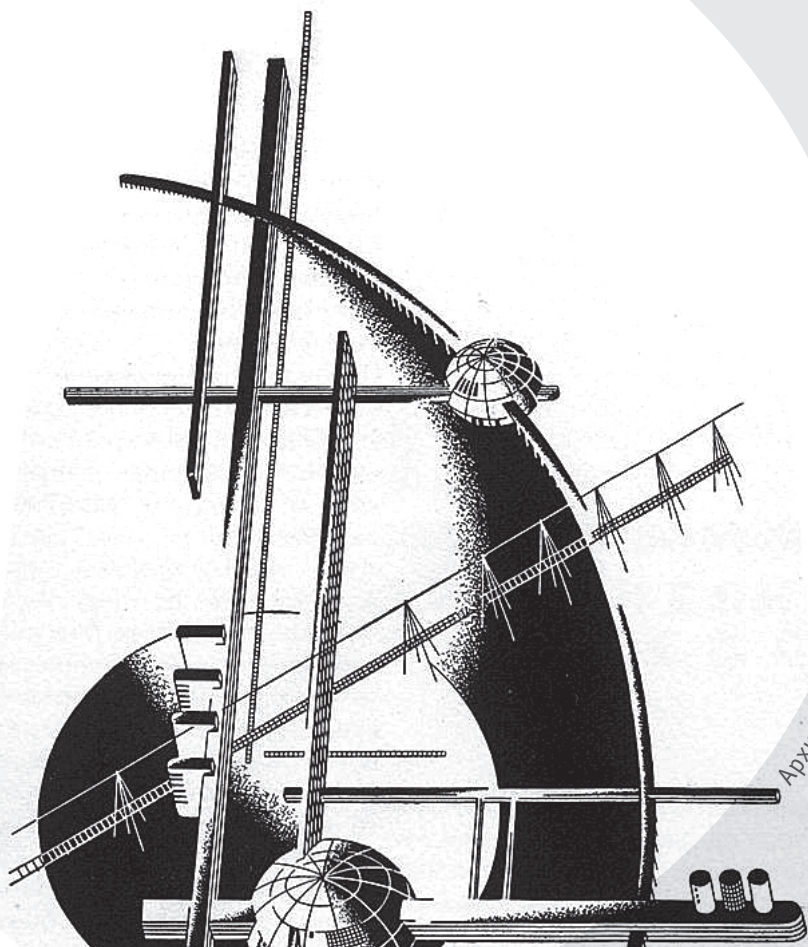
по которому начался обратный отсчёт. США требуют подключения к переговорам Китая, автор разъясняет, почему это плохая идея. **Антон Хлопков и Анастасия Шаврова** считают дни – есть ли шанс успеть продлить СНВ, если политическое решение будет принято (что не выглядит вероятным). **Дмитрий Стефанович и Сергей Полетаев** ставят вопрос ребром – насколько страх ядерной войны, который определял политику во второй половине XX века, остаётся фактором при принятии решений правительствами, сохраняется ли он в обществах и что это означает для будущего стратегической стабильности.

Отдельный интерес представляет рецензия, публикуемая в этом номере – автор обзорекает несколько книг о «белой Америке», её психологии и образе мысли. На фоне событий в США и не только – более чем актуально.

Культурный сдвиг, который происходит на Западе и в рамках которого в очередной раз серьёзно переосмысливается прошлое, мы обсудим в следующем номере. Равно как и продолжим размышлять о проблемах сохранения мира и укрепления глобальной безопасности. Опыт фантазмагорического 2020 года напомнил, что социальные, культурные, экономические и геополитические проблемы в современном мире глубоко и неразрывно переплетены. И чтобы попытаться понять, что будет дальше, нельзя упустить никакой из аспектов.

Реконструкция

...власть не способна удовлетворить потребности людей в обычное время, почему у неё это получится в случае бедствия?..

Архитектурная фантазия Якова Чернихова

Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса

Дмитрий Медведев

| **Д.А. Медведев** – заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации.

Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино. Его верх не освещён, его низ не затемнён. Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается к небытию. И вот называют его формой без форм, образом без существа. Поэтому называют его неясным и туманным. Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следую за ним и не вижу спины его.

Лао-Цзы
Дао Дэ Цзин

Несколько месяцев назад, когда из китайского Уханя начали приходить первые новости о заболевших неизвестным коронавирусом, никто не мог себе представить, что болезнь, скрывающаяся сейчас за аббревиатурой *COVID-19*, окажет такое влияние на человечество. Миллионы заболевших и сотни тысяч погибших. Работающие на пределе своих возможностей системы здравоохранения. Врачи, не знающие отдыха и сна. И всё это – на фоне апокалиптических картин пустых городов, замерших аэропортов, неработающих предприятий и организаций, закры-

тых границ и, как следствие, несущихся под откос национальных экономик. Кризис не просто подверг огромной опасности жизни миллионов людей, он обнажил риски, к которым оказались не готовы самые передовые, самые технологичные государства. Нанёс сильнейший удар по глобализации, считавшейся основой межгосударственного взаимодействия в XXI веке.

Сегодня усилия учёных, аналитиков, управленцев и политиков всех государств направлены на выяснение того, с чем мы столкнулись. Является ли вирус рукотворным или естественным, а значит – имеющим первичных биологических носителей? Кто виноват в быстром распространении пандемии? И главное – что делать? Как отвечать на эту общемировую проблему? Нужны вакцины и лекарства от вируса. Но сильнодействующие препараты необходимы и для мировой экономики, и для экономик отдельных государств. Помощь и поддержка требуются огромному числу людей. Колоссальные средства понадобятся для оживления хозяйственной жизни. Не менее существенен вопрос о том, сколько это всё будет длиться. Накроет ли мир вторая волна эпидемии и, если да, то когда? Сформируется ли у населения планеты в скором будущем популяционный иммунитет? Вопросы множатся и множатся. Поистине, кризис стал экзистенциальным для всех.

На перечисленные вопросы нет лёгких ответов. А на некоторые из них, я почти уверен, мы не сможем ответить никогда. Но сейчас, наверное, важнее всего не просто сами ответы, а согласованная всеобщая работа над выходом из самого масштабного – и действительно глобального – кризиса, аналогов которому не было в новейшей истории. Риски, которые он создал, чрезвычайно высоки. Именно поэтому необходимо глобальное сотрудничество в сфере безопасности в самом широком смысле.

Выдающийся русский учёный Константин Циолковский говорил: «В Золотой век войдут люди, которые научатся объединяться...». Человечество не раз подтверждало справедливость этого изречения. В Средние века эпидемии чумы оказали огромное влияние на развитие медицины и государственного управления. В XIX столетии таким мощным катализатором оказалась холера, в начале XX века – «испанский» грипп. Только благодаря международному сотрудничеству возникли санитарные конференции, на которые

съезжались врачи, эпидемиологи, демографы, чтобы выработать эффективное противодействие болезням. Именно их совместная работа позволила основать в 1948 г. Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), создать линейку препаратов, которые сейчас принято называть антибиотиками.

Однако в те времена на организацию и институционализацию такого взаимодействия уходили годы и десятилетия. Отсутствовали средства оперативного распространения информации, да и мир в целом был очень далёк от уровня современных коммуникаций. Сегодня он гораздо более взаимосвязан, а цифровые технологии дают человечеству почти безграничные возможности для взаимодействия без потери времени, которое, как мы ещё раз убедились, слишком дорого.

Каковы основные риски, с которыми столкнулся мир и отдельные страны, включая Россию? И какие формы совместной работы в сфере глобальной безопасности необходимы?

Первое – это сотрудничество для обеспечения не только *глобальной*, но и *бытовой* безопасности человека. Всех нас – и каждого в отдельности. Как бы банально это ни звучало, пандемия не имеет границ. И поэтому её невозможно победить в отдельно взятой стране даже при закрытых рубежах, отмене транспортного сообщения и иных коммуникаций между людьми. В Средние века город, в котором поселилась чума (по сути – крепость), полностью блокировали, а большинство его жителей были обречены на гибель. Мы живем в принципиально иной реальности. Поэтому ответ на все проблемы пандемического кризиса должен быть универсальным. Это предполагает постоянное и полноценное взаимодействие между государствами, правительствами и компаниями.

Это должно быть разумно открытое сотрудничество. Об этом сейчас говорят все. Вопрос – в мере открытости. Каждая страна и каждая компания понимают её по-своему. Разумеется, исходя из соображений национальной или корпоративной безопасности многое всё равно останется конфиденциальным. Но в целом ряде случаев государствам придётся пойти на прямое сотрудничество, которое я бы назвал «вынужденным». Например, обязательное взаимодействие в ходе прививочной кампании от *COVID-19*. Когда появятся подходящие вакцины, они должны быть использованы

почти одновременно на всех континентах, прежде всего – по сообщениям национальной безопасности. Вряд ли кому-то захочется иметь соседа, который способен в любой момент закинуть вам во двор «коронавирусную бомбу». Или вопрос об исследовательской работе, которая ведётся в определённых лабораториях, в том числе тех, которые США разместили по всей планете. Их деятельность не должна вызывать подозрений, иначе при новой вспышке любой инфекции (а в том, что такие вспышки будут, никто не сомневается) станут выдвигаться бесконечные взаимные претензии, выстраиваться конспирологические теории, вводиться перекрёстные санкции. А так недалеко и до прямого конфликта. Все примутся подозревать друг друга во всём, каждый новый вирус будет объявляться биологическим оружием. Это рискует спровоцировать невероятную международную напряжённость, которая легко может перерасти в полноценную, а не так называемую «гибридную» войну.

Здесь необходимы разумная прозрачность и согласованная верификация. Россия сохраняет приверженность такому важному международному документу, как Конвенция о запрещении биологического оружия. В настоящий момент это соглашение, единственное в своём роде, нуждается в основательной доработке с учётом современных реалий. К сожалению, не все наши партнёры с этим согласны. Например, США ратифицировали Конвенцию в 1972 г., однако сейчас проверить её исполнение Вашингтоном с помощью международно-правовых средств не представляется возможным. Наши американские коллеги отказались в 2001 г. принимать соответствующий протокол к Конвенции и перестали разрешать у себя проверки. Сегодня Россия призывает к выполнению положений Конвенции в полном объёме. Тем самым напоминая мировому сообществу о недопустимости использования биологического оружия. Надеюсь, в Вашингтоне услышат позицию нашей страны и будут вести более открытый и заинтересованный диалог с государствами – участниками Конвенции. Несомненно, по окончании пандемии потребуется пересмотреть принципы международного сотрудничества в области биологических исследований. Соответствующая работа возможна и на площадках таких организаций, как ООН, включая её институт ВОЗ. А также на региональных площадках, таких, как

ОДКБ и ШОС, которые уделяют значительное внимание разным аспектам безопасности.

Закрытые исследования были и будут – как для обеспечения государственной безопасности, так и в корпоративных интересах. Но нужны согласованные странами протоколы: как действовать при возникновении угрозы пандемии, о чём информировать партнёров по международному сообществу и ВОЗ. Тогда не будет бесконечных разборок по поводу того, кто был пресловутым нулевым пациентом, кто и что скрыл, что было сделано, а что нет.

Понятно, что сегодня расследования причин пандемии – часть внутренней политики отдельных стран, которая служит основой для избирательных кампаний. В результате появляются и «подследственные» государства, на которые перекладывается ответственность за провалы в экономике и борьбе с коронавирусом на своей территории. Обозначаются триллионные суммы претензий. Это тупиковый путь, который никому не поможет, даже в ходе выборов. Гораздо продуктивнее обеспечить полноценную платформу для сотрудничества врачей, учёных, лабораторий и целых компаний, чтобы получить коллективный результат. Ведь на выработку действительно эффективной вакцины и группы противовирусных препаратов уйдёт немало времени. И вклад каждой страны, её учёных и компаний может быть поистине уникальным.

Ещё раз подчеркну: начиная эту работу, необходимо наладить открытое и энергичное взаимодействие практически всех стран по линии власти, науки и бизнеса на современной международно-правовой основе. Пока же политическое сотрудничество серьёзно отстаёт от экспертного диалога, в котором участвует уже более 70 государств. Политики могут записать себе в плюс только оперативное оказание гуманитарной помощи наиболее пострадавшим от пандемии странам, что, конечно, немало. Но уверен, что сглаживание политических противоречий, мешающих полноценному международному диалогу, по крайней мере в период борьбы с пандемией, стимулировало бы межгосударственное сотрудничество и позволило бы сэкономить много времени и сил. Неслучайно Россия практически сразу после начала пандемии выступила с инициативой о снятии санкций, чтобы облегчить наиболее пострадавшим странам доступ к необходимой помощи. Нас сразу же

обвинили в том, что мы преследуем какие-то собственные интересы, хотя в резолюции речь шла не о России, а о тех государствах, которые находятся в крайне тяжёлом положении (например, о Венесуэле или Иране). США, страны ЕС, Великобритания, Украина и Грузия немедленно заблокировали в Генеральной ассамблее ООН проект российской резолюции. И это решение в период пандемии нельзя назвать иначе, как аморальным и безответственным.

Второе – координация усилий мирового сообщества *в правоохранительной сфере*. Любой кризис активно провоцирует деструктивные силы, а риски использования экстремистами болевых точек цивилизации, угрозы терактов возрастают многократно. *COVID-19* по понятным причинам вынуждает спецслужбы интенсифицировать работу, прежде всего, для сохранения стабильности внутри своих стран. Но, как бы ни было трудно сейчас, нельзя ослаблять глобальное антитеррористическое взаимодействие между спецслужбами. Пандемия коронавируса со всей

Мы живём в принципиально иной реальности. Поэтому ответ на все проблемы пандемического кризиса должен быть универсальным.

очевидностью доказывает, насколько чувствительно для человечества моментальное заражение миллионов людей. Это, в свою очередь, может стать побудительным мотивом для использования крайне опасных технологий биотерроризма. Именно поэтому необходим максимально жёсткий контроль государства за биотехнологиями и биолaborаториями. А также – сотрудничество специальных служб для предотвращения терактов с использованием биологических агентов.

Пандемия также привела к всплеску виртуальной преступности. Сегодня, когда люди в повседневной жизни всё больше и больше используют цифровые решения, а компании переходят на удалённый режим работы, открывая доступ к своим внутренним данным, кибермошенникам, хакерам и продавцам контрафактной продукции всё легче искать своих жертв. Интернет продолжает становиться более открытым, и это несёт огромные риски, делает Всемирную сеть идеальным полем для преступных сообществ. Ещё недавно было трудно представить, что крупнейшие компании полностью

перейдут на формат совещаний в режиме онлайн, например, с помощью *Zoom*. А любая программа имеет и свои особенности, позволяющие решать далеко не высоконравственные задачи.

Не менее активно в период пандемии человечество стало переводить в цифровую сферу торговлю. Речь идёт как о бытовых покупках через интернет-магазины, так и о масштабных сделках, заключаемых в цифровой форме с использованием соответствующих способов оплаты. Объём такой торговли измеряется сотнями миллиардов долларов и будет расти независимо от траектории развития инфекции. Это уже необратимый процесс. Но оборот станет набирать и киберпреступность, создавая всё новые мошеннические схемы, на которые правоохранительным структурам придётся очень быстро реагировать. Причём в силу трансграничного характера сделок потребуются новые формы сотрудничества правоохранителей разных стран и самые современные технологические средства выявления и фиксации преступлений.

Мы в России активно работаем над развитием национальной системы кибербезопасности, в том числе по линии Совбеза и силовых структур. И призываем мировое сообщество к более тесному сотрудничеству для обеспечения глобальной безопасности в цифровом мире. Нам всем совместно пора принять новые законы и международные конвенции о противодействии терроризму и преступности в цифровом пространстве. Такая работа уже ведётся, но её следует ускорить.

Третье – обеспечение устойчивого, а стало быть, относительно безопасного *функционирования мировой экономики и национальных экономик*. Пандемия *COVID-19* создала беспрецедентные проблемы и для мировой экономики. Нет ни одной страны, которая не ощутила бы на себе последствий коронавируса. Некоторые государства уже объявляют дефолты по своим обязательствам, банкротятся крупные транснациональные компании. По данным Международного валютного фонда, в 2020 г. из-за кризиса мировую экономику ждёт спад до 3% по отношению к 2019 году. Это максимальная величина падения мирового ВВП со времён Второй мировой войны. Для сравнения: во время последнего глобального финансово-экономического кризиса в 2008–2009 гг. максимальное годовое падение составляло всего лишь 0,1%.

Принципиальной особенностью нашего времени стало то, что экономическая логика оказалась подчинена медицинской. А выбор экономической политики стал, по сути, выбором между экономическим ростом и сохранением жизни людей, что определяется традициями и уровнем доверия в каждом обществе. Однако длительная экономическая деградация также чревата человеческими жертвами.

Что это значит с точки зрения задач, стоящих перед экономикой? Как минимум, в краткосрочной перспективе ВВП перестанет быть критически значимым критерием для оценки динамики развития. Причём проблема заключается не столько в масштабе спада, сколько в его продолжительности. При глубоком, но недолгом спаде естественен отскок с последующим ростом, которому могут даже не требоваться инвестиции. Наиболее опасен именно длительный застой, провоцирующий разрушение инфраструктуры и деградацию всех уровней жизни человека.

Россия, безусловно, не сможет избежать всеобщей экономической рецессии. По прогнозу Минэкономразвития, ВВП страны в 2020 г. упадёт на 5%, ожидаются снижение реальных доходов на 3,8% и рост безработицы до 5,7% – максимума за 9 лет. Сегодня наша страна испытывает воздействие сразу трёх экономических шоков. Во-первых, падение нефтяных цен на мировом рынке. Это самый главный шок, так как отечественная экономика сохраняет зависимость от экспорта углеводородов. Однако за последние 20 лет Россия трижды выдерживала такие удары – как на исходе XX века, так и в 2008–2009 и в 2014–2015 годах. А значит нетрудно просчитать влияние этого шока на экономику и определить наиболее действенные меры для снижения негативных последствий. Основной отрицательный эффект следует ожидать в 2020 г., тогда как в следующем экономика сможет в целом адаптироваться к новым условиям, независимо от динамики цен на нефть.

А вот второму, внутреннему шоку, который стал следствием регуляторных решений со стороны государства, пытающегося замедлить распространение коронавирусной инфекции, аналогов практически нет. Внешне он чем-то напоминает ситуацию начала 1990-х гг., когда из экономического процесса выпадали отдельные субъекты хозяйственной деятельности, что приводило к разрыву

сложившихся связей. Но это сравнение – крайне условное. Нынешние проблемы в реальном секторе экономике, на рынке труда, в социальной сфере и банковском секторе имеют особую природу, и привычные подходы к анализу экономических и финансовых кризисов здесь не годятся. Закрытие предприятий некорректно объяснять недостаточной конкурентоспособностью компаний или товаров – ведь это, прежде всего, результат внеэкономических решений. Причём в условиях карантина максимальные ограничения относятся к сфере услуг, где производственные цепочки, как правило, простые и короткие (малый бизнес, сфера услуг). Следовательно, время спада может быть ограничено периодом сохранения регуляторных решений, а восстановление экономики начнётся достаточно быстро. Если, конечно, новые волны эпидемии не приведут к очередному витку вынужденных ограничений.

И, наконец, налицо третий шок, который связан со снижением зарубежного спроса на широкий круг отечественных товаров из-за замедления мировой экономики. Подобная ситуация наблюдалась в 2008–2009 гг. во время глобального финансово-экономического кризиса. Масштабы нынешнего снижения объёмов российского экспорта можно оценить, сравнив их с тем периодом. Сегодня сокращение торговли и спроса в мире – также во многом следствие ограничительных мер и временного разрыва хозяйственных и логистических связей. Поэтому продолжительность такого падения, возможно, будет ограничена сроком действия строгих карантинных мер, после чего спрос восстановится. Но и здесь есть угроза новой вспышки пандемии, которая способна нанести по мировой экономике сокрушительный удар, сопоставимый лишь с мировыми войнами.

Скорость восстановления спроса зависит и от состояния мировой экономики перед шоком. В 2007–2008 гг. она была в значительной степени «перегрета» после десятилетия быстрого роста и до настоящего времени росла достаточно медленно. Поэтому, если пандемия постепенно пойдёт на убыль, глубина спада после первого витка ограничений на ведение бизнеса, вероятно, не будет нарастать. А последующее возвращение к «естественному» уровню спроса может стать достаточно быстрым. Однако его расширение едва ли превысит объёмы спроса и торговли докризисного уровня.

Текущая неблагоприятная ситуация может спровоцировать и новый финансовый кризис в одной или нескольких странах. Это, в свою очередь, окажет давление на финансовый и валютный рынки России, а также вызовет дополнительное снижение спроса на российский экспорт. Вероятность такого шока повышается со временем, и в 2021 г. риск будет выше, чем в 2020-м. К этому мы также должны быть готовы.

Важно, что Правительство одобрило антикризисный план и представило его Президенту. Сейчас главное – его реализация с возможными коррективами по ходу исполнения. Необходима развёрнутая поддержка граждан и компаний, которая позволит избежать резкого сокращения совокупного спроса и предложения, предотвратить рост бедности. Потом должен произойти перезапуск экономики, включая выполнение национальных проектов в скорректированном виде. И на следующем этапе – запуск новой модели экономического роста, сопровождаемый структурными реформами.

При этом фактор пандемии значительно затрудняет прогнозирование любых экономических процессов. Поэтому сейчас назову лишь некоторые *принципы социально-экономической политики на первом этапе* – открытия экономики. Во-первых, постепенное снятие всех ограничений, ориентиром для чего являются готовность и оснащённость медицины для борьбы с пандемией. Во-вторых, поддержка людей, которая, в том числе, должна касаться наёмных работников и индивидуальных предпринимателей. Отсюда вытекает и необходимость реформы трудового законодательства, включая институт удалённой занятости. В-третьих, работа, направленная на стимулирование предложения, – посредством, прежде всего, снижения издержек, которые испытывают компании в связи с ведением бизнеса. Малому предпринимательству, возможно, понадобятся дополнительные меры поддержки в момент снятия карантина. В-четвёртых, дальнейшее упорядочение контрольно-надзорной деятельности. В-пятых, максимально возможное в текущей ситуации сохранение бюджетных обязательств, включая инвестиционные.

Конечно, объём мер государственной поддержки должен быть по возможности сопоставим с масштабами потерь экономики

и благосостояния граждан. Но очевидно, что жизнь окажется сложнее и внесёт неизбежные коррективы даже на первом этапе выхода из кризиса.

Концентрируясь на проблемах противодействия пандемии и связанному с ней экономическому кризису, важно не упускать из виду долгосрочные вызовы и задачи. Неопределённость и непредсказуемость в глобальной экономике, которые наблюдались в последние годы, получили наивысшее воплощение. На наших глазах формируются новые институты и механизмы общественной и экономической жизни, в основе которых лежат новейшие технологические решения.

Уже сейчас следует начать детальный анализ решений, связанных с созданием новых антикризисных институтов. Понять, какие институты носят краткосрочный характер, и от них желательно затем отказаться, а что действительно является прорывом в будущее.

«Цифра», несомненно, станет важнейшим фактором экономического, социального и политического развития в постпандемийном мире. Но критически важно провести чёткое разграничение между благами, которые даёт цифровизация, и угрозой появления «цифрового Большого Брата», ограничения фундаментальных прав и свобод человека. Экономическая эффективность, которую несёт цифровизация, не может быть куплена ценой «цифрового тоталитаризма».

Особый вопрос – об организации производства в новых условиях. Предстоит пересмотреть многие нормы ведения бизнеса с учётом эпидемиологических рисков, что, скорее всего, повысит издержки в экономике. Вместе с тем цифровые технологии несут в себе возможности компенсации этих издержек. Но это повлечёт за собой выработку новых структурных и институциональных решений. «Регуляторная гильотина» в этих условиях не уходит на периферию – напротив, актуальность её резко возрастает. Ведь «цифра» не только позволяет, но и требует решительного отказа от устаревших и сковывающих социально-экономический рост форм контроля и надзора.

Пандемия предъявила новые требования к функционированию секторов, непосредственно определяющих условия жизни человека, – образование и здравоохранение, условия труда и отдыха,

система мотивации. И многое, многое другое. Предстоит осмыслить долгосрочную роль «цифры» во всех этих сферах, причём так, чтобы качество их работы существенно возросло. Ведь именно человеческий капитал (или, точнее, человеческий потенциал) является в XXI веке ключевым фактором конкуренции. А мы должны чётко понимать, что глобальное сотрудничество, необходимость которого ещё раз подчеркнула пандемия, никак не избавляет от глобальной конкуренции.

Однако конкуренция не отменяет необходимости международного экономического сотрудничества, актуальность которого существенно возрастает. Многие страны сталкиваются с проблемами финансирования своих социальных обязательств и исполнения долговых платежей. И развитые страны должны быть готовы оказывать поддержку ради обеспечения глобальной социальной и финансово-экономической стабильности. Минувшие месяцы показали готовность различных стран и международных организаций к кооперации и взаимодействию в противостоянии вызовам. Международными организациями заявлены существенные финансовые обязательства в целях борьбы с пандемией. Так, к примеру, представители «Группы двадцати» обещали выделить в общей сложности порядка 5 трлн долл. США в целях поддержки национальных экономик стран-членов.

Хотя введение различными странами мира ограничительных мер в торговле товарами и услугами подорвало функционирование международной торговой системы и цепочек добавленной стоимости, в соответствии с договорённостями G20 и АТЭС, рекомендациями ВТО и ВОЗ ограничительные торговые меры, принимаемые в целях борьбы с последствиями пандемии, должны быть адекватными и носить временный характер. Пандемия также оказала воздействие на формирование торговых соглашений: реализация соглашения об Африканской континентальной зоне свободной торговли отложена, временно приостановлены переговоры по соглашению о свободной торговле между ЕС и Великобританией. Под угрозой выполнение первой фазы торговой сделки между США и Китаем.

России в таких условиях целесообразно придерживаться принципов свободной торговли, безусловно, с учётом объективных

требований по защите безопасности жизни и здоровья, обеспечения наших национальных интересов. Стимулировать развитие цифровой торговли при условии обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных. На пространстве ЕАЭС современные вызовы будут способствовать организации сотрудничества в области здравоохранения и выработке механизма совместного реагирования на эпидемиологические вызовы в условиях единого мобильного рынка труда. Самое время активно развивать дистанционное взаимодействие между медицинскими учреждениями России и стран – партнёров по ЕАЭС. Расширять присутствие российского образования в государствах ЕАЭС путём подключения их вузов к дистанционным программам или отдельным мероприятиям российских учебных заведений.

И, наконец, может быть, самое *неотложное*, а потому – наиболее *важное*. Помимо восстановления экономики, наибольшие трудности властей будут связаны с организацией текущей жизнедеятельности человека, её безопасностью. Страны, которые постепенно выходят из карантина, справедливо волнуются, как коронавирус отразится на жизни крупных городов. Перед управленцами разного уровня возникают вопросы, которые были немыслимы ещё в недалёком прошлом. Как в условиях присутствия вируса с высокой контагиозностью обеспечить людям возможность безопасно и свободно перемещаться, ездить на работу и ходить в магазины? Нужно ли требовать соблюдать социальную дистанцию, носить маски? Ведь все эти меры, будем говорить честно, вносят в нашу жизнь массу неудобств. Некоторые страны уже сейчас намерены пойти весьма жёстким путем и ввести так называемые «паспорта здоровья», которые позволят своевременно выявлять инфицированных туристов и гостей, прибывших в страну, или «иммунные паспорта», присваиваемые переболевшим коронавирусом гражданам.

Желание властей утвердить или сохранить те или иные правила новых социальных отношений между людьми вполне понятны: долгое противостояние вирусу и медленная победа над ним даются слишком большой ценой. Однако здесь важно найти баланс между интересами государства и человека, его гражданскими правами. Не спровоцировать панику и недовольство среди людей (социальные протесты в США и ряде других государств это доказывают со всей

очевидностью). Правильно опираться на опыт других стран, если он положительно себя зарекомендовал даже на первых стадиях внедрения. Думаю, что ООН и Всемирная организация здравоохранения могли бы предоставить площадку для обсуждения ведущими экспертами мер, которые позволят обеспечить безопасную жизнь людей и при этом не допустить взрыва социального недовольства.

Коронавирусная инфекция, с которой мы столкнулись, уникальна, так как напрямую затронула все сферы нашей жизни. И в этот трудный период именно транспарентность является главным условием выживания. Нужно делиться научной и практической информацией, навыками, различного рода технологическими решениями. Государства и люди должны объединить усилия, оказывать друг другу взаимную поддержку и помощь настолько активно, насколько этого требует ситуация. В наших общих интересах – как можно скорее оставить в стороне ненужные споры и противоречия. В романе Альбера Камю «Чума» говорится, что сама по себе хроника борьбы с бедой «не может стать историей окончательной победы. А может она быть лишь свидетельством того, что следовало совершить и что, без сомнения, обязаны совершать все люди вопреки страху с его не знающим устали оружием».

Поэтому только самое тесное сотрудничество позволит нам победить вирус, который никуда не ушёл и по-прежнему является общим врагом всего человечества.

Эпоха волшебных денег

Могут ли бесконечные расходы предотвратить экономическое бедствие?

Себастьян Маллаби

Себастьян Маллаби – ведущий научный сотрудник по международной экономике Совета по международным отношениям. Опубликовано в журнале *Foreign Affairs* № 4 за 2020 год.
© Council on foreign relations, Inc.

Кризис может привести к переменам, но иногда требуется два кризиса, чтобы закрепить трансформацию. Великая депрессия открыла Новый курс, примерно в три раза увеличив федеральные расходы США на производство. Но потребовалась Вторая мировая война, чтобы поднять их ещё больше и укрепить роль государства в экономике. Если к середине 1950-х гг. федеральные вмешательства, такие как создание системы внутригосударственных автомагистралей, уже казались естественными, то это было результатом двух тяжёлых потрясений, а не одного.

В американской истории множество подобных примеров. Война во Вьетнаме спровоцировала снижение доверия к правительству. Но чтобы сделать этот спад стремительным, понадобился сильнейший шок Уотергейта. Распад Советского Союза усилил мощь США. Но именно высокие показатели американской экономики в 1990-е гг. вызвали разговоры об «однополярном моменте». А в первом десятилетии уже этого столетия технический прогресс способствовал усугублению неравенства. Глобализация же углубила этот разрыв.

Сегодня Соединённые Штаты и другие развитые страны переживают вторую волну сильнейшего двойного шока. Хотя было бы достаточно либо мирового финансового кризиса 2008 г., либо глобальной пандемии 2020 г., чтобы изменить государственные финансы, побудив правительства свободно создавать и занимать деньги. В совокупности они призваны трансформировать по-

купательную способность государства. Новая эра напористого и экспансивного правительства манит к себе. Назовём это эпохой волшебных денег.

Двойной шок изменит баланс сил в мире, поскольку его последствия будут отличаться в разных странах в зависимости от надёжности и сплочённости экономических институтов каждого государства. Япония с долгой историей низкой инфляции и компетентным национальным центробанком уже показала, что может занимать и тратить гораздо больше, чем резонно предположить, учитывая и без того высокий уровень госдолга. Соединённое Королевство, имеющее серьёзный торговый дефицит, но прочные традиции государственных финансов, должно справиться с ростом госрасходов без негативных последствий. Еврозона – неуклюжий синтез экономической федерации и собрания премирающихся гордых национальных государств – будет медленнее использовать новые возможности. Тем временем развивающиеся экономики, пережившие кризис 2008 г., вступят в сложный этап. А более слабые государства не устоят перед долговыми кризисами.

Новая эра принесёт Соединённым Штатам самые большие потенциальные выгоды, но и огромные риски. Как эмитент наиболее надёжных финансовых активов в мире, США получают шанс использовать новые финансовые полномочия наиболее амбициозно, а, возможно, и злоупотреблять ими. Отчасти благодаря прочному положению доллара в качестве мировой резервной валюты Соединённые Штаты смогут поддерживать рост госрасходов на такие разнообразные приоритеты, как научные исследования, образование и национальная безопасность. В то же время госдолг будет расти, а управление им в решающей степени зависит от доверия к Федеральной резервной системе. В периоды высокого государственного долга президенты США со времён Гарри Трумэна пытались подчинить себе Центробанк. Если ФРС потеряет независимость, эпоха волшебных денег может закончиться катастрофой.

«ЧЕГО БЫ ЭТО НИ СТОИЛО»

Финансовый кризис 2008 г. оставил след в мире, увеличив мощь центробанков в развитых экономиках. В течение нескольких дней после того, как *Lehman Brothers* в сентябре объявил о бан-

кротстве, Бен Бернанке (председатель Федеральной резервной системы США с 2006 по 2014 гг.) представил новые правила экономики, вложив 85 млрд долларов госсредств в страховую корпорацию *American International Group (AIG)*. Когда демократа и представителя штата Массачусетс Барни Фрэнка проинформировали об этом плане, он скептически поинтересовался, есть ли у ФРС на руках целых 85 млрд долларов. «У нас есть 800 млрд долларов», – ответил Бернанке. Вооружившись национальным печатным станком, ФРС может наколдовать столько долларов, сколько захочет, говорил он. Ведь железный закон дефицита не должен применяться к центральным банкам.

Спасение за госсчёт *AIG* было только началом. ФРС вычеркнула токсичные активы из балансов длинного списка обанкротившихся кредиторов, чтобы стабилизировать их. Она приняла новый инструмент «количественного смягчения», который включает в себя создание денег для покупки долгосрочных облигаций, таким образом подавляя долгосрочные процентные ставки и стимулируя экономику. К концу 2008 г. ФРС вложила в экономику 1,3 трлн долларов – сумму, эквивалентную трети годового федерального бюджета. Традиционный инструментарий Центробанка, включающий манипулирование краткосрочными процентными ставками, был значительно расширен.

Эти амбициозные шаги повторили и другие страны с развитой экономикой. Банк Англии также принял меры количественного смягчения, покупая облигации в том же масштабе, что и ФРС (с учётом размера британской экономики). Банк Японии экспериментировал с количественным смягчением с 2001 г., но после финансового кризиса удвоил усилия; с 2013 г. он генерировал больше денег по отношению к ВВП, чем любая другая зрелая экономика. Ответных мер Европейского центрального банка не было годами из-за сопротивления Германии и других северных государств-членов, но в 2015 г. он всё же присоединился к этой вечеринке. Центральные банки «большой четвёрки» вместе вложили около 13 трлн долларов в свои экономики в течение десяти лет после финансового кризиса.

Кризис, вызванный коронавирусом, ещё больше воодушевил центробанки. До пандемии экономисты беспокоились, что коли-

чественное смягчение вскоре перестанет быть эффективным или политически приемлемым. Были и опасения, что законодательство после 2008 г. ограничило полномочия ФРС по проведению спасательных операций. «У правительства ещё меньше чрезвычайных полномочий, чем до кризиса», – написал в 2017 г. бывший министр финансов США Тимоти Гайтнер. Но как только началась пандемия, опасения развеялись. Уважаемый инвестор Говард Маркс недавно признался: «Я был среди многих, кто месяц назад волновался по поводу ограниченности арсенала ФРС. Теперь мы видим огромные возможности его потенциального инструментария».

Федеральный резерв вступил в бой в марте, пообещав, что диапазон его действий будет фактически безграничным. «Когда дело дойдёт до кредитования, нас не остановит нехватка боеприпасов», – заявил председатель ФРС Джером Пауэлл. В то время как первые два раунда количественного смягчения ФРС, начатые в 2008 г. и 2010 г., включали заранее объявленное количество покупок, позиция Пауэлла была подчёркнуто открытой для изменений. В этом он следовал прецеденту, созданному в 2012 г. Марио Драги, тогдашним председателем Европейского центрального банка, который пообещал сдерживать долговой кризис в Европе, «чего бы это ни стоило». Но обещание Драги было вдохновенным блефом, так как желание североευропейских государств поддерживать неограниченное вмешательство было нетвёрдым. Напротив, сегодня никто не сомневается в том, что ФРС пользуется поддержкой президента США и Конгресса для реализации своей максималистской риторики. «Чего бы это ни стоило», сказанное ФРС, прозвучало стократ громче.

Решительные обещания ФРС совпали с немедленными действиями. В марте и первой половине апреля она вложила в экономику более 2 трлн долларов, что было почти вдвое более мощно, чем за все шесть недель после падения *Lehman Brothers*. При этом экономисты свободного рынка прогнозируют, что Центробанк купит более 5 трлн долларов дополнительного долга к концу 2021 г., превысив свои совокупные закупки с 2008 г. по 2015 год. Другие центробанки идут по тому же пути, хотя и не в таком масштабе. По состоянию на конец апреля Европейский центральный банк рассчитывал на смягчение в 3,4 трлн долларов, а Япония и Великобритания обещали в общей сложности 1,5 трлн долларов.

Разработка программ Федерального резерва выводит на новую территорию. После провала *Lehman Brothers* ФРС опасалась помогать нефинансовым компаниям, чья стабильность была слишком неустойчива для функционирования финансовой системы. Сегодня ФРС покупает корпоративные облигации (в том числе рискованные «мусорные»), чтобы гарантировать компаниям возможность брать кредиты. Она также работает с Министерством финансов и Конгрессом, чтобы получить кредиты для малого и среднего бизнеса. ФРС стала кредитором последней инстанции не только для Уолл-стрит, но и для Мейн-стрит (главная торговая улица города, метафорически – сектор малого и среднего бизнеса в противопоставление Уолл-стрит как символу крупного капитала – *прим. ред.*).

По мере того, как ФРС расширяет охват, она ставит под угрозу свои традиционные притязания на роль сугубо технократического агентства, стоящего вне политики. В прошлом ФРС держалась подальше от кредитования на Мейн-стрит именно потому, что не хотела решать, какие компании заслуживают финансовой помощи, а какие упрутся в стену. Такой оскорбительный выбор лучше оставить демократически избранным политикам, имеющим мандат на установление социальных приоритетов. Но старое разграничение между монетарными техниками и бюджетной политикой размылось. ФРС стала крупнейшим агентом большого правительства, своего рода «суперминистерством» экономики.

ДЕНЬГИ НИ НА ЧТО

Это приводит ко второму расширению финансовых возможностей правительств в результате кризиса *COVID-19*. Пандемия показала, что центральные банки – не единственные, кто может наколдовать деньги из воздуха; министерства финансов также в силах применить магию. Национальные казначейства (если они санкционированы законодателями и поддерживаются центробанками) имеют право брать ссуды и тратить практически без ограничений, глумясь над привычными законами экономики.

Ключом к новой силе стало непостижимое исчезновение инфляции. После кризиса 2008 г. цены в странах с развитой экономикой выросли менее чем на 2% в год. В результате один из

главных рисков дефицита бюджета исчез, по крайней мере, на данный момент. В мире до 2008 г. правительства, которые тратили больше, чем собирали в виде налогов, создавали риск инфляции, что часто заставляло центробанки повышать процентные ставки: дефицит бюджета в качестве формы стимулирования считался саморазрушительным. Но в мире после 2008 г., когда инфляция успокоилась, бюджетные органы могут полагаться на стимулирующие дефициты, не опасаясь, что центробанки станут им противодействовать. Возросшее неравенство передало богатство в руки граждан, которые скорее сэберегут деньги, чем потратят. Снижение конкуренции позволило компаниям, обладающим рыночной властью, тратить меньше средств на инвестиции и заработную плату. Облачные вычисления и цифровые рынки позволили сократить расходы на оборудование и наём персонала при запуске компаний. Благодаря этим и, возможно, другим факторам спрос не превысил предложение, поэтому инфляция была минимальной.

Пока Китай борется за интернационализацию юаня, доллар остаётся той валютой, которую так жаждут вкладчики.

Какими бы ни были причины, исчезновение инфляции позволило центробанкам не только терпеть бюджетные дефициты, но и облегчать их. Правительства сокращают налоги и увеличивают расходы, финансируя возникающий дефицит путём выпуска облигаций. Затем центробанки покупают их у инвесторов на рынке в рамках количественного смягчения. Из-за таких покупок снижается процентная ставка, которую правительства должны платить за кредит. Более того, поскольку центральные банки обычно переводят свою прибыль обратно в госказначейства, процентные платежи ещё ниже, чем кажутся, поскольку будут частично компенсированы. Министерство финансов, которое продаёт долг своему национальному центробанку, грубо говоря, заимствует у себя. Как центральные банки стирают грань между монетарной и бюджетной политикой, так и бюджетные власти приобретают некоторую алхимическую силу центробанков.

Если низкая инфляция и количественное смягчение сделали бюджетные дефициты дешёвыми, наследие 2008 г. сделало их более

желательными. Количественное смягчение помогло экономике восстановиться после финансового кризиса, но у него были и недостатки. Удержание долгосрочных процентных ставок приводит к росту цен на акции и облигации, что позволяет компаниям за меньшую цену привлечь капитал для инвестиций. Это, однако, также является подачкой держателям финансовых активов – едва ли самым достойным получателям государственной помощи. Поэтому было бы лучше пробудить экономику более низкими налогами и дополнительными бюджетными расходами, поскольку они могут быть направлены на граждан, нуждающихся в помощи. Рост популизма с 2008 г. подчёркивает необходимость использования инструментов стимулирования, чувствительных к неравенству.

Поскольку бюджетные дефициты кажутся менее дорогостоящими и более желательными, чем раньше, правительства развитых стран с удовольствием их принимают. И опять же Соединённые Штаты проложили этот путь. На волне финансового кризиса в 2009 г. в стране наблюдался дефицит федерального бюджета в размере 9,8% ВВП. Сегодня этот показатель почти удвоился. Другие страны также следовали американской политике – «не облагайте налогом, а просто тратьте», но менее агрессивно. По оценкам *Morgan Stanley*, в конце апреля этого года в Японии ожидается дефицит в размере 8,5% ВВП, что составляет менее половины американского показателя. Еврозона будет на уровне 9,5%, а Великобритания – 11,5%. Правительство Китая, которое после 2008 г. лидировало в мире по размерам стимулов, на этот раз не сможет соперничать с Соединёнными Штатами. По оценкам *Morgan Stanley*, в 2020 г. его дефицит может составить 12,3%.

В то время как сильные экономики мира активно заимствуют средства для борьбы с *COVID-19*, слабые страны обнаруживают, что этот вариант им недоступен. Далёкие от увеличения своих займов, они испытывают трудности в поддержании существующего уровня долга, потому что кредиторы отказываются пролонгировать их займы при первом намёке на кризис. По данным МВФ, в течение первых двух месяцев пандемии инвестиционный капитал в 100 млрд долларов покинул развивающиеся страны, и более 90 государств обратились к МВФ за помощью. В большинстве развивающихся стран нет никакой магии, только экономия.

ПРЕИМУЩЕСТВО АМЕРИКИ

С начала пандемии Соединённые Штаты реализовали самые значительные в мире меры денежного и бюджетного стимулирования. Каким-то чудом им удалось сделать это практически бесплатно. Пандемия спровоцировала бегство в относительно безопасные американские активы, и покупки ФРС привели к повышению цены казначейских облигаций США. По мере роста цен на казначейские облигации их процентная доходность снижается – за первые четыре месяца этого года доходность десятилетних облигаций упала более чем на целый процентный пункт, впервые опустившись ниже одного процента. Следовательно, даже несмотря на то, что стимулирующие меры вызвали рост госдолга США, стоимость обслуживания этого долга осталась стабильной. Судя по прогнозам, выплаты по федеральному долгу в виде доли от ВВП будут такими же, как и без кризиса. Это что-то близкое к «бесплатному обеду» в экономике.

Все ведущие мировые экономики в той или иной степени пользовались этой неожиданной удачей, но опыт США уникален. Номинальные десятилетние государственные процентные ставки в Канаде, Франции, Германии, Японии и Великобритании ниже, чем в Соединённых Штатах, но только в Германии они ниже с учётом инфляции. Более того, показатель в США скорректировался наиболее сильно с начала пандемии. Чтобы привести контрастный пример, десятилетняя ставка немецкого правительства является отрицательной, но с начала февраля снизилась лишь незначительно и фактически выросла с сентября прошлого года. Аналогичным образом, ставка десятилетних облигаций Китая снизилась с начала этого года, но в два раза меньше американской. Тем временем в некоторых странах с формирующейся рыночной экономикой стоимость заимствований движется в противоположном направлении. С середины февраля до конца апреля показатель в Индонезии вырос с примерно 6,5% до почти 8%, а в Южной Африке – с 9% до более 12%, хотя с тех пор этот рост уменьшился.

Способность Соединённых Штатов безопасно и дёшево занимать средства у глобальных вкладчиков отражает статус доллара как мировой резервной валюты. После кризиса 2008 г., когда неудачи финансового регулирования и монетарной политики деста-

билизировали мир, было много разговоров о том, что господство доллара может закончиться, и Китай предпринял согласованные усилия по распространению использования юаня за пределами своих границ. Примерно десять лет спустя Китай создал свой рынок гособлигаций, сделав его вторым в мире. Но иностранцы всё ещё должны бороться с китайским контролем над капиталом, и офшорный рынок облигаций, деноминированных в юанях, который Пекин продвигал с большой шумихой десять лет назад, не смог получить поддержку. Как результат – доля юаня в валютных резервах, накопленных центральными банками мира, составляет всего 2%. Частные вкладчики начинают приобретать китайские облигации, но они по-прежнему составляют крошечную часть их портфелей.

Пока Китай борется за интернационализацию юаня, доллар остаётся той валютой, которую так жаждут вкладчики. Несмотря на финансовый кризис и широко распространённое мнение о том, что влияние США в мире снизилось, почти 2/3 валютных резервов центральных банков мира по-прежнему состоят из долларов. Не изменило картину и частое обращение Вашингтона к финансовым санкциям, хотя они подталкивают такие страны, как Иран, искать способы обхода долларовой финансовой системы. Выпуск глобальной резервной валюты оказывается весьма устойчивым источником власти. Доллар продолжает расти во времена неопределённости, даже когда непоследовательная политика США усугубляет эту неопределённость – отсюда и повышение курса доллара с начала пандемии.

Превосходство доллара сохраняется благодаря мощным сетевым эффектам. Вкладчики во всём мире хотят доллары по той же причине, по которой школьники по всему миру изучают английский язык: валюта или язык полезны в той мере, в какой их используют другие. Чуть менее половины всех международных долговых ценных бумаг номинированы в долларах, поэтому вкладчики нуждаются в долларах для покупки этих финансовых инструментов. Верно и обратное: поскольку вкладчики привыкли совершать сделки в долларах, эмитенты ценных бумаг предпочитают продавать акции или облигации на долларовом рынке. До тех пор, пока мировые рынки капитала работают в основном с долларом, он

останется в центре финансовых кризисов: обанкротившиеся банки и предприятия должны будут спасаться долларами, поскольку именно в этой валюте они будут одалживаться снова. В результате расчётливые центробанки будут держать большие долларовые резервы. Эти сетевые эффекты, вероятно, защитят статус доллара в обозримом будущем.

НАША ВАЛЮТА, ВАША ПРОБЛЕМА

В эпоху волшебных денег это преимущество окажется весьма действенным. В моменты стресса Соединённые Штаты будут испытывать приток капитала, даже когда ФРС станет снижать процентные ставки в долларах, делая капитал обильным и недорогим. В то же время рынки облигаций начнут относиться к другим странам менее щедро, а некоторые из них даже пострадают из-за роста стоимости займов в самый неподходящий момент.

Сильная финансовая система всегда давала великим державам преимущество: чуть более двух веков назад превосходство Соединённого Королевства в доступе к кредитам помогло ему победить Наполеона. Сегодня финансы имеют большую власть над странами и людьми, чем когда-либо. Но даже укрепляя мощь США, финансы становятся всё более рискованными. Риск растущего бремени федерального долга очевиден. Совсем недавно, в 2001 г., американский госдолг составлял всего 31% ВВП. После финансового кризиса это соотношение более чем удвоилось. Теперь благодаря второму из двух шоков госдолг скоро достигнет рекорда в 106%, установленного в конце Второй мировой войны.

Вызовет ли этот долг кризис, будет зависеть от процентных ставок. До начала пандемии Бюджетное управление Конгресса США ожидало, что средняя процентная ставка будет колебаться в пределах 2,5%. Агрессивная покупка облигаций ФРС привела к снижению ставок – отсюда и тот самый «бесплатный обед». Но даже если процентные ставки станут прежними, долг всё равно устойчив: выше среднего уровня в 1,5% ВВП, как за последние два десятилетия, но всё же ниже пика в 3,2% ВВП, которого достигли в начале 1990-х годов.

Ещё один способ оценки – сравнение долговых выплат с перспективой роста. Если номинальный рост (реальный рост плюс

инфляция) опережает выплаты по долгам, то обычно страна может решить свои проблемы. В Соединённых Штатах оценки реального устойчивого роста колеблются от 1,7% до 2,0%; оценки будущей инфляции варьируются от ожидаемых рынками 1,5% до официальной цели ФРС в 2,0%. Если сложить всё это вместе, то номинальный рост США, вероятно, составит в среднем около 3,6%. Если платежи по обслуживанию долга составят 2,5% ВВП, и правительство выполнит свои обязательства, заимствуя и увеличивая таким образом объём долга, номинальный рост в 3,6% будет означать, что федеральное правительство может иметь скромный дефицит в остальной части бюджета и при этом сокращать соотношение долга к ВВП.

Опыт Японии подтверждает, что высокий уровень задолженности может быть на удивление прочным. Госдолг страны в 2000 г. превысил 100% ВВП, а с тех пор этот показатель удвоился, достигнув почти 200%. Но Япония не рухнула в долговой кризис. Вместо этого процентные ставки снизились, сохранив стоимость обслуживания долга на приемлемом уровне. Послужной список Японии также опровергает представление о том, что высокий уровень долга препятствует активным чрезвычайным расходам. Пандемический стимул там велик, особенно по сравнению с масштабом её проблем в области здравоохранения.

Иначе говоря, недавнее преобладание низких процентных ставок в богатом мире поддерживает мнение о том, что уровень долга США будет управляемым, даже если продолжит расти. Чем дольше центральные банки сохраняют курс на количественное смягчение, тем вероятнее удержание более низких процентных ставок: крайне низкие доходы по японскому госдолгу отражают тот факт, что Банк Японии поглотил более трети этого объёма. В ситуации стабильно низких процентных ставок правительства оказываются в зазеркалье: взяв больше долгов, они могут уменьшить бремя задолженности, поскольку их инвестиции, финансируемые за счёт долга, компенсируют долг посредством роста ВВП. Исходя из этой логики, эпоха волшебных денег может привести к расширению федеральных инвестиций в целый ряд секторов. Если инвесторы во всём мире обращаются к правительственным облигациям Соединённых Штатов, почему бы не воспользоваться этой возможностью?

Вопрос в том, предвосхищает ли опыт Токио – растущий долг компенсируется снижением процентных ставок – будущее Вашингтона? На данный момент у двух стран есть ключевая общая особенность: центральный банк, охочий до количественного смягчения. Но это возможно благодаря спокойному уровню инфляции. Из-за устойчивой традиции экономии и сбережений Япония переживала прямую дефляцию 13 из последних 25 лет, в то время как в Соединённых Штатах дефляция была за тот же период всего лишь один год. Опасность заключается в том, что в будущем США столкнутся с неожиданным ростом цен, который, в свою очередь, приведёт скорее к повышению процентных ставок, чем к росту номинального ВВП, что сделает их долг неприемлемым.

Чтобы понять, как это может сработать, вспомните 1990 год. Тогда любимый показатель инфляции ФРС – индекс потребительских цен – вырос до 5,2% после падения к уровню 1,6% четырьмя годами ранее, а это доказывает, что инфляционные изменения действительно происходят. По мере роста инфляции ФРС увеличивала стоимость займов; ставки по десятилетним казначейским облигациям выросли примерно с 7% в конце 1986 г. до более чем 9% в 1988 г., а в 1990 г. они колебались выше 8%. Если нечто подобное произойдёт сегодня – это может обернуться катастрофой. Если долгосрочные процентные ставки вырастут на 2 пункта, США столкнутся с долговыми выплатами в 4,5% ВВП вместо 2,5%. Бремя госдолга станет рекордным.

Это будет иметь серьёзные политические последствия. В 1990 г. неустойчивая долговая траектория вынудила принять болезненный пакет мер по сокращению дефицита, в результате чего президент США Джордж Буш – старший отказался от предвыборного обещания «новых налогов не будет», что, возможно, стоило ему выборов 1992 года. Учитывая сегодняшний политический цинизм, рассчитывать на повторение подобного самопожертвования неразумно. Поэтому стоит напомнить о другой тактике управления долгом, принятой администрацией Буша. Атакуя председателя ФРС Алана Гринспена закулисными инсинуациями и открытыми нападками, советники Буша-старшего пытались заставить Центробанк снизить процентные ставки. По их мнению, более низкие ставки, быстрый рост и высокая инфляция в совокупности решат долговую проблему.

Алан Гринспен стоял на своём, а Буш не был настолько безрассудным, чтобы избавиться от него. Но если бы будущий президент оказался более рискованным, ФРС назначили бы лидера, ставящего стабильность госдолга выше стабильности цен. Учитывая недавние меры ФРС по спасению бизнеса, неуместно утверждать, что Центробанк также обязан защищать граждан от бюджетного аскетизма. Учитывая занижение им целевого уровня инфляции за последние несколько лет, можно предположить, что небольшое превышение было бы безвредным. К сожалению, если это не проверить достаточно быстро, то такая притягательная логика может открыть путь к повторению 1970-х гг., когда неэффективное управление финансами позволило инфляции в США достичь двузначных цифр, а доллар приблизился (как никогда в послевоенный период) к утрате своего привилегированного статуса.

Эпоха волшебных денег чревата как новыми возможностями, так и рисками. Двойной шок 2008 г. и 2020 г. расширил расходные полномочия правительств богатых стран мира (особенно Соединённых Штатов). Они вообразили, что госинвестиции способны ускорить рост, смягчить неравенство и решить экологические проблемы. Но хорошего понемногу, поскольку это может спровоцировать кризис доллара, который распространится по всему миру. Как сказал министр финансов США Джон Коннелли своим европейским коллегам в 1971 г.: «Доллар – наша валюта, но ваша проблема».

ДИЛЕММА ФРС

Никто не знает, почему инфляция исчезла и когда она вернётся. Перебои в поставках, вызванные постпандемической деглобализацией, могут вызвать проблемы и резкий скачок цен; другой вероятный триггер – восстановление стоимости энергии, достигшей недавно абсурдных минимумов. Честные эксперты признаются, что имеется слишком много неизвестных, чтобы сделать прогноз надёжным. Но именно потому, что будущее неопределённо и всякое может случиться, предсказания другого рода кажутся безопасными. Если инфляция всё-таки вспыхнет, то выбор горстки людей будет определять, падут ли финансы в пропасть.

США пережили аналогичный момент в 1950 году. Тогда Китай послал 300 тыс. пехотинцев через замерзшую реку Ялу на границе

с Кореей; они окружили американских солдат, спящих на холодной земле в спальных мешках, и забили их до смерти. В следующем месяце, когда судьба холодной войны стала неопределённой как никогда прежде, президент США Гарри Трумэн позвонил домой председателю ФРС Томасу Маккейбу и стал настаивать, чтобы процентная ставка по десятилетним облигациям оставалась на уровне 2,5%. А если ФРС не сможет купить достаточно облигаций, чтобы удержать этот уровень, то это будет «именно то, чего хочет господин Сталин» – отчитал его президент. Во время эскалации войны необходимо было сохранить способность правительства к займам.

Это поставило ФРС перед дилеммой, с которой она может снова столкнуться. С одной стороны, нация была в опасности. С другой – инфляция возрастала. ФРС пришлось выбирать между решением проблемы атакующего президента и стабилизацией цен. Трумэн был в ярости: Маккейб решил поставить борьбу с инфляцией на первое место.

Президент заменил его Уильямом Макчесни Мартином (чиновником Казначейства), который, как ожидал Трумэн, будет лояльным, и был потрясён, обнаружив, что его собственный человек ему не подчинился. В своём первом выступлении в качестве главы ФРС Мартин заявил, что инфляция – «ещё более серьёзная угроза жизнеспособности страны, чем агрессия врагов за пределами её границ». Ценовой стабильностью жертвовать нельзя, даже если у президента другие приоритеты.

Много лет спустя Трумэн встретил Мартина на одной из улиц Нью-Йорка. Бросил ему: «Предатель», – и удалился. И до окончания эпохи волшебных денег Соединённым Штатам могут вновь понадобится «предатели».

Почему американским элитам не доверяют

Ричард Лахман

Ричард Лахман – профессор Университета штата Нью-Йорк в Олбани, автор недавно вышедшей книги «ВИП-пассажиры тонущего лайнера: привилегии элит и упадок великих держав» (*First Class Passengers on a Sinking Ship: Elite Politics and the Decline of Great Powers*, издательство Verso, 2020). Данная статья излагает некоторые тезисы этой книги.

Экстремальные явления, такие как пандемия *COVID-19*, выявляют силу социальной солидарности. Борьба с вирусом требует от населения больших жертв. «Социальная дистанция» – не просто отказ от общения с друзьями или походов в рестораны и театры. Работники должны держаться подальше от работы, а предприятия – закрываться на недели или месяцы, жертвуя доходом. Эти месяцы убытков способны привести всех (кроме самых богатых) к значительным потерям прибыли и сбережений или даже к банкротству. Люди с большей вероятностью пойдут на жертвы, если они уверены, что лидеры честны с ними и лишения касаются всех. А когда такой уверенности нет, требование держать дистанцию будет игнорироваться. Люди начнут набрасываться на других, обвиняя их в появлении болезни или попытках нажиться на ней.

Мы наблюдаем ряд мер, принятых в связи с пандемией во всём мире. Возьмём два крайних случая: в Индии неудачная попытка заставить всех оставаться дома, несмотря на обеспечение продовольствием тех, кто остался без работы, привела к взрыву религиозной ненависти и насилию. А в Новой Зеландии, наоборот, чрезвычайно высока степень готовности следовать государственным предписаниям, и практически нет социальных конфликтов вокруг распределения убытков.

Ошибочно объяснять разные реакции на пандемию культурными различиями. Считается, что жители Восточной Азии ориенти-

рованые на интересы сообщества, способны жёстко ограничивать капиталистическую алчность. Чудовищное неравенство в Южной Корее, драматически представленное в фильме Пон Чжун Хо «Паразиты», противоречит упрощённому образу восточноазиатской коллективной ответственности. И хотя в Индии индуисты и мусульмане издавна проявляют взаимную нетерпимость и насилие, в других странах тоже встречается глубокая и острая этническая ненависть. Новая Зеландия, которая уничтожила почти всё коренное население маори и до сих пор продолжает дискриминировать это меньшинство, – не исключение.

Правительства и элиты могут непреднамеренно либо умышленно снижать или обострять социальные конфликты. Индийская националистическая партия «Бхаратия джаната» всегда делала разжигание антимусульманских настроений основой своей избирательной привлекательности. Нарендра Моди, будучи главным министром штата Гуджарат, а теперь – премьером, фактически подстрекал индусов к насилию против мусульман. Неудивительно, что на них нападают и во время пандемии. Также и в США нападениям на азиатов способствовала расовая травля, которую подхлестывает Дональд Трамп.

Если мы хотим понять, почему в некоторых странах руководство способно реализовать сложные программы обеспечения социальной дистанции и смягчать её экономические последствия, нам нужно учитывать не только личные качества или патологии лидера. Да, Трамп коррумпирован, проявляет все признаки нарциссического расстройства личности, ему не хватает дисциплины или умственных способностей, чтобы рационально взвесить факторы и выбрать правильную политику. Да, президент Бразилии Жаир Болсонару – крайне правый консерватор, доверяющий христианским проповедникам-шарлатанам, а не медицинским экспертам. Да, британский премьер Борис Джонсон ленив и потакает своим слабостям. Однако ни один из них не смог бы выйти сухим из воды с таким безответственным подходом к COVID-19, если бы элитам их решения были невыгодны или загоняли управление в тупик настолько, что страны оказались бы неспособны проводить эффективную политику. Именно поэтому эксцентричные лидеры свободно предаются своим прихотям.

О современной Бразилии и Великобритании я знаю только благодаря внимательному чтению газет. Поэтому как американец и тот, кто только что опубликовал книгу об упадке США, я сосредоточусь в этой статье на Соединённых Штатах. (Читатели, желающие более подробно изучить мой анализ, могут прочитать шестую главу книги.) Постараюсь ответить на два вопроса, раскрывающие основные проблемы борьбы с пандемией в Америке и затрагивающие сферы здравоохранения и экономики.

Почему в США при тратах на медицинское обслуживание на 50% больше (как на душу населения, так и в процентах от ВВП), чем в любой другой стране, не могут осуществить массовое тестирование на *COVID-19*, позволившее странам Восточной Азии остановить вирус? Почему в американских больницах не хватает вентиляторов, не говоря уже о масках и халатах для персонала? Почему выделенная в начале апреля помощь в 2 трлн долларов (крупнейшая подобная мера в мире) в сочетании с покупкой Федеральной резервной системой облигаций на 6 трлн долларов не смогла быстро дойти до безработных или их работодателей, чтобы остановить взрыв увольнений? В конце апреля 2020 г. безработица в США достигла 20% – уровень, сопоставимый с пиком Великой депрессии, и, безусловно, самый быстрый рост потери рабочих мест, когда-либо зафиксированный в мире. Ответ на оба вопроса даёт понимание трансформации элит Соединённых Штатов за последние 50 лет.

АМЕРИКАНСКИЕ ЭЛИТЫ: ОТ КОНСЕНСУСА К ПАРАЛИЧУ

В послевоенные десятилетия консенсуса для США была характерна двойная элитарная структура, благодаря которой местные и правительственные элиты ограничивали попытки друг друга присваивать государственные полномочия и должности. Национальные фирмы, связанные системой перекрёстного присутствия в советах директоров крупнейших коммерческих банков, организовывали в своём кругу дискуссионные/лоббистские группы, где вырабатывались совместные позиции в отношении государственной политики. Они сосуществовали с региональными и местными банками и фирмами, которые были защищены от конкуренции с более крупными структурами посредством федеральных законов

и норм штатов. Эти законы и нормы местные элиты, обладавшие политическим весом, проводили через своё представительство в Конгрессе и в законодательных ассамблеях штатов.

Данная система отношений элиты трансформировалась в последние десятилетия за счёт снижения способности национальных банков контролировать компании, а также из-за ряда слияний в таких секторах, как банковское дело, телекоммуникации, СМИ, коммунальные услуги, розничная торговля и сельское хозяйство. Антимонопольная политика впервые изменилась при Ричарде Никсоне, но в целом нужно рассматривать этот процесс как нарастающий.

Всякое слияние устраняло фирму, имевшую интерес (и некоторую степень политического влияния) в том, чтобы предотвратить дальнейшие слияния или изменения в регулировании, которые позволили бы национальным предприятиям посягать на привилегии и рынки местных компаний. По мере того, как исчезали более мелкие и местные компании, внутриотраслевые разногласия по поводу государственной политики сглаживались, а проявлявшееся единодушие толкало к законодательным изменениям. Банковские и телекоммуникационные «реформы» 1990-х гг. не смогли пройти Конгресс в предыдущие десятилетия из-за встречного лоббирования секторами этих отраслей с противоположными интересами. Слияния разрешили разногласия, поскольку вторичные секторы включались в состав более крупных корпораций (или сами объединялись, образуя новые большие компании) и таким образом разделяли общие интересы отрасли. Затем дерегулирование открыло путь новым волнам слияний и поглощений, усиливая консолидацию элиты в основных сферах промышленности.

Банки с их взаимосвязанной системой советов директоров были центральными акторами, определявшими корпоративную и государственную политику по отношению к деловой практике в 1945–1968 гг. Их консолидация и изменения в финансовом регулировании и законодательстве США олицетворяли и направляли общую трансформацию структуры американского капитализма. Слияния банков представляли собой не только процесс выкупа более мелких местных банков национальными. Скорее всего, администрации Ричарда Никсона и Рональда Рейгана угождали своим

спонсорам (которые по большей части находились за пределами банковских центров Нью-Йорка и Чикаго), позволяя региональным банкам объединяться и выкупать конкурентов. Опора Рейгана на южные и западные штаты легко объясняет этот уклон. Для Никсона, начавшего перемены, ориентация была несколько условной и спровоцированной его конкурентом в президентской политике. Нельсон Рокфеллер ухватился за поддержку нью-йоркских банкиров и за политические возможности на юге, открывшиеся благодаря заметному сдвигу демократов в сторону гражданских прав в 1960-е годы.

Ранее доминировавшие национальные банки столкнулись в 1980-е и 1990-е гг. с растущей конкуренцией региональных гигантов, созданных в результате слияния более мелких субъектов. Эта конкуренция и ослабление федерального регулирования (которого требовали как национальные, так и крупные региональные банки) привели к тому, что национальные банки сосредоточили ресурсы на более прибыльных банковских инвестициях, что ещё больше отстранило их от активного участия в управлении промышленными предприятиями. Небанковские фирмы получили широкий спектр финансовых компаний, к которым обращались за финансированием, что выразилось в росте «бросовых облигаций» в 1980-е и хедж-фондов в 1990-е годы. Таким образом, банкиры утратили способность управлять фирмами в других областях, но за счёт федерального дерегулирования у них появилась возможность сосредоточиться на более прибыльном финансовом инжиниринге и спекуляциях.

Консолидация внутри секторов упростила поглощение правительственных учреждений и полномочий этими элитами, сужая возможности самоуправления государственных субъектов и ограничивая президентов США в реализации новых программ. Ослабление государства в сочетании с упадком профсоюзов сняло основные ограничения для бизнес-элит.

При слабых государственных и классовых акторах элиты имеют возможность блокировать новые социальные программы. Последние угрожают их власти над существующими бюджетными статьями или способности получать прибыль, предоставляя услуги здравоохранения, образования, кредитования и пенсионных посо-

бий, которые могли быть оказаны через правительство, но вместо этого отданы на откуп частному сектору. Рычаги влияния элит на правительство были ещё более усилены посредством объединения умеренных консервативных бизнес-лидеров с ультраконсерваторами. Консолидация понадобилась для того, чтобы разрабатывать и лоббировать НАФТА и другие «свободные» торговые договоры, дерегулирование и снижение налогов. А начиная с 1980 г. это единство только укреплялось благодаря сдвигу в пожертвованиях на избирательные кампании от демократов к республиканцам, включая крайне консервативных претендентов.

Таким образом, если мы посмотрим на продолжительный период истории Соединённых Штатов – с 1945 г. по настоящее время, то увидим переход от одной эпохи политического застоя к другой. Либеральный консенсус был институционально закреплён в структурах госрегулирования, отношениях внутри бизнеса, взаимодействии с правительством и профсоюзами, в обязательствах поддержки власти федерального правительства для сохранения глобального геополитического доминирования и содействия экономическому росту и социальному прогрессу внутри страны. Консенсус нарушился, когда политические неудачи (и успехи) тех, кто занимал должности в федеральном правительстве в 1960-е гг., и структурные изменения международной позиции США стали вызывать проблемы на многих направлениях. Идеологические дебаты, развернувшиеся в те годы, остаются неразрешёнными до сих пор и оживляют дискуссии обеих партий, повестки общественных движений и профессионально ориентированных членских организаций, сосредоточенных на проблемах идентичности и окружающей среды – слева, на религии и других социально консервативных вопросах – справа.

Тем не менее десятилетия споров породили новый застой. Отношения между элитами были перестроены, и массовые организации – особенно профсоюзы – в значительной степени утратили возможность оспаривать инициативы элиты. Само государство лишилось способности принимать новые законы или осуществлять нормативные акты и политику, препятствующие интересам элиты. Слабая попытка выйти из нового анабиоза была предпринята лишь администрацией Обамы.

КАК ЭЛИТЫ ВЛИЯЮТ НА СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ

Президент Барак Обама осознал эту реальность, когда разрабатывал законодательство в области здравоохранения. Его проект защищает интересы и получение прибыли каждой частной отрасли, занимающейся продажей медицинского страхования, медицинских услуг и расходных материалов. Более того, признание власти страховых компаний побудило Барака Обаму включить в законопроект положение о том, чтобы все американцы покупали частную страховку (кроме тех, кто имеет право на участие в государственных программах). По сути, Обама принял решение, которое быстро вызвало неприятие среди публики (в том числе благодаря подстрекательству со стороны Республиканской партии и правых СМИ, прежде всего, *Fox News*), в обмен на поддержку страховых компаний. Иначе Конгресс никогда не принял бы этот закон.

Фискальная политика и бюджетные приоритеты Соединённых Штатов всё чаще определяются подобными сделками, отражающими власть консолидированных корпоративных элит над политиками и политикой в целом. Они отличаются от единой национальной элиты 1945–1968 гг., описанной социологами Чарльзом Миллсом, Уильямом Домхоффом и другими. Современные элиты не используют финансовую и организационную мощь для проведения широкой национальной политики за исключением вышеупомянутого антитрудового законодательства и торговых соглашений. Скорее, они оказывают влияние на законодателей и регуляторов, чтобы получить привилегии, которые лучше назвать автаркическими. Их цель не в том, чтобы формировать экономику в целом или разрабатывать программы и политику для всей страны. Они стремятся получить соответствующие ресурсы от федеральных органов власти, органов власти штатов и местного самоуправления, а также обеспечить принятие законов и нормативных актов, защищающих их особые интересы и возможности получения прибыли как внутри страны, так и за рубежом и подрывающих права покупателей, клиентов и сотрудников.

В результате постоянно растущая часть федерального бюджета направляется на удовлетворение давних притязаний существующих элит, которые в том числе имеют право укрывать часть

доходов и активов от налогообложения. Нынешние примеры включают в себя:

- (1) Субсидии, права на воду и доступ к федеральным землям для перепроизводства сельхозтоваров, которые затем могут быть проданы за границу в рамках торговых соглашений, заключённых американскими переговорщиками.
- (2) Свободный доступ к федеральным землям для добычи полезных ископаемых, разведения скота и лесозаготовок без каких-либо обязательств относительно экологических последствий, которые покрываются за счёт госсредств и здравоохранения.
- (3) Федеральный налог и прямые субсидии на экспорт технологий и капитала иностранным дочерним предприятиям и потребителям.
- (4) Растущая доля федеральных студенческих кредитов, направляемых в коммерческие колледжи и торговые школы (гораздо чаще, чем в государственные). Это происходит несмотря на то, что они не выпускают большинство своих студентов, обучение там намного дороже, чем в государственных заведениях, на них приходится почти половина всех дефолтов по студенческим ссудам, хотя зачисляются они менее десятой части выпускников средней школы.
- (5) Приверженность сектора федерального бюджета плану обеспечения медикаментами *Medicare*. Он охватывает лекарства, разработанные в основном в федеральных или университетских лабораториях, нелицензионные препараты, предназначенные для расширения патентов без каких-либо медицинских преимуществ перед старыми аналогами. Главное – цены на них гораздо выше, чем где-либо в мире. *Product hopping* – небольшие, клинически незначительные изменения в рецептурах лекарств – позволяют фармацевтическим фирмам продлевать патенты. Затем компании используют свои маркетинговые возможности, чтобы убедить и/или подкупить врачей назначать запатентованные препараты вместо столь же эффективных и гораздо более дешёвых аналогов. Фармацевтические компании используют такие манёвры без каких-либо юридических проблем

для увеличения прибыли за счёт *Medicare* и *Medicaid*, а также частных потребителей посредством увеличения страховых взносов и более высоких затрат. Хотя по закону Бэя – Доула 1980 г. федеральное правительство имеет право аннулировать патенты на лекарства, разработанные за счёт государства, оно этого никогда не делало.

Обычно прибыль фармацевтических компаний не инвестируется в исследования. Крупные фармацевтические компании тратят более 100% своей прибыли на выкуп акций и дивиденды, а это означает, что они сокращают свой капитал, подрывая способность инвестировать в разработку новых лекарств. Действительно, большинство исследований финансируется федеральным правительством, университетами или фондами.

Вот почему США не хватает базовых вещей для поддержания своих больниц во время пандемии. Маски, защитное снаряжение и больничные койки не приносят прибыли, и коммерческие фирмы, доминирующие в здравоохранении, тратят на них очень мало. Когда вакцину от *COVID-19* разработают, в Соединённых Штатах она будет производиться получившей лицензию коммерческой фармацевтической компанией и окажется намного дороже, чем в любой другой стране мира. Американцы с дешёвой медстраховкой или вовсе не обладающие ею должны будут пойти на большие финансовые жертвы, чтобы получить вакцину, или же они обойдутся без неё, подвергая опасности себя и население в целом, «коллективный иммунитет» которого сейчас зависит от вакцинации.

Уже сейчас тестирование на *COVID-19* в США идёт так медленно, потому что разрабатывать и производить тесты невыгодно, а также потому, что многие американцы, у которых нет страховки или у которых она мало покрывает, не могут позволить себе тестирование. Обещание администрации Трампа о бесплатных тестах не учитывает расходы, связанные с посещением больницы: мазок для образца (который не входит в план Трампа) может стоить тысячи долларов.

Требования элиты и её неприкосновенность обеспечивают либо растущий дефицит, либо, как это было во времена финансовой стабильности в конце 1990-х гг., неспособность финансировать новые госпроекты для инфраструктуры или развития челове-

ского капитала. Новая структура элитарной автаркии позволяет отдельным лицам грабить как собственные фирмы, так и государство. Руководители некоторых частных фирм увеличили долю в акционерных компаниях с помощью фондовых опционов и манипуляций ценами на акции путём их выкупа.

КАК ЭЛИТЫ ВЛИЯЮТ НА РЕАКЦИЮ США НА КРИЗИС COVID-19

Разве народ может бросить вызов элитарной власти и автаркии? Резкий упадок профсоюзов и распад массовых организаций в течение десятилетий после Второй мировой войны ликвидировали два основных принципа формирования курса правительства простыми людьми. Граждане, которые приходят голосовать в лучшем случае раз в два года и чьи голоса за ту или иную партию имеют множество толкований, всё меньше влияют на проводимую политику в условиях, когда отсутствует мобилизация населения, а также нет постоянного организационного присутствия и давления, которое конгрессмены ощущали бы на местном уровне. В то же время элиты используют своё богатство для взносов в предвыборную кампанию, завоёвывая внимание избранных чиновников от обеих партий и (что ещё более важно) используя постоянные армии лоббистов и юристов. Они заставляют делать запросы на изменения в нормативных актах, положениях налогового кодекса и утверждать слияния, – всё это ещё больше обогащает элиты и расширяет их возможности.

Мы видели, как эти отклонения демократического правления действуют в условиях нынешней пандемии. Вот один смертоносный пример.

Федеральная торговая комиссия США в 2012 г. одобрила покупку *Newport Medical Instruments* – небольшого производителя медицинского оборудования – гораздо более крупным *Covidien*. Это важно, потому что *Newport* имел федеральный контракт на разработку и производство небольшого и недорогого аппарата искусственной вентиляции лёгких, который можно было бы легко производить в массовых количествах. Такой аппарат облегчил бы нынешний дефицит, который приводит к тому, что пациенты умирают из-за банального отсутствия доступа к вентилятору. *Covidien* прекратил его разработку после того, как купил *Newport*. И сделал это, чтобы

устранить потенциального конкурента своим более крупным и более дорогим аппаратам. Мало того, *Covidien* перенёс юридическую штаб-квартиру в Ирландию, чтобы избежать американских налогов.

Пакет помощи в 2 трлн долларов наполнен налоговыми льготами для элит. Они смогли использовать связи с ключевыми членами Конгресса и администрацией Трампа, чтобы выиграть сотни миллиардов долларов за счёт этих льгот и субсидий, которые до сих пор превышают помощь гражданам, оставшимся без работы. И даже та помощь, которая была выделена Конгрессом, будет доходить до безработных медленно.

Как известно, в Соединённых Штатах отсутствуют комплексные программы социального обеспечения за исключением двух программ для пожилых людей: пенсионной системы по старости и *Medicare* – системы здравоохранения для лиц в возрасте 65 лет и старше. пособия по безработице выплачиваются через штаты, а не в рамках единой федеральной программы. Такая система исключает случайных работников, которые сегодня составляют растущую долю американской рабочей силы. Преимущества всегда были скудными.

Децентрализованная и фрагментированная система социального обеспечения не приспособлена к реорганизации в условиях карантина для обеспечения доходами всех безработных. У США нет возможности отслеживать потерянные доходы и отправлять платежи напрямую американцам. Кроме того, нет персонала для выявления людей с *COVID-19* и их контактов. Таким образом, все планы сделать это быстро, чтобы американцы могли вернуться на работу, – просто фантазии. Скорее всего, будут частичные ослабления требований находиться дома, за которыми последуют всплески инфекций и смертей. Всё это закончится только тогда, когда появится и будет массово производиться вакцина, что, вероятно, затянется до осени 2021 г. (а это более чем полтора года с момента появления в стране *COVID-19*).

КАКОВА РОЛЬ ДОНАЛЬДА ТРАМПА?

Уровень застоя и коррупции возрос при Трампе, но (как я объяснял выше) большая часть того, что происходит сейчас – налоговые привилегии для богатых, неравномерные и скупые льготы для тех,

кто остался без работы, – типично для политики республиканцев. Ограниченные возможности правительства инициировать и осуществлять массовые программы общественного здравоохранения или экономической помощи являются результатом успеха элит в получении особых выгод и в захвате контроля над отдельными частями правительства на протяжении десятилетий.

Трампа определённо ускорил деградацию административной компетенции, назначив идеологов и шутов на посты в правительстве. Джордж Буш-младший совершал нечто подобное, о чём свидетельствует его убогая реакция на ураган «Катрина», но Трамп делает это в масштабах, превосходящих Буша или Рейгана. Тем не менее мы не должны слишком сосредотачиваться на Трампе и его назначениях. Что примечательно, так это низкий уровень отдачи со стороны предприятий, которые обанкротились из-за дурной политики, некомпетентности и отсутствия возмущённой реакции общественности. Возможно, высокий уровень смертности или, что более вероятно, продолжительная массовая безработица и банкротство малого бизнеса всё же вызовут мощную политическую волну. Но она потребует создания новых способов организации и действий, поскольку за последние полвека старые механизмы противостояния элитам в значительной степени разрушены.

COVID-19 способен трансформировать американскую политику. В прошлом стихийные бедствия влекли за собой серьёзные последствия, но в этот раз, возможно, глубокая и продолжительная нищета станет причиной отчаяния и вызовет отставку правительства. Ведь многократные неудачи элит в удовлетворении потребностей населения порождают цинизм и смирение – равно как и гнев. А гнев чаще всего перетекает в успешные массовые акции.

Если власть не способна удовлетворить потребности людей в обычное время, почему у неё должно это получиться в случае чрезвычайного бедствия? Но, конечно, неудачи правительства для масс не означают, что оно не удовлетворяет потребности и желания элит. Мы можем ожидать, что элиты продолжат манипулировать политикой и использовать контроль над раздробленным американским государством для дальнейшего обогащения, даже если это будет порождать страдания и смерть населения или подрывать силу и влияние США в мире.

Что такое «белая Америка»?

Политика идентичности большинства

Нелл Ирвин Пейнтер

Нелл Ирвин Пейнтер – почётный профессор истории Принстонского университета, автор «Истории белых людей» (*The History of White People*). Опубликовано в журнале *Foreign Affairs* №4 за 2020 год. © *Council on foreign relations, Inc.*

«Белый сдвиг: популизм, иммиграция и будущее белого большинства» (White Shift: Populism, Immigration, and the Future of White Majorities)

Эрик Кауфман. Издательство Abrams, 2019, 624 с.

«Политика белой идентичности» (White Identity Politics)

Эшли Джардина. Издательство Кембриджского университета, 2019, 384 с.

«Умирая от белизны: как политика “расовой обиды” убивает сердце Америки» (Dying of Whiteness: How the Politics of Racial Resentment Is Killing America’s Heartland)

Джонатан Метцль. Издательство Basic Books, 2019, 352 с.

Президентские выборы в США 2016 г. изменили господствующую американскую расовую идеологию. Стыдливый, на грани пристойности белый национализм Дональда Трампа помог превратить людей, которым довелось родиться белыми, в «белых людей», сущностной чертой которых является белый цвет, как для чернокожих, – чёрный. Многие эксперты не сразу осознали политические последствия того, что граждане, родившиеся белыми, голосуют в первую очередь как белые. Сразу же после выборов комментаторы поспешили приписать победу Дональда Трампа экономическому хаосу в центральной части страны и подгруппе избирателей, оплакивающих потерю рабочих мест и стабильности. Журналистам, социологам и учёным потребовалось несколько лет, чтобы найти более разумное объяснение: по большому счёту большинство

белых сторонников Трампа голосовали не по экономическим соображениям. Скорее они были возмущены социальными изменениями, угрожающими их само собой разумеющемуся положению на вершине социальной иерархии – и это при том, что подавляющее большинство имеющих политическую власть были белыми (и мужчинами), а доходы белых семей всё ещё в 6,5 раз выше, чем у чёрных, и достаток семей, главы которых – чернокожие выпускники колледжей, примерно на 33% ниже, чем у белых семей, возглавляемых не окончившими среднюю школу.

Три новые книги пытаются обосновать это явление и ответить на несколько важных вопросов. Чего хотят эти белые люди? Согласно авторам, им нужен Трамп, Брекзит, оружие, снижение налогов, республиканцы, социальное обеспечение и медицинская помощь. Но больше всего на свете они хотят защитить своё место в обществе.

А чего не хотят эти белые люди? Иммигрантов, *Obamacare* и денег для государственных школ. Но, прежде всего, они не хотят, чтобы мультикультуралисты называли их расистами, такого рода разговоры угрожают им и подталкивают к белому национализму. Они не могут представить себе многорасовое общество,

в котором белые – как бы они себя ни определяли – мирно занимают место среди не белых.

И кто эти белые люди? Вот о чём эти книги, и это делает их интересными и в конечном итоге раздражающими. Все три автора, кажется, считают, что белую идентичность можно понять онтологически – как вещь. Но расу лучше рассматривать как непрерывный дискурс, а не как физическую реальность. Хотя расизм и сопровождающая его дискриминация явно имеют измеримые социальные и экономические последствия, раса – концепция, которую следует описывать глаголом «казаться», а не «быть». Вера в реальность расы как биологически или иначе зафиксированной характеристики подобна вере в колдовство, как выразилась много лет назад социолог Карен Филдс: нет ничего, что можно сказать для опровержения этого. И я бы добавила, что эта вера приводит к определённым политическим результатам.

Если нет такой вещи, как стабильная, независимая категория белых, как можно делать убедительные заявления о белой идентичности и связанной с ней политики? Для решения проблемы эти авторы и многие другие обращаются к данным, измерениям, диаграммам и графикам. Эрик Кауфман и Эшли Джардина

анализируют результаты опросов общественного мнения, чтобы докопаться до корней белого возмущения. Джонатан Метцль изучает медицинскую статистику и проводит интервью, чтобы понять, почему люди, идентифицирующие себя белыми, поддерживают консервативную политическую повестку дня, которая пагубно влияет на их собственное здоровье и благополучие. Кауфман и Джардина фокусируются на консервативной политике тех, кто воспринимает себя как белых, но минимизируют стратегию Республиканской партии по использованию огромной эмоциональной силы белых для продвижения регрессивного налогообложения, ограничения сети социальной защиты и лишения рабочих власти. Все три автора признают, что до тех пор, пока белая идентичность не связана с экономическими (и в случае с Метцлем – биологическими) личными интересами, политики будут свободно проводить курс, приносящий пользу корпорациям и богатым, но обычным белым людям от этого мало пользы. Однако политические вопросы, имеющие значение и за пределами белой идентичности – например, избирательные права и равенство перед законом, – в этих книгах почти не встречаются. И ни одна из трёх книг не предлагает убедительного

пути выхода с опасной территории, куда США загнала политика белой идентичности.

Если ты белый, то всё в порядке

Эрик Кауфман – профессор политологии Биркбек-колледжа Лондонского университета. Он эксперт по политике Северной Ирландии и, таким образом, привносит историческую составляющую в тему белой идентичности, которую он называет «белым этнотрадиционализмом». Его книга посвящена в основном Соединённым Штатам, но Канада и Европа тоже попадают в поле зрения. По его мнению, раса – генетический факт, и подобно учёным XIX и начала XX веков, верящих в различия темпераментов, основанных на расе, он рассматривает «белый архетип», имеющий определённые узнаваемые культурные проявления. Он называет мультикультурное и многорасовое население западных стран «смешанной расой» и использует термин «несмешанный» с пугающими цитатами, но без иронии.

Кауфман исследует взгляды белых людей, выступающих против иммигрантов и беженцев, голосующих за Брекзит или Трампа, и утверждает, что большинство из них не жаждут власти и не против чернокожих. Это нормальные люди, которые, чувствуя угрозу, занимаются культурной самообо-

роной. Чтобы доказать, что его заявления основаны на надёжных научных данных, Кауфман приводит десятки диаграмм и графиков. Но слишком часто они ограничивают или искажают реальность, которую должны представлять. Например, на одной диаграмме показаны две линии, относящиеся к вероятности того, что кто-то проголосует за правых популистов в данной стране в зависимости от того, считает ли избиратель безопасность очень важной. В подписи утверждается, что учитывались и другие переменные, но читатель остаётся в недоумении, как это повлияло на заявленные вероятности. График не даёт никаких доказательств причинно-следственной связи между выделенными переменными: процент мусульман, уровень обеспокоенности безопасностью и склонность голосовать за правых популистские партии или кандидатов. Но Кауфман тем не менее предлагает конкретную причинно-следственную связь, подразумевая, что присутствие мусульман вызывает обеспокоенность по поводу безопасности, которая ведёт к поддержке правых популистов.

Основной аргумент Кауфмана заключается в том, что политика белой идентичности, принявшая форму правого популизма, является результатом двух угроз: диверсификация через иммигра-

цию, уменьшающая численность белого большинства и «антимажоритарная культура» «левого модернизма», чьи «самые усердные представители» населяют университетские кампусы, где они выполняют «миссию замены белой идентичности разнообразием». Кауфман утверждает, что «антибелый нарратив» «радикальных левых модернистов» подтолкнул некоторых белых перейти от простого противодействия иммиграции к экстремистским теориям «белого геноцида». Чтобы помочь белым отойти от таких крайностей, Кауфман предлагает меры краткосрочные и рассчитанные на перспективу. По сути, Кауфман хочет спасти белых людей от самих себя.

Но некоторые его предложения кажутся не столько противоядием против экстремизма, сколько приспособлением к нему. Возьмём, к примеру, его предложение о том, как решать проблемы с беженцами: держите их подальше от большинства белого населения и размещайте «на долгосрочной основе» в «лагерях», предлагающих убежище, но без перспективы постоянного поселения. Такие лагеря могли бы быть созданы в «менее процветающей стране, не входящей в ЕС, как, например, Албания». Он пишет, что западные страны, выступающие против беженцев, будут готовы

финансировать эти лагеря, потому что «их больше заботит культурное воздействие появления беженцев, чем экономические издержки».

Долгосрочное решение Кауфмана по предотвращению распространения экстремистской политики белой идентичности состоит в том, чтобы ускорить то, что он считает неизбежным «белым сдвигом»: появление нового определения «белых», которое включало бы светлокожих людей разного происхождения и в то же время сохраняло бы «основные мифы и граничные символы» белой идентичности. Конечно, это явление появлялось в истории США много раз и во многих обличиях. С течением времени, как отмечает Кауфман, белая идентичность стала включать в себя ранее маргинализированные группы, такие как ирландские американцы, итальянские американцы и еврейские американцы. Существовала также многовековая практика того, как представители афроамериканского населения с множеством оттенков кожи, выдавали себя за белых в глубоко расистском обществе – тема, которую Кауфман игнорирует. Он, несомненно, прав, что представления о том, кто считается белым, обязательно изменятся. По мнению Кауфмана, этот сдвиг поможет сохранить господство белых. Однако, как я уже писала,

такое расширение фактически ослабляет превосходство белых, принося пользу богатым и образованным людям, которые не идентифицируют себя как белых.

По мнению Кауфмана, опасность «этнотрадиционных националистов» по поводу «потери страны, которую они знают» законны и их нельзя осуждать с порога. Он считает, те, кто порицает такое мышление, торгуют «анти-белым нарративом» белых ненавистников «левых модернистов» и бросают новых последователей в объятия правых белых националистов. Если бы эти критики просто замолчали, белые успокоились бы и приняли других людей в свой мир – при условии, что они достаточно светлокожие и готовы идентифицировать себя как белых. Но Кауфман не объясняет, как небелые люди вписались бы в это новое государство с его недавно укоренившимся и расширенным белым большинством. И, что особенно важно, он не задумывается о том, как такое государство будет действовать, когда речь зайдёт о защите фундаментальных ценностей либеральной демократии.

Фактор страха

В своём исследовании, менее polemичном и более скромном, чем книга Кауфмана, Эшли Джардина применяет множественную регрессию (наиболее широко

используемый статистический метод) к данным опросов общественного мнения. Джардина, доцент политологии в Университете Дьюка, рассматривает переменные, отражающие недовольство чернокожими, партийность, пол, регион и политическую идеологию, и предлагает измерить влияние степени, в которой белые американцы идентифицируют себя как белых, лишённых всех других характеристик. Её степень белой идентичности имеет пять категорий, начиная от «быть белым совсем не важно для моей идентичности» до «быть белым чрезвычайно важно для моей идентичности». Затем она проверяет, позволяет ли эта степень белой идентичности предсказывать политические установки. Позволяет.

Она пишет, что предполагаемые угрозы превосходству белых – небелый президент США, латиноамериканский судья Верховного суда, позитивная дискриминация, курсы по вопросам о расах в колледже – заставили белых чувствовать себя «в меньшинстве, в невыгодном положении и даже в угнетении». Последовали политические ответы – белые избиратели поддержали строгий иммиграционный контроль и законы об идентификации голосующих, которые уменьшают явку меньшинств. Согласно анализу Джардины, сильное чувство бе-

лой идентичности предсказывает негативное отношение к иммиграции и позитивное отношение к социальному обеспечению, *Medicare* и политике администрации Трампа. Но, как утверждает Джардина, сама по себе идентификация белых не предвещает противодействия политикам и программам, часто рассматриваемым с расовой точки зрения, таким, как позитивные действия, социальное обеспечение и *Medicaid*. Скорее, оппозиция этим вещам коррелирует с чувством расовой неприязни, которое отличается от простого отождествления себя с белыми.

Методология Джардины – применение множественной регрессии к данным опросов общественного мнения – широко используется в политической психологии и других социальных науках. Но подводные камни этого метода хорошо известны, наиболее очевидным из них является проблема определения причинно-следственной связи, когда влияние определённых переменных очень малое, и поэтому трудно делать прогнозы с уверенностью. Вторая ловушка заключается в неспособности этой методологии учитывать изменения во времени – чтобы отразить перемены в поведении, когда население приспосабливается друг к другу. Кроме того, есть соблазн искать среди возможных контрольных

или простых переменных нужны, чтобы прийти к искомым результатам. Эти ловушки наводят на мысль, что следует скептически относиться, например, к утверждению Джардины о том, что «желание сохранить социальное обеспечение и *Medicare* коренится в расовой солидарности белых» – утверждение, которое очевидно игнорирует роль класса и возраста в поддержке таких программ.

Возможно, самый важный аргумент Джардины заключается в том, что «белая идентичность не определяется расовой враждебностью, и белые, отождествляющие себя со своей расовой группой, не обязательно оказываются расистами». Не вынося суждений, Джардина пишет, что многих белых возмущает то, что «выражение своей идентичности несправедливо рассматривается как проблематичное или даже расистское». В качестве примера такой динамики она приводит эпизод 2015 г., когда владелец гастронома в Нью-Джерси вывесил табличку с надписью: «Восславим своё белое наследие! Март – месяц белой истории» (месяцем афроамериканской истории в США и Канаде официально считается февраль – *прим. ред.*). И пришёл в недоумении, когда некоторые соседи сочли вывеску расистской. Но трудно согласиться с тем, что поддержка гипотетического меся-

ца белой истории будет означать не что иное, как невинное выражение белой расовой солидарности, не подразумевающее никакой недоброжелательности по отношению к другим группам. В конце концов, что можно праздновать в течение месяца белой истории? Будут ли воспеваться героические белые люди, такие, как отцы-основатели, даже если они уже широко прославлены? Будут ли поминаться события истории США, такие как Американская революция, в которой участвовало очень много цветных? Возвестят ли при этом об этнической чистке коренных американцев, оправданной «явным предназначением»? Ответ на вопрос о том, как месяц белой истории может выглядеть на практике, выявит антидемократическое измерение белой идентичности и продемонстрирует, почему его нельзя праздновать так, как если бы он был исторически нейтральным.

Что происходит с белыми людьми?

Нетрудно понять, как этнические и расовые меньшинства – и государство в целом – могут пострадать, когда граждане, идентифицирующие себя как белые, решат голосовать и организовываться именно как белые. Но в какой степени такое политическое поведение действительно приносит

пользу белым людям на индивидуальном уровне? Метцль исследует вопрос и обнаруживает, что, по крайней мере, в Канзасе, Миссури и Теннесси политика белой идентичности нанесла физический и интеллектуальный вред некоторым белым. Метцль, доктор медицины и профессор социологии и психиатрии в Университете Вандербильта, выпустил книгу, основанную на данных, в которой чередуются повествование и анализ. Метцль также опирается на личные беседы, чтобы пролить свет на то, как государственная политика влияет на отдельных людей и как они разрешают конфликты между своим физическим благополучием и своими политическими убеждениями. Он хочет знать, почему «белые американцы из низшего и среднего классов голосуют против своего биологического интереса, а также своих собственных экономических приоритетов».

Метцль начинает в Теннесси с белого человека, которого он называет Тревором (он повсюду использует псевдонимы), который беден, не имеет медицинской страховки и страдает от воспаления печени, гепатита С и желтухи. Тревор решительно поддерживает отказ своего штата принять *Obamacare*, расширяя охват *Medicaid*, хотя это лишает его медицинской помощи, в ко-

торой он нуждается для спасения своей жизни. Метцль спрашивает: «От чего умирал Тревор?». Ответ, говорит он, – «токсичное воздействие догмы» и «американские представления о белой идентичности». Эта догма, согласно Метцлю, приравнивает *Obamacare* к навязчивому правительству, а оно отождествляется с угрозами, которые представляют мексиканцы и «короли пособий». Метцль подсчитал, что предположительно в среднем «отказ Теннесси от расширения *Medicaid* стоил каждому белому жителю штата 14,1 дня жизни».

Метцль также изучает последствия для здоровья законопроекта о «конституционном ношении» в Миссури 2016 г. – законодательного акта, значительно расширяющего право на ношение оружия в этом штате. Он рассказывает о беседах с членами группы поддержки лиц, потерявших близких из-за самоубийства. Отец Кима покончил с собой с помощью оружия после того, как «он забеспокоился о защите, безопасности, а также о терроризме и злоумышленниках». Для Метцля «терроризм и злоумышленники» трансформируются в страхи, связанные с иммигрантами и первым афроамериканским президентом страны. Его небелые респонденты, не так опасющиеся неизвестного, меньше дорожат своим правом

владеть и носить огнестрельное оружие. Ким присоединяется ко всем остальным членам своей группы поддержки близких самоубийц, отвергая предложения об усилении контроля над оружием, даже учитывая почти полную уверенность в том, что кто-то, пытающийся покончить с собой с помощью оружия – статистически, наиболее вероятно, белый человек – сможет это сделать. «Это не вина пистолета», – говорит один из членов группы. «Оружие важно для нас и для наших свобод».

Но Метцль не может придумать конкретные средства спасения жизни белых в рамках логики белой идентичности. Его главный совет заключается в том, что белые должны меньше бояться социальных изменений; они должны понимать, что это не игра с нулевой суммой.

Выхода нет?

Все три автора понимают, что расовая идентичность – убеждение на уровне интуиции, которое очень трудно поколебать. История США показала, как трудно заставить массы белых людей продвигать свои экономические интересы, объединяясь с небелыми, – что может объяснить, почему все три автора отказываются от поддержки фундаментальных политических изменений, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

Приведённые три книги изображают политику идентичности белых как консервативную и республиканскую, будто белая идентичность ведёт только в одном политическом направлении. Хотя они демонстрируют разную степень симпатии к такой политике, все сходятся во мнении, что она вредит американскому обществу. Несмотря на то, что Кауфман и Джардина рассматривают политику белой идентичности как нормальную реакцию на воспринимаемые угрозы, они также видят необходимость отступить от этой реакционной тенденции. Кауфман говорит, что белые люди нуждаются в «успокоении», которое откроет путь «для возвращения к более расслабленным, гармоничным и доверительным обществам», как тогда, когда белые надёжно сидели на вершине. Джардина более напугана, рассматривая обиженных белых как «нетронутый колодец... который готовы взбаламутить политики, желающие пойти по потенциально очень тёмному пути». Хотя она полагает, что расширение белой идентичности (по аналогии с белым сдвигом Кауфмана), скорее всего, произойдёт, она всё же считает его недостаточным. Как и Метцль, она хочет, чтобы белые стали меньше опасаться социальных изменений. Но она не предлагает каких-либо конкретных

способов приближения такого исхода. Со своей стороны, Метцль заканчивает призывом к тому, что он называет «белым смирением», и спрашивает: «Как могла бы выглядеть американская политика, если бы белое смирение рассматривалось не как предательство или капитуляция, а как честная попытка решить, казалось бы, неразрешимые социальные проблемы?» Если бы белые американцы попытались сотрудничать, а не доминировать, американское общество могло бы отойти от «биологии гибели».

Действительно, огромное количество людей с белой идентичностью недовольны потерей своих привилегий. Но эти привилегии зависели от искажения западных демократических ценностей, которые породили своего рода наследственную аристократию белых.

Вопрос, стоящий перед американцами в настоящее время, касается значения, которое они придают своей демократии, когда одна из двух главных политических партий страны предпочла антидемократическое руководство и политику. Демократия будет страдать до тех пор, пока Респу-

бликанская партия продолжает функционировать как партия белых, как это происходит во всё большей степени. Президентские выборы 2016 г. давали некоторую надежду на будущее, поскольку примерно 3 млн избирателей выступили против Трампа, а не поддержали его. Теперь, три года спустя, выбор между белым национализмом Трампа и мультикультурализмом демократов кажется ещё более острым. Остаётся только надеяться, что растущее число американцев придёт к выводу, что положение на вершине расовой иерархии не стоит потери американской демократии.

Предположения о грядущем мире

Откуда и куда мы идём?

Дмитрий Евстафьев, Андрей Ильницкий

Д.Г. Евстафьев – кандидат политических наук, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики».

А.М. Ильницкий – кандидат технических наук, член Совета по внешней и оборонной политике, действительный государственный советник 3-го класса.

В прогнозах о будущей системе международных отношений и мировой экономики недостатка нет. Большинство специалистов признаёт, что полный возврат к «миру по состоянию на 1 января 2020 г.» невозможен по объективным причинам. Да, отдельные системообразующие элементы глобального мира, вероятно, сохранятся, но консервация всей системы и тем более её развитие в прежнем режиме исключены. Крупнейшие участники глобальной экономики и – в меньшей степени – политики пытаются замедлить темп происходящего. Ни США, ни страны Евросоюза, ни Россия, ни Китай не были готовы к столь быстрому распаду системы глобальной политики и экономики, хотя КНР несколько лучше справляется с вызовами, связанными с экономическим торможением.

Мы переживаем неизбежный период сползания к хаосу. Но внутри этого процесса начинает проявляться некая логика, определяющаяся не столько желаниями и планами игроков, сколько их стартовыми позициями и контекстом, в котором им предстоит действовать.

ОТКУДА МЫ ИДЁМ

Нынешний кризис не возник из «ниоткуда»: он стал неожиданной квинтэссенцией процессов, назревавших задолго до того, как поя-

вился странный вирус. Эти процессы остаются частью глобального контекста, формируемого пандемией и в особенности политической и экономической истерией вокруг неё. Но главное – события конца 2010-х гг. будут определять характер развития и после того, как об окончании пандемии заявят официально. Перечислим несколько исходных обстоятельств, характеризующих мир, из которого мы не так давно вышли.

- **Предкризисное состояние мировой экономики**, невозможность поддержания системы финансового посткапитализма в прежних условиях без коррекции механизма и пропорций изъятия инвестиционных ресурсов. Это означает, что экономический кризис был неизбежен, а пандемия стала эффективным инструментом реформирования мировой экономики и изменения состава не только геоэкономической периферии, но и «метрополии», «первого мира». Процесс разрушения системы периферии, скорее всего, и будет сердцевиной не только нынешних процессов, но и строительства нового мира.
- **Кризис альянсов** в наиболее отчётливой форме проявлялся в упадке НАТО. Но подобные же тенденции наблюдались и в Европейском союзе, Лиге арабских государств, АСЕАН, да и ЕАЭС находился в состоянии стагнации. Существующие в настоящее время объединения не могут быть средством преобразования глобального пространства. Напротив, возникновение новых или глубокая трансформация прежних блоков будет свидетельствовать о том, что система глобальной политики и экономики входит в стадию консолидации и институционального оформления.
- **Кризис социальной модели**. Модель стратегической опоры на так называемый «кредитный средний класс» перестала работать в качестве универсального драйвера экономического развития до появления коронавируса, и крайне маловероятно, что её удастся оживить после окончания наиболее напряжённого этапа пандемии. Риснём предположить, что конкуренция на уровне моделей социального развития может оказаться одной из наиболее значимых для поиска места под солнцем для крупных государств.

- **Разрастание очагов локальных военных конфликтов.** Во время пандемии ни один из начавшихся в 2010-е гг. годы вооружённых конфликтов не был прекращён, напротив – некоторые из них получили новый и опасный импульс к развитию.

Итак, постглобальному миру досталось более чем сложное наследство, которое в принципе нельзя «перезагрузить». Скорее оно может дезавуировать все идеи о переустройстве системы мировой политики в более справедливом и сбалансированном ключе.

В КАКИХ УСЛОВИЯХ МЫ ИДЁМ

Есть, однако, ряд относительно новых принципиальных обстоятельств. Пока они в полной мере не осмыслены ни на экспертном уровне, ни на уровне государств, а отработаны в «реактивном» режиме текущих политических решений. Но отсутствие долгосрочной рефлексии может сыграть с политическими элитами злую шутку, когда эти обстоятельства заявят о себе. Перечислим.

- **Запрос на новый уровень безопасности,** который, начавшись с требования новых мер санитарной безопасности, расширился до безопасности в широком смысле. Сытые общества, долго существовавшие в относительном комфорте, ощутили себя незащищёнными, и, хотя эта незащищённость начала давать о себе знать несколько ранее (отправной точкой следует считать первый миграционный кризис 2015–2016 гг.), в полной мере она проявилась только теперь.
- **Кризис формальной, «витринной» демократии,** ярко показавший себя в ходе нынешнего выборного цикла в США, затрагивает многие страны, не исключая Россию. В ходе пандемии коронавируса стал явным – во многих случаях с трагическими последствиями – разрыв системы обратной связи между обществом и политикой, формирование малопроницаемой структуры наследственной аристократии, для приличия называемой меритократией, окончательное расхождение интересов элиты и запросов сбалансированного общественного развития. Элиты в период пандемии в основном спасали себя, отбрасывая интересы общества. Риск возникновения мира социальной сегрегации – обстоятельство, наиболее опасное

для дальнейшего гармоничного существования стран даже с развитыми демократическими системами.

- **Запрос на новый уровень качества государственного управления.** Этот аспект является во многом реакцией на противоречивые и неэффективные действия властей в ходе пандемии, но он явно носит долгосрочный характер и будет одной из психологических основ снижения уровня доверия к власти в принципе. Именно тотальное недоверие, в особенности недоверие между обществом и властью, станет одной из наиболее ярких характеристик постглобального мира. И рецептов, как с ним справиться, нет пока ни у кого.
- **Обострение конкуренции.** Конечно, в чистом виде «свободных» пространств для развития глобального финансового посткапитализма, как, например, это было при переходе на империалистическую стадию в конце XIX века, нет. Но есть несколько пространств, перспективных с точки зрения передела влияния. И это не Луна, шумиха вокруг освоения которой может носить отвлекающий характер. Это, в первую очередь, Арктика. Борьба за влияние здесь может уже в ближайшее время стать одним из важнейших элементов трансформации постглобального мира. Это Африка, которая остаётся важнейшим ресурсным резервуаром для окончательного закрепления глобальной архитектуры, своего рода «полигоном постнеоколониализма» и разменной монетой в геополитической торговле США, Китая и стран ЕС. Это Антарктида, пересмотр юридического статуса которой (для возвращения к вопросу о разработке ресурсной базы «белого континента»), вполне возможно, вскоре начнётся. И значение изменений на этом далёком от России юге нельзя недооценивать. Равно как и перспективу превращения отдельных регионов Евразии в «пространство передела», за счёт которого крупнейшие державы мира будут разрешать свои противоречия.
- **Запрос на лидерство.** Развитые государства, формировавшие свои политические элиты по принципу «слабый и ещё слабее», оказались не готовы к действиям в условиях кризиса. Это породило забавные феномены, такие, как «гонка

- пенсионеров в США» или «пятый срок Ангелы Меркель». Сильнее никого нет не только в нынешнем, но и в следующем политическом поколении. Решительные и авторитетные лидеры миру глобализации были не нужны. Но они, очевидно, будут востребованы миром постглобализации.
- **Запрос на консолидирующую общество идеологию в противовес концепции «постидеологичности».** За ней стояла концепция либеральной сверхтолерантности, превращавшаяся на деле в практику максимального разобщения общества. То, что в основе новой идеологии будет требование некой «справедливости», понимаемой на индивидуальном и групповом уровне, бесспорно. Но какие формы эта борьба за справедливость может обрести, – остаётся только гадать.

Новые факторы имеют более значительный и долгосрочный социальный и политический эффект, чем кажется сейчас. Хотя бы потому, что в своей основе «запросы» отрицают всё то, что происходило в системе глобальной политики и государственного строительства за последние двадцать лет. А главное – новые элементы политической и экономической ситуации являются фактором постоянного, каждодневного давления на политические элиты крупных стран. И будут подталкивать их не только к изменениям вокруг себя, но и себя самих. Ибо отказ от изменений будет равносильным самоубийству.

КУДА МЫ МОЖЕМ ПРИЙТИ

Прогнозов относительно структуры будущего мира хоть отбавляй. Одна крайность – экзотические сценарии, в основе которых концепция тотальной сетевизации мира и распада государств, возвращение к классике глобализма 2000-х годов. На противоположном фланге – консервативные по сути идеи о том, что принципиальных изменений не произойдёт, поскольку система глобальной взаимозависимости оставляет очень мало пространства для геополитического манёвра без крупных экономических и – как следствие – политических издержек. В каждом из подобных прогнозов есть, безусловно, элементы (на уровне аналитических выводов или же просто догадок) будущего мира, но целостной картины нет ни

у кого. Поэтому, не претендуя на законченность и последовательность, попытаемся сформулировать рамки, в которых этот мир будет развиваться.

- **Продолжится борьба за глобализацию**, ибо даже её торможение создавало огромные риски для значительной части элит, особенно связанных с финансовым посткапитализмом. Переформатирование глобализации в регионализацию означает если не их гибель, то переход от однозначного доминирования в глобальной экономике и политике к конкуренции с другими силами, представляющими принципиально разные модели развития. И эта глобальная финансовая элита, прекрасно понимая, что речь идёт о её стратегическом будущем, сделает всё, чтобы удержать имеющиеся существенные элементы глобализации, возможно, пожертвовав некими внешними атрибутами.
- **Мир вряд ли будет локализован только в пространстве конкуренции США и Китая.** Эта конкуренция стала важнейшим элементом эпохи глобализации, её основой. Потенциал соперничества был ограничен колоссальной экономической взаимозависимостью, конечно, более значимой для Китая, но также сковывавшей и потенциал США. Сложилась комфортная система отношений, где торговля между Пекином и Вашингтоном (а это была торговля, ничто иное) могла вестись до бесконечности и, как правило, за счёт третьих стран. Но уже даже на этапе поздней глобализации, когда стало понятно, что речь идёт о выживании системы в принципе, взаимоотношения перестали быть лишь торговлей. В постглобальном мире сложно представить, чтобы потенциальные претенденты на роль центров консолидации макрорегионов, такие, как Индия, Иран, Индонезия, Россия, возможно, Египет и Бразилия, если у последней хватит сил вырваться из зависимости от американских ТНК, будут просто выбирать себе «метрополию», «сюзерена». Они скорее нацелены на то, чтобы, пользуясь противоборством двух геоэкономических гигантов поставить под контроль максимально возможный объём геоэкономически и ресурсно ценных пространств. И этот процесс может на определённом

этапе стать куда более значимым, чем бесконечные попытки Пекина и Вашингтона нащупать точку равновесия для возвращения к новому изданию проекта «Кимерика», геоэкономического симбиоза США и Китая. Для России важно понимать, какой из центров силы «второго ряда» может стать её ситуативным, а, возможно, и долговременным союзником.

- **Устойчивой многополярности не наступит.** Скорее, мы вступаем в мир шаткой полицентричности, где потенциалом полноценного глобального влияния и проецирования силы будут обладать только Соединённые Штаты, но и они начнут его постепенно утрачивать. Неотъемлемым элементом системы окажется нивелирование большинства рамок, ограничивавших свободу рук ключевых государств. И уж точно отказ от большинства «условностей» и неформальных договорённостей, которыми так богата эпоха поздней глобализации. Достаточно посмотреть на то, как партнёры Китая на Западе (и США, и страны ЕС) легко отказываются от всех ранее взятых на себя обязательств о партнёрстве и взаимозависимости, грозя Пекину триллионными счетами за пандемию. Россия должна быть готова к тому, что ей придётся действовать, исходя из предположения, что любой партнёр может внезапно отказаться от прежних обязательств.
- **Наступает время инвестиций в будущее,** в котором важны не столько сегодняшние индикаторы развития экономики (экономический рост, инфляция и прочая), а то, насколько удалось обеспечить устойчивость экономических и социальных систем общества и государства на «завтра» и «послезавтра». Придётся много тратить, не всегда рассчитывая на немедленную отдачу. В мире инвестиций в будущее вряд ли сохранятся классические подходы, основанные на оценке «коммерческой отдачи инвестиций». Вопрос в том, чтобы понимать, на что и зачем тратить. Хотя приоритеты вполне прозрачны: безопасность в максимально широком понимании, создание условий для поступательного спокойного социального развития. Но инерция попыток реализовать постчеловеческую модель финансового капитализма может оказаться сильнее.

- **Потенциал внешнего влияния будет намного больше, чем раньше, зависеть от состояния дел внутри стран.** Способность государства формулировать привлекательную модель развития, в первую очередь социального, обеспечивать высокий уровень экономической и технологической самодостаточности, социальной устойчивости, – всё это становится важнейшими элементами глобальной конкуренции.
- **Очень многое (возможно, слишком многое) будет зависеть от политических лидеров.** Отсутствие стратегического видения, понимания сути мировых процессов, наконец личная трусоватость и коррумпированность руководителей может отбросить страны и даже целые регионы назад, пагубно сказаться на перспективах в борьбе за влияние в мире. Системы и институты – как национальные, так и глобальные, например, институт международного права – перестали компенсировать «эксцессы исполнителей».

О ДВИЖЕНИИ РОССИИ К ПОСТГЛОБАЛЬНОМУ МИРУ

Россия подошла к началу пандемического кризиса в статусе претендента второго ряда на роль центра постглобального макрорегиона: соперничать на равных с ведущими державами мира (Китаем и США) она могла только в военно-политической сфере. В экономике потенциал России базировался на контроле важных в геоэкономическом смысле пространств, в частности критических, для реализации обоих проектов трансконтинентальных коридоров («Великий шёлковый путь» и «Север – Юг»), а также ресурсном потенциале. Значительная часть экономического влияния, имевшегося у России в эпоху поздней глобализации, может быть серьёзно девальвирована при формировании новой системы международных отношений. Перед Россией встанёт задача более глубокого, чем у многих других стран, реформирования национальной экономики, да и в целом государственности, отражающей ныне многие негативные стереотипы 1990-х и начала 2000-х годов.

Изменение направления развития, которое будет свойственно для постглобального мира, объективное повышение значимости неэкономических факторов национального влияния и мощи создаёт для России окно возможностей. Оно даёт перспективу

выхода за сравнительно узкие рамки, уготованные нашей стране системой биполярной глобализации. Но и механизм встраивания в процессы глобальных трансформаций существенно усложняется. Ситуация такова, что невозможно думать только о конечной цели движения. Характер достижений, положительных сдвигов в процессе этого движения становится очень важным.

Для России принципиально, в каком состоянии она подойдёт к новой системе глобальной политики и экономики, потому что ей не гарантировано место в числе «великих держав», способных сыграть ведущую роль в следующем раунде глобальных трансформаций: от хаотичной полицентричности к упорядоченной многополярности. Участие в этом раунде преобразований, а не в нынешних геоэкономических манёврах, имеющих небольшое отношение к стратегическому результату, для России жизненно важно. Ради стратегической выгоды можно пренебречь тактическими потерями. С этой точки зрения на нынешнем этапе решающими являются следующие моменты.

- **Повышение эффективности ядерного сдерживания, восстановление его политической значимости.** Это сложно, но достижимо, особенно на фоне нового роста важности ядерного оружия, прежде всего, стратегического ядерного оружия в Китае. Последнее даст возможность России снять с себя часть ограничений в данной сфере. Главное не упустить время, втянувшись в дискуссии с «партнёрами».
- **Формирование относительно автаркичной, полностью защищённой финансовой системы,** не позволяющей на нынешнем этапе трансформаций выкачать из российской экономики необходимые ей инвестиционные ресурсы. Защиту от глобальной турбулентности и манипуляций на мировых финансовых рынках следует считать главным краткосрочным приоритетом развития страны. Россия должна восстановить контроль над собственными инвестиционными ресурсами. Без этого инициирование нового инвестиционного цикла в экономике, о чём говорил президент России в Послании Федеральному собранию 15 января 2020 г., останется лишь фигурой речи и пропагандистским заявлением.

- **Ускорение национализации элит**, дополненное интенсивными процессами перевода важнейших элементов технологической и ресурсной базы экономики в национальную юрисдикцию. Это позволит менее болезненно осуществить обновление политического класса в России, не показавшего высокой эффективности в период борьбы с коронавирусом и вряд ли способного обеспечить стране достойное место в постпандемическом мире.
- **Нужны системные действия по восстановлению доверия между государством и обществом**, которое подорвано ещё до начала пандемии, но теперь эта проблема усугубилась. Восстановление доверия надо искать не в развитии институтов формальной, во многом «фасадной», демократии – это лишь даст внешним силам дополнительные возможности для манипуляций. Необходимо стимулировать такие формы местного самоуправления, которые в наибольшей степени соответствуют традициям. Эти базовые формы социальной и социально-экономической самоорганизации должны быть ориентированы на создание нового уровня ответственности в обществе и на противодействие используемой противниками российской государственности извне и изнутри технологии «политического деклассирования» (в просторечии – «майдан»). Но это подразумевает необходимость снабдить самоуправление понятными для общества элементами стратегического целеполагания.
- **Оптимизация отношений с партнёрами по Евразии**, формулирование «предложения» о развитии интеграции в новых условиях с чёткой демонстрацией невозможности экономической интеграции без политической. Элиты стран Евразии должны осознавать все риски прежней «многовекторности». Но в то же время они должны понять, что Россия при всех издержках является для стран Евразии самым надёжным партнёром.
- **Повышение уровня не только инфраструктурной, но и социальной связности экономического пространства России**. Существующие программы пространственного развития страны устарели, носят лоббистско-бюрократи-

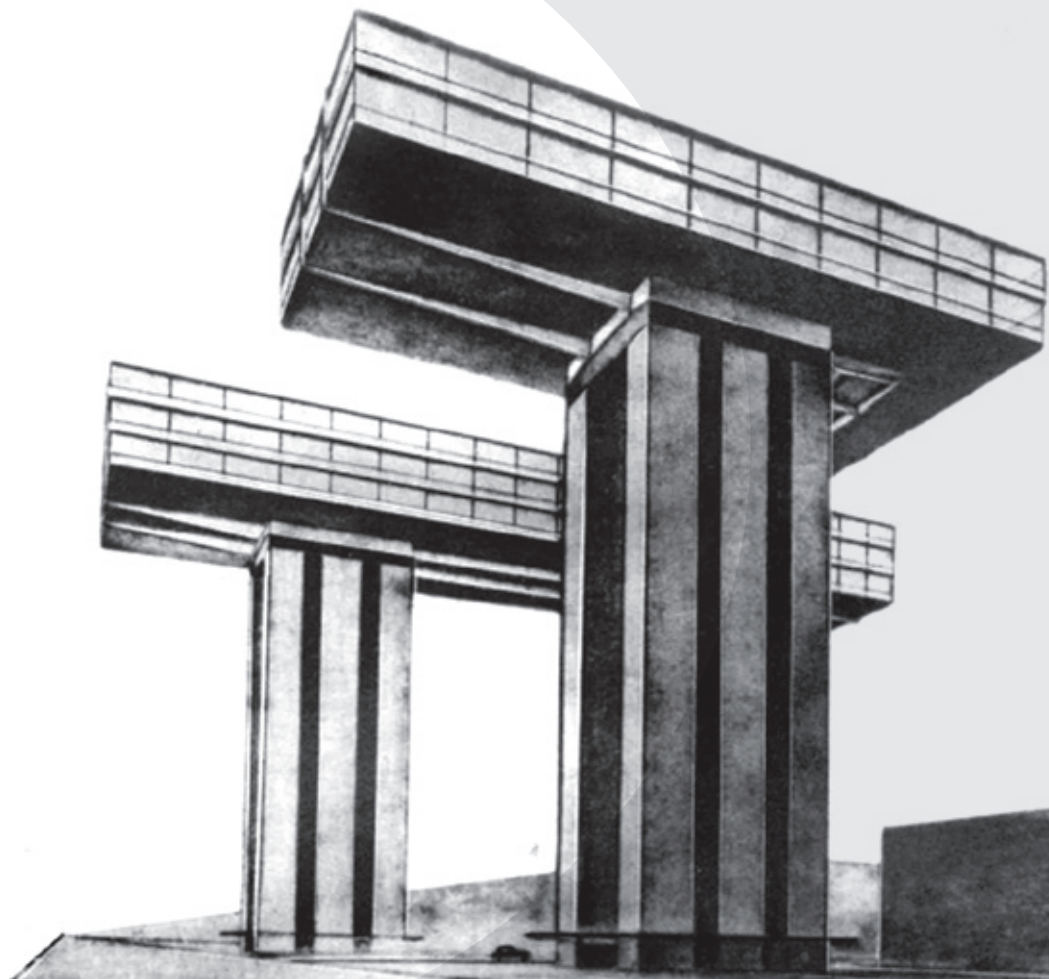
ческий характер, не соответствуют масштабам стоящих перед страной задач. Россия оказалась перед жёсткой необходимостью изменения политики урбанизма, смещения акцентов с модели «фестивального города» на концепт социально безопасного города. Аналогично этому концепция пространственного развития должна быть быстро переосмыслена с точки зрения необходимости формирования внутри России системы «пространств безопасности», неуязвимых при большинстве даже критических внешних и внутренних сценариев. Имеет смысл вернуться к советскому опыту многократного резервирования систем безопасности для государства и общества.

- **Выход на новый уровень защищённости информационного пространства России**, формирование системы защиты не только от киберугроз, значение которых будет только расти, но и от информационно-политических манипуляций. Подобные манипуляции могут носить и региональный, и даже субглобальный характер, а главное – они нацелены на дестабилизацию крупных социальных и социально-экономических систем.

Это лишь малая часть шагов, обеспечивающих плавность и осмысленность движения России в сторону нового мира, понятность целей и задач государства для общества, вовлечение его широких слоёв в процессы строительства новой российской государственности.

Генплан

...национализм оказался непреходящей силой, как и стремление людей к объединяющему нарративу, способному придать смысл созданному ими миру...

Горизонтальные небоскрёбы Э.Лисицкого, 1935

Биполярность или баланс?

К чему ведёт американско-китайское противостояние

Тимофей Бордачёв

Т.В. Бордачёв – научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай». Данная статья развивает и существенно расширяет тезисы автора, изложенные в материале, который был написан по заказу Валдайского клуба.

Китай воодушевлён своими успехами в борьбе с пандемией коронавируса. Соединённые Штаты теряют международный авторитет и сталкиваются с множеством внутренних проблем, но всё же достаточно сильны, чтобы противостоять китайской самоуверенности. Значение европейских держав в международной политике стремится к символическому даже на фоне последних десяти-пятнадцати лет. Россия, которая на первый взгляд больше всех заинтересована в мирном развитии событий, пока смотрит на происходящее с растерянностью и размышляет, какие возможности есть у неё в сложившихся условиях. Индия, Бразилия и другие ещё не вышли на уровень, позволяющий им выступать в качестве эффективного противовеса на мировой арене. Такова в самом общем виде расстановка сил летом 2020 года. Основное событие международной политики: нарастание противостояния старого лидера и нового претендента – Соединённых Штатов Америки и Китайской Народной Республики.

ОТ «СТРАННОЙ» К «ХОЛОДНОЙ»

Сам Китай довольно долго предпочитал конфликт с США в духе «странной войны». Она продолжалась с осени 1939 г. по весну 1940

г. между гитлеровской Германией, с одной стороны, Великобританией и Францией, с другой, и её основной чертой было отсутствие боевых действий. То есть сложилась ситуация, когда всем очевиден естественный характер противостояния, понятны его конкретные проявления и долгосрочные цели сторон, но всё происходит в неявной форме. Китайцы рассчитывали, что смогут продолжать аккумулировать возможности для вытеснения Вашингтона с позиций мирового лидера не потребовалось бы открытого противостояния. Отсюда и убаюкивающие разговоры о мирном росте – тактические приёмы для того, чтобы выиграть время.

Этого, однако, не случилось. Как часто бывает со слабеющими державами, которые постепенно теряют международное доминирование, Соединённые Штаты пытаются разрубить гордиев узел противоречий и перевести борьбу в открытую форму. Начиняющийся конфликт является глобальным, потому что события, связанные с ним, будут происходить везде – на море и на суше, в сферах новых технологий и международной торговли. Он позволит окончательно убедиться, что прошлая холодная война – СССР и Запада – была исключительным явлением в истории международной политики. В первую очередь потому, что её главным условием было разделение мира на две неравные части, закрытые друг от друга и исповедующие противоположные идеологии. Сейчас мы вряд ли можем ожидать буквального повторения такого раскола цивилизации.

Та или иная версия рыночной экономики господствует повсюду, а информационно-коммуникационные технологии не позволяют представить степень взаимной закрытости, близкой к той, что существовала с 1945 г. до второй половины 1980-х годов. Китайские руководители много говорят о том, что их социально-экономическая модель и способ развития в целом более прогрессивные, чем американские. Однако СССР был до самых последних своих дней большой Северной Кореей, зазеркалем, где жизнь людей регулировалась уникальными правилами, созданными на основе коммунистической утопии. Существование такого оригинального режима не только не препятствовало развитию стран рыночной демократии, но уже с середины 1950-х гг. ему даже способствовало. Китай при всех ограничениях свобод индивидуума – открывая

миру страна, часть либерального международного порядка и потребитель его основных благ.

Само использование термина «холодная война» для того исторического периода, который завершился распадом СССР, стало искажением первоначальной идеи британского писателя Джорджа Оруэлла, предложившего этот термин в 1945 г. в заметке «Ты и атомная бомба». Для Оруэлла холодная война была структурным понятием, характеризующим отношения между ядерными державами и остальным человечеством. Военное могущество тех, кто способен создать значимые ядерные арсеналы (а состав избранных автор предугадал безошибочно), делало непреодолимым силовой разрыв между ними и всеми другими. И тем самым навсегда фиксировало состояние враждебности: военно-силовые лидеры *vs* те, кто такими возможностями не обладал. В прочтении, которое мы все усвоили, конфликт Соединённых Штатов и Советского Союза оставался «холодным» только в том смысле, что он так и не перешёл в «горячую» фазу лобового столкновения. Отношения между США и их союзниками, Россией и её соседями, Китаем и другими азиатскими государствами, даже Францией и Германией всегда будут содержать в своём фундаменте непреодолимый разрыв силовых возможностей. Холодная война никогда не заканчивалась и не закончится. Кроме того, она универсальна.

Тогда, может быть, стоит говорить о появлении на наших глазах новой биполярности? Такие предположения имеют под собой серьёзные основания. Хаос, нараставший в международных делах с середины 2000-х гг., провоцирует запрос на какой-то порядок. Его формой вполне может быть новый раскол мира на два противоборствующих полюса, вокруг каждого из которых объединятся державы второго и третьего (по степени их влияния на международную безопасность) уровня. Такая гипотетическая структура очень проста с точки зрения анализа, прогноза и определения оптимальных стратегий реализации государствами своих интересов. В методологическом отношении она идеальна. Но одновременно и очень опасна, поскольку противостоящие полюсы-сверхдержавы притягивают к себе союзников, заставляют тех делать выбор из двух альтернатив, что чревато столкновениями.

Системная теория международной политики, в центре которой стоит вопрос о структуре – в данном случае биполярной – возникла в середине прошлого века на основе эмпирического опыта холодной войны. Элементы системного подхода мы видим в более ранних работах и даже в марксизме, но подлинным основоположником этой теории стал американский политолог Кеннет Уолтц. Условное разделение мира на два противостоящих полюса позволяло с лёгкостью выявить факторы, способные привести их к столкновению, губительному для всей цивилизации. А уже на этой основе можно было понять, как столкновения избежать. Учёные развили логику Уолтца в рамках вполне пока гипотетических схем, рисующих разные детализированные модели однополярности, биполярности и многополярности. В итоге вся современная наука о международных отношениях – реалистская и либеральная – стоит на фундаменте системной теории Кеннета Уолтца. Реалистическая теория ищет в структуре международной системы причины конфликта, либеральная – способы стабилизировать эту структуру через создание международных институтов.

При этом сама по себе биполярность «СССР – США» всё равно была весьма умозрачной. В первую очередь потому, что две сверхдержавы не связывало между собой ничего, кроме ядерного сдерживания. Его символом была «горячая линия» между Кремлём и Белым домом. А так, как мы отмечали выше, они жили в разных мирах и в разных международных системах. Именно поэтому наиболее ортодоксальная версия системной теории – так называемый наступательный реализм Джона Миршаймера – и сейчас подчиняет все отношения их военной составляющей. Холодная война Москвы и Вашингтона – не противостояние в рамках одного мира, а борьба двух параллельных миров. Международная политика холодной войны – действительно уникальное явление, которое, возможно, и не повторится никогда в будущем.

Советский Союз и Соединённые Штаты вступали в опосредованное военное взаимодействие, как правило, на локализованных театрах (Корея, Вьетнам, Ангола, Центральная Америка), а их цели были продиктованы геополитическими соображениями. В этом отношении столкновения между ними напоминали скорее аристократические войны XVIII–XIX веков, когда каждая держава

чётко осознавала пределы эскалации и допустимый до начала переговоров ущерб. Единственный действительно опасный эпизод прошлой холодной войны – Карибский кризис 1962 года. Он возник вследствие попытки США увеличить свои потенциальные преимущества через размещение в Турции ракетных вооружений. В ответ СССР также обратился к силовой дипломатии, и конфликт был быстро и элегантно урегулирован, поскольку имел локальный характер по отношению ко всей системе взаимодействия двух держав. Возможности развития любого регионального конфликта в глобальный оставались минимальными – эта сфера жёстко контролировалась Москвой и Вашингтоном на дипломатическом уровне. Предпосылка такой упорядоченности – минимальное число сфер, где интересы сталкивались.

Советский Союз жил в собственном закрытом мире. США и Европа после 1945 г. развивались в русле либерального международного порядка – набора правил и норм, с которыми все были согласны и в основе соблюдения которых лежало военное превосходство Америки над своими союзниками. В рамках сообщества либеральных рыночных демократий холодная война по Оруэллу получила институциональное воплощение – военный союз НАТО. СССР и «лагерь социализма» были оторваны от этого сообщества, и как только они прекратили войну в одностороннем порядке, международная система обрела целостность.

Китай присоединился к экономической составляющей либерального порядка, сохранив тоталитарный в западном понимании политический режим. Его могущество выросло на основе таких ценностей либерального порядка, как свобода торговли. Это могущество стало причиной глобального перераспределения сил и конфликта, который мы наблюдаем. Но уже в рамках действительно единой международной системы, чего нельзя сказать о ситуации 1945–1990 годов.

КОНФЛИКТ НАМНОГО ГЛУБЖЕ

По сравнению с прошлой биполярностью отношения Соединённых Штатов и Китая, как мы знаем, совсем другие. Ядерное сдерживание присутствует в них в гораздо меньшей степени, но является объяснением того, почему прямое столкновение крайне

нежелательно для обеих сторон. Державы теснейшим образом переплетены экономически. Фирменные бейсболки предвыборной компании 2016 г. Дональда Трампа с надписью «Вернуть Америке величие» были преимущественно изготовлены в Китае. Не говоря уже о других, более важных составляющих экономической и технологической «Кимерики», на которой последние двадцать-тридцать лет держалась вся глобализация. Даже в том случае, если двусторонняя экономическая взаимозависимость за предстоящие годы сократится, китайская и американская экономики останутся связаны через третьи страны и рынки. Та же Европа или Юго-Восточная Азия не выражают стремления сворачивать связи с КНР. Более того, европейцы собираются их укреплять. Производства из Китая и США переносятся на территорию Вьетнама или Индонезии практически одновременно.

При этом конфликт между Вашингтоном и Пекином имеет гораздо более объективную природу, нежели нынешнее дипломатическое противостояние, например, Москвы и Вашингтона. Внешняя политика России после 1999 г. – это мягкий ревизионизм. Она нацелена на исправление искажений международного порядка после холодной войны, которые рассматривает как несправедливые. Кроме того, Россия никогда не была по-настоящему унижена Западом. Китай, напротив, много говорил в категориях мягкого ревизионизма, но на деле нуждался в более радикальном пересмотре международного порядка. Это необходимо Пекину для достижения целей национального развития, которые противоречат американским интересам. Все авторитетные специалисты по КНР согласны: задачи, поставленные на съезде Коммунистической партии в 2017 г., а затем облечённые в законы на заседании ВСНП весной 2018 г., невозможно реализовать без нанесения ущерба интересам США и сокращения количества доступных для них ресурсов.

В отличие от России, в которой население небольшое, а ресурсов много, положение Китая по отношению к мировой экономике может быть охарактеризовано как паразитическое. На протяжении восьмидесяти лет после Второй мировой войны таким положением пользовались только Соединённые Штаты. СССР паразитом не был и не нуждался в этом. На геополитическую борьбу с Западом он тратил свои собственные ресурсы. В сочетании с утопической

социально-экономической моделью это привело к тому, что уже в середине 1980-х гг., по меткому определению британского историка Доминика Ливена, Россия как империя не нуждалась в коммунистическом режиме. Более того, он стал для неё обузой. Между тем коммунистический режим в Китае путём экономических реформ адаптировался под нужды укрепления международного значения китайского государства.

Изменение китайского поведения на более наступательное первыми почувствовали на себе Россия и страны Центральной Азии. В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил с инициативой «Пояс и путь». Она предполагает системное расширение китайского присутствия в экономике значительного числа государств и вовлечение их в производственные цепочки, во главе которых стоят китайские компании. Но для России это не стало поводом конфликтовать с Китаем – она не собирается становиться экономикой, ориентированной на экспорт большего, чем энергоресурсы и продукция военно-промышленного комплекса. Китайские амбиции в Центральной Азии интересуют Россию не с точки зрения конкуренции, а в том плане, насколько получение оттуда ресурсов будет способствовать или препятствовать региональной безопасности. В 2018 г. Россия добилась подписания соглашения между Китаем и Евразийским экономическим союзом – главным проектом российской внешней политики нового поколения. Китай, в свою очередь, резонно видит экономические ресурсы Центральной Азии настолько ничтожными, что даже думать о конкуренции с Москвой ему представляется нерациональным.

Отношение Америки к изменившемуся китайскому поведению определяется совсем другими факторами. При общем сокращении ресурсов планеты тот факт, что китайцы будут потреблять больше, автоматически означает, что американцам достанется меньше. Развитие КНР уже давно миновало стадию, когда оно давало США возможности. Теперь это развитие несёт в себе только угрозы благосостоянию и безопасности. Почему безопасности? Потому что либеральный порядок основан на относительно справедливом распределении как экономических, так и политических выгод. При этом лидеру всё равно достаётся именно столько, сколько он хочет. И он один полностью удовлетворён положением. В том случае,

если Китай будет и дальше теснить Соединённые Штаты в качестве главного покровителя и паразита либерального мирового порядка, другие державы начнут получать свою долю выгод уже от Поднебесной. Со временем Америка может потерять большинство сколько-нибудь значимых союзников и сателлитов.

Сохранение контроля над доступом к ресурсам, на которые сейчас претендует Китай, необходимо для существующего в США экономического порядка. Сам порядок сталкивается с множеством трудностей, но пока нет идей, как заменить его другим – менее зависимым от решающей роли страны в функционировании основных глобальных свобод. Это уже приводит к сокращению способности американского государства выполнять обязательства перед своими гражданами – они начинают выбирать революционеров. Самым ярким представителем новой волны стал Дональд Трамп. Но и он уже успел убедиться, что вызов изменения глобального соотношения сил слишком многогранен для того, чтобы на него можно было дать простой и эффективный ответ.

То, что интересы Вашингтона и Пекина пересекаются в неисчислимом множестве вопросов, делает новое системообразующее противостояние держав более опасным с точки зрения перспективы возникновения частного конфликта, который может перерасти в общую войну. В отличие от советско-американского новое противостояние будет гораздо менее управляемым из одного центра принятия решений по разные стороны Тихого океана. Это плохо для международной безопасности. Частичное сворачивание экономической взаимозависимости между двумя державами делу не поможет. Даже повышение степени автаркии на уровне отдельных стран и регионов, которое сейчас наблюдают экономисты, не пойдёт настолько далеко, чтобы полностью ликвидировать взаимозависимость и взаимосвязанность.

В начале XVI века император Священной Римской империи Карл V писал: «Интересы мои и короля Франции совершенно одинаковы: мы оба хотим герцогство Миланское». Точно так же оди-

Вся современная наука о международных отношениях – реалистская и либеральная – стоит на фундаменте системной теории Кеннета Уолтца.

наковы интересы США и КНР – они хотят сохранения существующего международного порядка, но каждый при своём лидерстве. Таким образом, если мы возьмём основные структурные признаки противостояния Советского Союза и Соединённых Штатов времён холодной войны и просто помножим их на количество сфер пересечения интересов США и Китая, противоречий их целей развития, результат получится очень тревожным. Главная проблема новой биполярности в том, что в отличие от эпохи холодной войны она может оказаться достаточно быстрой прелюдией настоящего военного столкновения. Есть ли шансы избежать этого?

ОПАСНО, НО НЕ ФАТАЛЬНО

Во-первых, само по себе ядерное сдерживание по-прежнему делает большую войну нерациональной. Китайские военные возможности, в том числе в их ядерной компоненте, пока существенно отстают от американских. Однако они представляются большинству наблюдателей достаточными для того, чтобы нанести противнику неприемлемый ущерб. Отношения внутри закрытого сообщества ядерных держав определяются тем, что чисто военное решение проблем нерационально.

Во-вторых, вся международная система отличается гораздо большей гибкостью. Борьба Китая и США – не фронтальное и достаточно легко управляемое противостояние антагонистических международных режимов, отрицающих этику друг друга, как оно было в советско-американском случае. Сейчас многие в США попытаются представить конфликт именно таким, но это чисто пропагандистский ход. Как мы видели, вездесущий характер борьбы двух держав делает её более опасной. Но гибкость системы ведёт к тому, что снижается требовательность в отношении обязательств и поведения союзников каждого из лидеров. Солидарность младших партнёров со старшими будет не правилом, а результатом свободного выбора применительно к каждой отдельной ситуации. Главная причина гибкости международной системы – её всеохватность и относительное единство. Участие страны второго и третьего разряда в одном или другом лагере не ведёт к тому, что она должна отказаться от базовых интересов и ценностей. Уже сейчас Турция, оставаясь в НАТО, проводит сугубо национальную внешнюю политику.

В период холодной войны второй половины прошлого века для каждого из союзников со стороны Запада солидарность с лидером означала, что выгоды от участия в сообществе будут абсолютными, а от частной измены его интересам – относительными. Для европейских государств сохранение независимости от СССР было абсолютной ценностью. Но даже тогда Западная Германия могла добиться установления с ним устойчивых связей в области энергетики. Сейчас сложно представить, чтобы Америка или Китай могли предоставить другим государствам возможности, которые стоят того, чтобы пожертвовать остальными интересами.

Умозрительная (пока ещё) биполярность станет исключительно комплексным явлением международной политики и будет в чём-то напоминать борьбу великих держав до наступления «международного тоталитаризма» XX века. Помимо очевидных рисков это приведёт к расширению индивидуальных возможностей государств наращивать влияние путём дипломатического манёвра.

Рассмотрим пример Европы. Она располагает наибольшим в мировых масштабах опытом гибкого внешнеполитического поведения. Европейцы начали движение в сторону признания того, что этическое многообразие – вполне реальная альтернатива универсальной этике либерального мирового порядка. И это серьёзный сигнал, что они не видят будущего в рамках жёсткой биполярной системы. Китай не угрожает интересам и ценностям европейских демократий, не говоря уже об их выживании, а конфликт с ним в современных условиях принесёт не пользу, а одни проблемы. Поэтому ведущие страны Европейского союза всё чаще задумываются над тем, как вести себя дальше, и уж точно не собираются безоговорочно поддерживать американских союзников по НАТО. Это происходит впервые за всю 75-летнюю историю трансатлантических отношений.

Согласно результатам одного из недавних опросов, проведённых в Германии Институтом *Rew* и Фондом Кёрбера, только 37 процентов респондентов считают, что отношения с США являются для их страны более приоритетными, чем отношения с Китаем. Это на 13 процентов меньше, чем по итогам такого же исследования общественного мнения в 2019 году. Интересно, что лишь немногим меньше – 36 процентов опрошенных – предпо-

читают более тесные отношения с Китаем. Здесь наблюдается рост на 12 процентов по сравнению с аналогичным опросом прошлого года.

Всплески антипатии к Соединённым Штатам случались в Европе и раньше. После вторжения американцев и избранной группы союзников в Ирак и вплоть до конца правления администрации Джорджа Буша-младшего отношение Европы к США было критическим. После того, как президентом стал Барак Обама, всё вернулось в относительно спокойное прежнее русло. Европейские государства не смогли использовать эту восьмилетнюю передышку для того, чтобы исправить в свою пользу соотношение сил в рамках Запада и на глобальном уровне. Поэтому приход к власти радикальной республиканской администрации Дональда Трампа европейцы восприняли с ужасом.

Нарастающий конфликт США и Китая в новых условиях – для Европы скорее не угроза, а возможность. Неопределённость их политики – это результат изменившихся глобальных условий и показатель того, что новый конфликт не станет повторением холодной войны 1945–1990 годов.

Исторически Россия всегда была для Европы конкурентом, который на протяжении трёхсот лет стремился доминировать в Старом Свете и мнение которого европейские державы были вынуждены принимать во внимание. Китай для Европы не представляет ни идеологической альтернативы, ни экзистенциальной угрозы. Пекин стремится торговать и развивать экономические отношения без того, чтобы навязывать свои политические взгляды. Более того, Китай признаёт за европейцами их права в мировых делах, всячески поддерживает многосторонние институты. Эти институты для Европы – вообще один из немногих реальных внешнеполитических ресурсов. Поэтому европейцы в ближайшие месяцы и годы будут стремиться использовать новый глобальный конфликт, чтобы увеличить собственные незначительные пока ресурсы и возможности.

Ведущие континентальные государства, в первую очередь – Германия и Франция, уже в этом году попытаются играть роль независимого балансера в отношении Соединённых Штатов. В этом смысле их действия окажутся в чём-то сродни политике России,

которая, выступая в качестве друга Китая, попробует себя в качестве посредника для другой стороны. Если бы Москва и приняла приглашение Трампа на сентябрьскую встречу «G7 + Россия, Австралия, Южная Корея, Индия», рациональным обоснованием стала бы необходимость не дать превратить этот саммит в антикитайское собрание. Сейчас в российской дискуссии прямо или косвенно доминируют вполне разумные аргументы в пользу того, что конфликт США и Китая – это для России больше возможность, чем угроза. Об этом пишут такие разные авторы, как Сергей Караганов и Дмитрий Тренин.

Другой важный аспект новой биполярности в том, что ни Китай, ни США не могут предложить остальным державам уникальную этическую модель. Либеральная экономика и демократия убедительны, но они не смогли преодолеть несправедливость, вытекающую из различий индивидуальных возможностей. Китайский образ развития также далёк от создания общества всеобщей справедливости. Кроме того, либерализм основан на национальном философском фундаменте, который невозможно адаптировать и сделать «своим» для остальных цивилизаций. Результатом окажется новая характеристика международной политики по сравнению с XX веком – отсутствие универсальной этики и даже идеологии, претендующей на универсальность. Это также качественно отличает новую ситуацию от биполярности, знакомой по опыту второй половины прошлого столетия. В целом ценностная близость участников всегда являлась условием существования международного порядка – общего набора правил и норм поведения, с которым согласны все. Сейчас мы не должны рассчитывать на возникновение такого порядка.

То, что мы характеризуем конфликт Китая и США как новую биполярность, – следствие отсутствия опыта осмысления международной политики, развивающейся в условиях гибкой системы. И одновременно свидетельство устойчивости позиций системной теории международных отношений, возникшей в период, когда человечество переживало самый драматичный период своей истории – XX век. Наступающая эпоха будет, возможно, даже более тревожной в том, что касается жизни рядовых граждан. Рост Азии и расширение её связей с остальным миром до фактически

внутриевропейского уровня уже привели к возникновению забытых в Европе и Америке пандемий. Но пандемия окажется менее угрожающей с точки зрения выживания государств как таковых.

Вполне вероятно, что новый этап развития приведёт к появлению теоретических подходов к изучению международной политики, которые находились в состоянии стагнации с середины 1980-х годов. Понимание такой категории, как баланс сил, сместится от системы, обеспечивающей мир и стабильность, к динамичному распределению возможностей между державами, когда каждое изменение создаёт новые возможности и риски. Международные институты могут перестать быть материальным воплощением основанного на балансе долгосрочного решения, а превратятся в инструмент дипломатии. Противостояние Китая и США оказалось бы губительным для человечества, если бы оно разворачивалось в условиях начала XX века. Тогда противоречия между важнейшими центрами европейской цивилизации привели к быстрому столкновению и её гибели. Сейчас мир другой, и мы вправе рассчитывать, что конфликт станет продолжительным, но не приведёт к катастрофе.

Конец большой стратегии

Америка должна думать о малом

Дэниел Дрезнер, Рональд Кребс, Рэндалл Швеллер

Дэниел Дрезнер – профессор международной политики Школы права и дипломатии имени Флетчера.

Рональд Кребс – профессор политологии в Университете Миннесоты.

Рэндалл Швеллер – профессор политологии и директор программы исследования реализма во внешней политике в университете штата Огайо.

Опубликовано в журнале *Foreign Affairs* № 3 за 2020 год. © *Council on foreign relations, Inc.*

Что бы ни сделал президент США Дональд Трамп в области международных отношений в дальнейшем, на одно достижение он может смело претендовать: дискуссия о большой стратегии снова стала вызывать интерес. На протяжении десятилетий американская внешнеполитическая элита в обеих партиях разделяла идею либерального интернационализма: Вашингтон должен поддерживать и распространять глобальный порядок, поощряющий свободные рынки, открытую политику и многосторонние институты. Но Трамп неоднократно предпринимал шаги, подрывавшие основы либерального интернационализма, – от сомнений в ценности НАТО до оскорбления союзников и отказа от торговых соглашений. Когда в июле 2017 г. его команда по национальной безопасности встретила с президентом в конференц-зале Пентагона (из-за отсутствия окон его окрестили «танком»), чтобы просветить Трампа о достоинствах либерального международного порядка, тот обозвал их «кучкой придурков и детей», если верить *The Washington Post*.

Серьёзные отклонения от курса, спровоцированные Трампом, заставили внешнеполитических аналитиков впервые за последние

десятилетия поставить под сомнение основополагающие принципы их главной стратегии. Теперь, когда фундаментальные положения либерального интернационализма отброшены, дебаты о большой стратегии США переживают возрождение. В борьбу вступили новые силы – от крайне левых прогрессистов до национал-популистов правого толка. Сторонники сокращения расходов и сдержанности сумели более доходчиво изложить свои взгляды, одновременно сформировались нестандартные союзы по интересам.

Но, увы, когда эти дебаты снова начались, сама концепция большой стратегии уже превратилась в химеру. Большая стратегия – это своеобразная дорожная карта, объясняющая, как соотнести средства и цели. Лучше всего она работает на предсказуемой местности – в мире, где политики имеют чёткое представление о распределении власти, надёжный внутренний консенсус в отношении национальных целей и идентичности, а также стабильные политические институты и институты национальной безопасности. К 2020 г. ничего из этого уже не существовало.

Меняющийся характер силы, а также её размывание в международной системе значительно затруднили Соединённым Штатам определение своей судьбы. Подъём мультикультурализма и реакция популистов на это явление подорвали общие нарративы и идентичность. Политическая поляризация выхолостила институты внутри страны, а это означает, что каждая новая администрация вступает в права, стремясь обратить вспять всё, что делалось предшествующей. Лихорадка отрицания истеблишмента обесценила всю дискуссию о политике и ослабила контроль за исполнительной властью, и этот феномен становится самовоспроизводящимся.

Авторы этой статьи далеко не всегда сходятся во мнениях, когда дело касается большой политики, политических стратегий или идеологии. Однако мы едины в том, что новые факторы сделали любые усилия по разработке или осуществлению большой стратегии дорогостоящими и потенциально непродуктивными. Ни одна стратегия не будет эффективной и ни одна – длительной. Вместо того, чтобы ссориться из-за того, чья стратегическая доктрина победит, учёным, экспертам, аналитикам и политикам следует сосредоточиться на более прагматичных формах решения проблемы. От военной интервенции до иностранной помощи – политика, адаптирован-

ная к каждому конкретному случаю, будет по меньшей мере столь же хороша, а возможно, и лучше, чем та, что вытекает из больших стратегических обязательств. Обсуждать большую стратегию – значит, предаваться самокопанию, пока мир вокруг горит. Так что пора действовать, даже в отсутствие большой стратегии.

ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ

Успешная большая стратегия должна основываться на очень точном понимании картины глобального распределения силы. Тот, кто преувеличивает мощь врага или, наоборот, недооценивает угрозу, не преуспееет, потому что неминуемо спровоцирует политические решения, имеющие обратный эффект. Фактически одна из причин, по которой на стратегию либерального интернационализма Соединённых Штатов обрушилось за последнее десятилетие так много критики, заключается в том, что она не смогла предсказать и оценить подъём Китая. Сила в мировой политике уже не такая, как прежде. Способность государств применять силу, то, каким образом они это делают, какие цели преследуют и кто этой силой обладает – всё изменилось коренным образом. В результате зародился мир беспоплярности и беспорядка. И это не тот мир, где хорошо работает большая стратегия.

Конечно, многое неизменно. Люди по-прежнему определяют свою идентичность главным образом через национальность. Страны, как и раньше, стремятся получить контроль над важнейшими ресурсами и доступом к жизненно важным морским путям, а также борются за территорию и региональное влияние. Они всё ещё хотят увеличить своё богатство, влияние, безопасность, престиж и автономию. Но приращение территорий уже не является для государств той наградой, которой было раньше. Современные великие державы, кажется, более всего стремятся к двум вещам: обогатиться и избежать катастрофического военного соперничества. Они понимают, что государства поднимаются вверх по лестнице международного могущества и престижа, создавая экономику, основанную на знаниях, и содействуя технологическим инновациям и связям в глобальных сетях.

В то же время сила в большей степени связана с умением выводить из строя, блокировать, отключать, не допускать и разру-

шать, чем со способностью создавать, разрешать, восстанавливать и строить. Рассмотрим возможности концепции «ограничения и воспреещения доступа и манёвра» (*A2/AD*), которая используется Китаем (главным образом, методы кибервойны и противоспутниковое оружие) с целью повысить риски для американских сил в западной части Тихого океана. Предполагается, что Иран делает то же самое в Персидском заливе, применяя подводные лодки, противокорабельные ракеты и сложные мины, чтобы сделать этот район запретной зоной для ВМС США.

Когда сила используется в конструктивных целях, она становится более узконаправленной и результат её применения не так легко перенести в другую сферу. Военная сила теперь редко способствует достижению национальных целей или решению проблем; интервенции обычно только усугубляют и без того сложные ситуации. Достаточно взглянуть на различие результатов Первой и Второй войны в Персидском заливе. Сила теперь не настолько универсальна, как раньше. Неудивительно, например, что усилия администрации Трампа по налаживанию сотрудничества в области безопасности и разведки не увенчались успехом на фоне его подхода к пересмотру торговых сделок.

Наконец, размывание власти по всей международной системе ведёт к созданию беспоплярного мира. Сегодня многие говорят о росте Китая и других конкурентов, указывая на то, что мир возвращается к многополярности (или к биполярности в менее жёстких условиях, тяготеющих к многополярной системе). Но эта точка зрения преуменьшает тектонический сдвиг, происходящий в настоящее время. В международных отношениях больше не будет доминировать одна, две или даже несколько великих держав. Экономическая и военная мощь не дадут впредь такого надёжного влияния, как раньше, – вожаки утратили хватку. И слабые, и сильные страдают от одного и того же паралича и обладают одной и той же свободой действий. Более того, новые акторы – от местных ополченцев до неправительственных организаций и крупных корпораций, – каждый из которых полагается на разные виды силы, всё больше конкурируют с государствами. Относительно немногие страны, представленные в ООН, могут претендовать на реальную монополию на применение силы в пределах своих территориальных границ. Негосударственные

субъекты, способные использовать насилие, отныне не являются второстепенными игроками. Этнические группы, полевые командиры, молодёжные банды, террористы, ополченцы, повстанцы и транснациональные преступные организации – все они стимулируют глобальное переосмысление понятия силы.

Эти изменения категории силы порождают мир, главной характеристикой которого является энтропия. Мир, в котором существуют десятки центров силы, не приспособлен для контроля и управления. В условиях нового глобального беспорядка даже страны с мощной экономикой и вооружёнными силами окажутся не в состоянии заставить других делать то, чего они хотят. Современные государства, независимо от их мощи в военном и политическом отношении, практически не обладают возможностью влиять на экстремистские группы, процветающие в интернете или других пространствах, где нет никаких структур управления. Такие акторы не только не предлагают чёткой цели для угрозы или уничтожения, но многие из них мотивированы неразрешимыми проблемами, такими как создание халифата или собственного государства. И что ещё хуже, насилие для многих является источником социальной сплочённости.

Поскольку традиционная сила не имеет прежнего влияния, глобальный порядок и сотрудничество окажутся в дефиците. Международные отношения сведутся к беспорядочным ситуативным договорённостям. Опасность представляют не горячие войны между великими державами или ожесточённые столкновения по поводу прав человека, интеллектуальной собственности либо валютных манипуляций. Угроза исходит от замороженных конфликтов по геополитическим, валютным, торговым или экологическим вопросам. Учитывая огромные издержки войны, великие державы, которые неспособны урегулировать споры за столом переговоров, не имеют возможности – по крайней мере, если они действуют рационально – разрешить их на поле боя. Достигнутые политические договорённости будут недолговечны.

Всякое следующее правительство станет разрушать политику предшественников, уничтожая саму идею большой стратегии.

Подобно стае птиц или рыб, они теряют форму, чтобы обрести новую через некоторое время.

Большая стратегия непригодна для мира энтропии. Великое стратегическое мышление линейно. Современный мир – это мир взаимодействия и сложности, где кратчайший путь между двумя точками – не прямая линия. Беспорядочное и изменчивое пространство не признаёт того, что предполагается как преимущество большой стратегии: практичный, прочный и последовательный план на долгосрочную перспективу. Чтобы быть успешным в таких условиях, стратегии нужно постоянно менять.

РАЗДЕЛЁННАЯ НАЦИЯ

Жизнеспособная большая стратегия должна опираться на общее мировоззрение ключевых политических субъектов. Если каждое новое правительство приходит к власти с радикально иным пониманием глобальных вызовов и возможностей, никакая стратегия долго не продержится. Всякое следующее правительство станет разрушать политику предшественников, уничтожая саму идею большой стратегии. Сдерживание было долговременным, потому что каждый президент США – от Гарри Трумэна до Рональда Рейгана – в значительной степени придерживался основополагающего видения глобальных проблем. Билл Клинтон, Джордж Буш-младший и Барак Обама – все они разделяли разные варианты либерального интернационализма.

Такого консенсуса больше не существует. За последние полвека на Западе усугубился скептицизм в отношении достоинств и даже самой реальности наций – «воображаемых сообществ», по словам политолога Бенедикта Андерсона, каждое из которых объединено общим нарративом. Сомнения возникли из добрых побуждений: росло осознание того, что доминирующие нарративы могут быть репрессивными, отражать интересы и опыт сильных мира сего и заставлять молчать менее влиятельные социальные группы. С ранних 1970-х гг., периода излёта вьетнамской войны, началась эпоха господствующего мультикультурализма, по крайней мере, в Соединённых Штатах. Мультикультурализм был не просто стратегией управления многообразием на справедливой и инклюзивной основе, – эта концепция исходила из растущего

сомнения в том, что обществу вообще необходима какая-то общая идентичность.

Некоторые последствия такой культурной революции, например, спешное добавление в календарь недель и месяцев, отведённых для празднования конкретных этнических и расовых традиций, казались большинству американцев безобидными и даже позитивными. Но одно следствие этого явления проблематично: американцам не хватает общего национального нарратива. По вполне понятным причинам мало кто сегодня продолжает говорить об ассимилятивном «плавильном котле». Американский историк Джилл Лепор сетовала в журнале *Foreign Affairs* в 2019 г.: учёные перестали писать о нации ещё десятилетия назад. Послушайте любые демократические дебаты в текущей президентской кампании, и вы поймёте, как некомфортно чувствуют себя американские политики из либеральных левых, когда дело касается риторики американского национализма.

Однако национализм оказался непреходящей силой, как и стремление людей к общему объединяющему нарративу, способному придать смысл созданному ими миру. Культурные консерваторы в США уже давно разрабатывали эту жилу. (Их попытки определить культурное ядро нации нашли отражение в таких книгах, как «Словарь культурной грамотности», где Эрик Дональд Хёрш-младший взялся перечислить личности, события и работы, которые «должен знать каждый американец».) Они боролись против двуязычного образования и на протяжении десятилетий вели кампанию по признанию английского в качестве официального языка, успешную до сих пор в более чем половине американских штатов. Новых иммигрантов, отказывающихся подстраивать свою жизнь под принципы американского кредо, они обвиняют в том, что Соединённые Штаты буквально расходятся по швам. Либералы поступились идеей американской исключительности, когда в 2009 г. Обама заявил: «Я верю в американскую исключительность так же, как, я подозреваю, британцы верят в британскую исключительность, а греки – в греческую». Консерваторы же сделали на неё упор. В отличие от демократов Трамп чувствует себя очень комфортно в националистической риторике, хотя он практикует её в манере, исключаящей половину населения страны.

Жертвой такого раздробленного национального дискурса стала и большая стратегия. Она опирается на нарратив безопасности, в рамках которого определяются главные действующие лица мировой политики, говорится о том, что эти субъекты делали и должны делать, а также изображается глобальный фон, на котором события будут происходить. Дискуссии вокруг противоборствующих больших стратегий – как правило, дискуссии по одному или нескольким элементам дискурса безопасности.

Ратующие за глубокую вовлечённость США, например, считают, что американская и международная безопасность неразделимы, тогда как те, кто призывает к ограниченной вовлечённости, верят в обратное. В отсутствие риторических конструкций, которые обычно и создают общий национальный нарратив, разработка большой стратегии, созвучной реальным запросам разных групп избирателей, невозможна. Осуществлять ту или иную стратегию в различных областях политики и поддерживать её на протяжении долгого времени всё труднее.

Одним из проявлений нарративного раскола в Соединённых Штатах является резкая поляризация, определяющая американскую политику, причём не только по злободневным внутренним проблемам. Партийные линии разделили американцев по широкому кругу внешнеполитических вопросов – изменение климата, борьба с терроризмом, иммиграция, Ближний Восток, применение силы. Это не та ситуация, которая благоприятствует продуктивным дискуссиям о большой стратегии. В таких обстоятельствах нивелируется ценность экспертной оценки. Политологи пришли к выводу, что экспертный консенсус может изменить общественное отношение только по тем сюжетам, по которым общественность ещё не поляризована: например, как реагировать на валютные манипуляции Китая. Но когда общество уже расколото по партийным линиям, как это происходит с проблемой изменения климата, поляризация делает консенсус элиты более чем бесполезным. Экспертные заключения из внепартийных источников просто заставляют партийцев удвоить силу своих аргументов.

Политическая поляризация также затрудняет важнейший процесс – усвоения опыта и обучения. Чтобы усовершенствовать большую стратегию, необходимо прийти к согласию относитель-

но того, что именно пошло не так и почему. В поляризованной политической среде сторона, которая боится быть привлечённой к ответственности, не согласится даже с предположением, что её политика провалилась, – причём ещё долгое время после этого провала. Республиканцы, например, настаивали на том, что иракская война была триумфом, в течение многих лет после того, как стало очевидно, что Соединённые Штаты потеряли шанс на достижение мира. Чтобы поддержать своего лидера, члены партийной команды постоянно искажают реальность в пользу собственных политических аргументов. В результате обсуждение внешнеполитической стратегии утрачивает единообразное понимание фактов, на основе которого обычно и ведётся здоровая дискуссия.

И самое главное – поляризация означает, что большая стратегия любой партии будет существовать ровно до тех пор, пока эта партия контролирует исполнительную власть. Поскольку Конгресс и суды, по сути, предоставили президенту монополию на формулирование концепции национальной безопасности, он один может радикально изменить общую стратегию страны. И то же самое может сделать следующий президент от другой партии.

НАРОД ПРОТИВ ЭКСПЕРТОВ

Большая стратегия предполагает наличие мощного рынка идей, подкреплённого прочными институтами, способными помочь политикам со временем скорректировать курс. Даже устойчивая большая стратегия должна справляться с изменениями в стратегическом окружении, и даже хорошо продуманные стратегии неизбежно ведут к политическим просчётам, которые придётся исправлять. Соединённые Штаты не избежали внешнеполитических ошибок во время холодной войны, но взаимодействие между истеблишментом и его критиками, а также между исполнительной властью и Конгрессом в итоге обуздало худшие крайности американского активизма и предотвратило чрезмерную сдержанность.

За последние полвека некогда стабильные структуры власти разрушились, и американская общественность стала всё более скептически относиться к федеральному правительству, прессе и другим крупным общественным институтам. Недоверие американцев распространяется и на внешнеполитический истеблиш-

мент, и в этом их трудно винить. Внешнеполитические элиты США в основном поддержали применение силы в Афганистане, Ираке и Ливии, и ни одно из этих вмешательств нельзя назвать успешным. Как свидетельствует «Афганское досье», сборник конфиденциальных интервью с фигурами, ключевыми для операции Вашингтона в этой стране, которые опубликованы газетой *The Washington Post* в конце прошлого года, уже более десяти лет гражданские и военные лидеры страны откровенно лгут общественности о том, как велась война в Афганистане. Финансовый кризис 2008 г., а также «арабская весна» застали внешнеполитические элиты врасплох. Очевидно, что некоторый здоровый скептицизм экспертов вполне оправдан.

А вот слишком большой скептицизм может быть разрушительным. Ставя под сомнение ценность внешнеполитической экспертизы, мы подрываем здоровый рынок идей, которые могли бы лечь в основу большой стратегии. Как предупреждал журналист Крис Хейс в книге «Сумерки элит», «если экспертное мнение в целом будет дискредитировано, мы столкнёмся с неиссякаемым источником шарлатанства». Кроме того, новые участники продвигают свои аргументы, частично разрушая ранее существовавший консенсус по поводу большой стратегии. Они эксплуатируют один и тот же сюжет о провалившемся внешнеполитическом курсе прошлого, чтобы следом заявить, что хуже того, что было, просто некуда. Как сказал Трамп на предвыборном митинге в 2016 г.: «Эксперты ужасны. Они говорят: “Дональду Трампу нужен советник по внешней политике”... Но можно ли делать что-то хуже, чем то, что мы делаем сейчас?».

Потеря уважения к экспертному знанию – лишь один из элементов самого значительного сюжета политической истории XXI века: распространения правого популистского национализма как части большой политики на Западе. Мы не можем рассматривать это явление как «осечку», потому что его подъём частично коренится в экономической нестабильности, но в равной степени, если не в большей, в политике культурного реагирования. А популизм ставит великую стратегию под вопрос.

В основе любой формы популизма лежит простой образ политики. Популистский лидер говорит о существовании нравственно

чистого народа, противопоставляя его коррумпированным элитам, и утверждает, что ему одному известно, в чём состоит истинная воля народа. Поэтому популистская политика склоняет к авторитарности. Сметая якобы коррумпированные элиты и институты, популистский лидер подрывает всё, что стоит на его пути. Наставивая на своей непосредственной связи с народом, популистский лидер утверждает, что именно он является представителем людей, и никакой политической процесс не способен столь же эффективно репрезентировать их интересы. Критика становится врагом, конституционные ограничения – препятствием для демократии, а тирания большинства объявляется добродетелью, а не пороком.

Популизм не приемлет большой стратегии. Во-первых, он обостряет внутренние разногласия. Поляризирующий по своему замыслу, он так сужает понятие якобы подлинного народа, что делает невозможным единство внутри нации как территориального и юридического субъекта. Во-вторых, популистские политики регулярно мобилизуют народ, направляя его праведный гнев против врагов. Когда в воздухе уже витает «горячая» риторика, эмоциональная реакция на кризис грозит взять верх над рациональной стратегией. Стратегия становится менее гибкой, поскольку лидерам трудно проводить примирительную тактику в атмосфере публичных оскорблений и желания мести. Наконец, популизм предполагает концентрацию власти в некоем харизматичном лидере. Он лишает власти бюрократов и различные институты, которые могут сдерживать ненадёжных правителей и блокировать слишком радикальные решения. Политика популистского режима, таким образом, – слепок самого лидера, его идеологической приверженности или его капризов. Если популистский политик действительно начнёт проводить что-то вроде большой стратегии, она не переживёт его правления.

ВРЕМЯ ПОХОРОНИТЬ БОЛЬШУЮ СТРАТЕГИЮ

Большая стратегия мертва. Принципиальная неопределённость беспоплярной глобальной политики делает большую стратегию менее полезной и даже опасной. Даже если бы она могла помочь Соединённым Штатам определиться с ответом на стоящие перед ними глобальные вызовы, всё более расколота внутренняя по-

литика затрудняет осуществление слаженной и последовательной большой стратегии. Общественное недоверие к экспертному знанию размыло перспективу здоровой дискуссии об исторических уроках и потенциальных стратегиях для страны. Популизм выхолостил систему институциональных сдержек и противовесов, которая удерживает большую стратегию от резкого раскачивания. Однако главные национальные стратеги всё ещё не пришли к осознанному пониманию утраты большой стратегии. Бурные дебаты вокруг конкурирующих стратегических вариантов свидетельствуют о том, что многие из этих стратегов всё ещё находятся в состоянии отрицания. Гнев, направленный на администрацию Трампа за отсутствие стратегического мышления, подразумевает пребывание в этой эмоциональной матрице ярости. Мы сами расходимся во мнениях относительно того, оплакивать или праздновать кончину великой стратегии, но согласны с тем, что пришло время перейти к заключительной стадии процесса скорби – принятию. Движение вперёд без большой стратегии предполагает два принципа: децентрализация и инкрементализм (текущая корректировка линии поведения в зависимости от ситуации – *прим. ред.*). Высокая степень неопределённости требует децентрализованных, но взаимно скоординированных центров принятия решений. Корпоративный сектор осознал, что менеджерам необходимо избегать соблазна контролировать каждое решение и вместо этого научиться управлять инновациями, формируя среду, в которой есть возможность выбора. Умные корпорации децентрализуют управление и ответственность, поощряют сотрудников к решению проблем посредством совместной работы и используют неформальный подход к распределению задач и обязанностей. Правительства должны организовать свой внешнеполитический аппарат точно так же. Высоко ценить знания на местах и доверять экспертной оценке – лучший способ справиться со слабыми местами и возникающими проблемами и разрядить кризисы до того, как они дадут метастазы.

Организационная трансформация должна идти рука об руку с культурной: к признанию достоинств экспериментов снизу доверху. Большая стратегия делает ставку на то, что тщательное планирование в центре даёт наилучшие результаты. Она предпо-

лагает, что издержки чрезмерной гибкости превышают издержки чрезмерной жёсткости. Но это теряет смысл, когда изменения происходят быстро и непредсказуемо. Инкрементализм в такой ситуации – выбор более безопасный. Для этого не нужно класть все яйца в одну корзину. Нельзя одержать победу одним махом, но можно избежать катастрофических потерь. Такой метод позволяет быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам. На практике это означало бы передачу ответственности от Вашингтона военным руководителям, специальным представителям и экспертам по конкретным вопросам. Другими словами, это означает подход прямо противоположный подходам многих прошлых администраций, когда процесс принятия решений концентрировался в Белом доме.

Начинающим советникам по национальной безопасности не стоит бороться за звание следующего Джорджа Кеннана. Создание долговременного варианта новой политики сдерживания не является ни важным, ни возможным в ближайшем будущем. Повышение эффективности внешней политики США – вот что действительно важно и возможно. Учитывая недавний послужной список американской внешней политики, эта цель не кажется такой уж плохой.

Возвращение системной полицентричности

Вечная классика в новых мировых условиях

Алексей Куприянов

А.В. Куприянов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

В 1943 г., когда Вторая мировая была в самом разгаре, в Советском Союзе создали несколько комиссий. Им поручили подготовить предложения по отдельным вопросам международных отношений, которые неминуемо возникнут после победы. У каждой комиссии была своя специализация: комиссия Климента Ворошилова занималась разработкой условий мирного договора с Германией, комиссия Ивана Майского – в основном вопросами репараций, комиссия Максима Литвинова – возможными контурами послевоенного мироустройства.

Сейчас предложения, выдвигавшиеся тогда советскими дипломатами, могут показаться удивительными. Так, Литвинов и его подчинённые предлагали поделить Европу на английскую и советскую сферы влияния и в принципе исходили из того, что в послевоенном мире с большой вероятностью начнётся борьба двух претендентов на гегемонию – Великобритании и США, и СССР выгоднее будет оставаться над схваткой, поддерживая в целом Британию как менее амбициозного и опасного игрока.

Мы знаем, что эти планы не сбылись: события пошли по другому пути, альянс западных держав не распался, Советский Союз оказался втянут в долгую холодную войну и в итоге её проиграл. Но сталинские дипломаты основывали прогнозы на анализе определённых трендов, и, сложись ситуация иначе, «литвиновский

мир» вполне мог стать реальностью. Тем более что даже в годы последовавшей холодной войны одновременно с блоковым противостоянием внутри условного Запада шла напряжённая борьба за сферы влияния, и бывали моменты, когда СССР и Соединённые Штаты неожиданно оказывались на одной стороне, а союзники Вашингтона по НАТО – на другой, как во время Суэцкого кризиса 1956 года.

Нам, родившимся в годы холодной войны в одном из воюющих государств, это может показаться странным и непривычным. Наше представление о второй половине XX века сформировалось под влиянием нарративов военного времени, в рамках которых главным стержнем исторического процесса было советско-американское противостояние. Теперь и российские, и американские политологи везде пытаются нащупать привычную конструкцию, неуверенно чувствуя себя в водах анархии и воспринимая наметившееся противостояние США и КНР как понятный сценарий, на котором можно строить прогнозы на будущее. Но не пытаемся ли мы тем самым объяснить глубокие, сложные и неоднозначные процессы внутри мировой системы при помощи упрощённой и удобной схемы, к которой привыкли с детства и от которой не можем теперь отказаться?

«ДОЛГОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ» ЕВРАЗИИ

Чтобы понять эти процессы, необходимо рассмотреть развитие системы международных отношений в динамике. И первое, с чем мы столкнёмся, заглянув в историю: вплоть до «долгого XIX века» системы, охватывающей весь мир, в привычном нам смысле не было, а та, что существовала на её месте, обладала принципиально иными свойствами. О системе международных отношений применительно к этому периоду можно говорить только как о совокупности связанных друг с другом подсистем – экономических, культурных, политических. В экономической сфере связи были выражены сильнее всего, в политической – слабее. Исключением являлась американская подсистема, не связанная с другими, которая была уничтожена европейцами в XVI веке.

До XIX века ни одна из подсистем на пространстве Евразии не имела решающего технологического, политического и экономи-

ческого превосходства над другими. В Европе скорость технологического развития постепенно нарастала, но отставание Востока не было критическим: отсутствие паровых машин, которые бы позволили идти против ветра, медикаментов, которые снизили бы смертность в пути, и в целом налаженного снабжения из метрополии не позволяли европейским странам реализовать своё превосходство в военном деле и организации. Европейские корабли, бороздившие моря с азиатскими, американскими и африканскими товарами на борту, увеличивали связность мира, но не гарантировали господство над ним.

Помимо этого, сама европейская подсистема того времени была далека от привычной нам картины. Мало кто из правителей воспринимал государственные интересы в отрыве от собственной персоны. Внутриевропейская политика являлась по сути государственно-династической: со сменой династии кардинально менялась внешняя политика страны, а интересы династии порой ставились выше интересов государства. Примером может служить Война за испанское наследство (1701–1714 гг.), когда после многолетней борьбы Людовик XIV завоевал для Бурбонов испанскую корону, истощив ресурсы Франции, которая не получила от войны ничего. Сама европейская система того времени была иерархической: существовала в целом общепризнанная лестница старшинства, в соответствии с положением на которой послам как представителям монархов оказывались полагающиеся почести, и демонстративное нарушение этих правил вполне могло привести к войне. Остальные подсистемы – мусульманская, восточноазиатская, находившаяся в упадке индуистская – также жили по своим собственным законам и правилам.

Эта слабая политическая связность подсистем не означала, что страны с одной подсистемой не могли сотрудничать со странами другой: османы заключали союзы с Валуа и Бурбонами, Габсбурги пытались вступить в альянс с Сефевидами, династия Мин поддерживала контакты с правителями Бенгалии. Но в этом разорванном мире претензии на универсалистский статус на словах необходимо было соотносить с реальным положением дел, и особенно заметно это было, когда дело доходило до взаимоотношений стран, входящих в разные подсистемы: они выстраивались на основе взаимного

признания фактического суверенитета. Не случайно именно в тот период была популярна доктрина «права народов», которая подразумевала, что каждый народ априори живёт по собственным законам и обычаям, и такая ситуация нормальна.

Наконец, практически до XIX века представления о географии оставались расплывчатыми. Мореплаватели открывали земли, но не были точно уверены, где именно они находились, а карты содержали множество белых пятен, не закрашенными оставались гигантские регионы – центр Евразии, почти вся Африка, кроме прибрежных районов, просторы Тихого океана, таинственный Южный материк.

Эту систему американский политолог Хендрик Спруйт назвал в своё время «открытой». В любой подсистеме мог возникнуть внешний актор из другой подсистемы, способный коренным образом изменить правила игры – будь то монголы, крестоносцы или португальские мореплаватели. В целом тот период на пространстве Евразии правомерно назвать «долгим Средневековьем», так как основные его принципы не менялись как минимум с VI века:

- Наличие ярко выраженных и относительно слабо связанных между собой подсистем международных отношений (европейской, китайской, исламской, угасающей индийской).
- Торговая архаическая глобализация и протоглобализация на всём пространстве Евразии и севера Африки.
- Государственно-династический характер международной политики, в разной степени выраженный в различных подсистемах.
- Отсутствие явного технологического разрыва между подсистемами и, как следствие, гегемонии одной из них.
- Наличие иерархически-гетерогенной системы международных отношений в Европе и исламском мире и иерархической в Китае; выстраивание международных отношений с государствами в других подсистемах на базе фактического суверенитета.

Эта ситуация начала меняться в XVIII веке. Но история не любит скачков, так что процесс изменений шёл постепенно. Менялись взгляды учёных и философов, их представления о мире и миро-

вом порядке; совершенствовались технологии, открывались новые горизонты в науке. Это проявлялось и в эволюции норм и принципов международных отношений: уже в Утрехтском мире 1713 г. появился принцип баланса сил и идея о том, что король может и не олицетворять страну. Через несколько десятилетий швейцарский юрист Эмер де Ваттель разработал концепцию внешнего суверенитета, а в 1775 г. восстали американские колонисты, провозгласившие республику и обосновавшие её создание ссылкой на де Ваттеля. Начавшиеся вскоре революционные, а затем Наполеоновские войны стали кардинальной встряской для всего существовавшего порядка «старого режима», символически подведя под ним черту уничтожением Священной Римской империи. По итогам Венского конгресса 1815 г. канула в прошлое иерархическая лестница европейских государств: на смену ей пришёл «клуб великих держав», который в той или иной форме существует до сих пор.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Произошедшие в XIX веке изменения были настолько кардинальны, что позволили Барри Бузану, Джорджу Лоусону¹ и Ричарду Литтлу² обозначить этот период в качестве переломного момента в истории международных отношений. В это время была создана мировая система, основными чертами которой стали транспортная (при помощи пароходов, не зависящих от муссонов Индийского океана и пассатов Атлантики), информационная (благодаря использованию телеграфа), экономическая (из-за перехода на новый этап глобализации) связность.

Однако главной в контексте анализа эволюции систем стала связность политическая. Европейские страны, сумев наконец реализовать своё техническое превосходство, распространили господствующую в их подсистеме модель на весь мир, столкнувшись, правда, с проблемой интеграции в неё старых азиатских государств. Если проблема интеграции индейских обществ была

¹ Buzan B., Lawson G. *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge University Press, 2015; Buzan B., Lawson G. *The Global Transformation: The Nineteenth Century and the Making of Modern International Relations // International Studies Quarterly*, 2013, Vol. 57, Issue 3, pp.620–34.

² Buzan B., Little, R., *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford University Press, 2000

решена ещё в XVI веке, то азиатские страны, давно существующие и известные европейцам, зачастую куда более бюрократизированные и богатые, требовали принципиально иного подхода. Выход нашли в основанной на позитивной теории права концепции сообщества цивилизованных наций: в него могла войти лишь страна, признанная таковой другими цивилизованными странами. Старым азиатским монархиям пришлось доказывать своё право на суверенитет перед лицом превосходящих их мощью европейских держав.

К концу XIX века мировая система превратилась из открытой, по определению Бузана, Лоусона, Литтла и Спруйта³, в закрытую: в связанном воедино мире исчез фактор неопределённости, белые пятна были стёрты с карты. «Характерной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы невозможен был передел, – напротив, переделы возможны и неизбежны, – а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран закончила захват незанятых земель на нашей планете, – писал об этом времени Ленин в 1916 году. – Мир впервые оказался уже поделённым, так что далее предстоят лишь переделы, то есть переход от одного владельца к другому, а не от бесхозяйности к хозяину»⁴.

В результате передела к рубежу веков сложилась единая мировая система с несколькими центрами силы, лежавшими преимущественно в Европе. Единственный крупный азиатский игрок, Япония, вынужден был подчёркнуто соблюдать установленные правила игры. Этот период неизбежно окажется в центре внимания любого, кто попытается проанализировать эволюцию мировой системы, поскольку до настоящего времени он остаётся единственным, когда в уже глобализированном мире одновременно существовали несколько центров силы.

Одной из наиболее любопытных попыток такого анализа остаётся работа Гёделе Кеерсмакера, в которой автор, пытаясь рассуждать в категориях одно-, би- и многополярности, предлагает теорию «кластерной многополярности»: в соответствии с ней

³ Spruyt H. Historical Sociology and Systems Theory in International Relations // Review of International Political Economy, 1998, Vol. 5, No. 2, pp. 340-353

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 27. Август 1915 – июнь 1916.

Британия была мировым, но не европейским гегемоном⁵. Россия, кстати, являлась в это время одним из мировых игроков и представляла серьёзную угрозу именно для колониальных владений Британии, ставя по сомнению её статус гегемона. Довольно показательным, что в самой Британской империи термин «гегемония» считался нежелательным и употреблялся в основном в негативном смысле, когда речь шла о Германии. Альтернативный взгляд отстаивает группа европейских и американских учёных (Пол Престон, Роберт Бойс, Энтони Эдамвайт, Джон Робертс), рассматривающих Европу как единый полюс, а мировые войны – как своего рода гражданский конфликт внутри этого полюса. Такой взгляд, в частности, получил широкое распространение в стенах Лондонской школы экономики и политических наук; любопытно, что первым эту концепцию ещё в 1955 г. предложил индийский учёный Кавалам Мадхава Паниккар.

Сторонники обоих подходов, однако, вряд ли будут возражать против утверждения, что к концу XIX века мировая система обладала следующими свойствами:

1. Она была единой и выстроенной по западным правилам.
2. Изменился характер глобализации, произошёл переход от торговой экспансии к капиталистической эксплуатации.
3. Из международной политики почти исчез династический фактор, центральным фактором стал государственный интерес.
4. Было достигнуто безусловное доминирование Запада в военном и технологическом плане.
5. В качестве единственной была принята западная модель суверенитета, в которой суверенными считались страны, принадлежащие к «цивилизованному миру».

Эта система, основанная на множественных центрах силы, отличалась отсутствием достаточно мощных сдерживающих механизмов, которые бы не позволяли этим центрам вступить в противоборство друг с другом. «Долгий XIX век» был веком малых и средних войн в Европе и в мире: бельгийско-нидерландская, две датско-пруссские,

⁵ De Keersmaecker G. *Polarity, Balance of Power and International Relations Theory: Post-Cold War and the 19th Century Compared*. Palgrave Macmillan, 2017.

войны за объединение Италии, Крымская, австро-прусская, франко-пруская, многочисленные войны на Балканах, бесконечные колониальные кампании. Все эти войны, однако, были достаточно локальными и не перерастали в мировые до того момента, когда передел мира был закончен и сформировались устойчивые альянсы. Отчасти роль сдерживающего механизма выполняли мирные конгрессы и конференции, которые позволяли великим державам вести диалог и давали возможность координировать политику по острым международным вопросам. Но этого оказалось недостаточно. Военные же инструменты сдерживания попросту отсутствовали: армады броненосцев, дивизии и армии являлись *инструментом реализации* внешней политики, а не *инструментом сдерживания*. В условиях начавшейся Второй промышленной революции, которая позволила странам, не имеющим колоний, претендовать на изменение расклада сил исключительно за счёт ускоренного промышленного развития, концентрации капитала и наличия технологических мощностей, отсутствие инструментов сдерживания сыграло роковую роль. Система баланса сил, которая традиционно реализовывалась через создание коалиций, оказалась не адекватна новой реальности, в которой цена большой войны была на порядок выше.

Разразившаяся Первая мировая война ознаменовала собой кризис империалистической полицентрической модели, зримо продемонстрировав её хрупкость. Она велась за передел ресурсов, рынков и колоний, стала воплощением коллапса системы, по итогам чего была перечерчена карта мира. В рамках системной теории все последующие события можно описать как попытку системы найти ответ на разразившийся кризис – через идеологизацию всех сфер жизни и формирование тоталитарных идеологий, которые в случае победы означали бы переустройство системы на новых началах, и через формирование механизмов сдерживания (к ним, например, относятся доктрина стратегических бомбардировок и Лига наций в качестве площадки для урегулирования споров). Первая попытка оказалась неудачной: мир вступил в новую стадию кризиса, которой стала Вторая мировая война.

Третья стадия теоретически должна была привести к Третьей мировой, ещё более кровавой; но появившийся наконец инструмент сдерживания в виде ядерного оружия и механизм урегу-

лирования конфликтов в виде ООН и его Совета Безопасности с правом вето превратил эту войну в холодную. Великие державы не могли больше конфликтовать напрямую: этот конфликт неминуемо приводил к тому, что они были бы отброшены в развитии из-за необычайно возросшей цены тотальной войны, так что полем битвы стали опосредованные и торговые войны. В глобальной войне нового типа, которая велась как на экономическом фронте, так и на отдельных театрах военных действий, было задействовано всё население, труд инженеров и рабочих, пытавшихся обеспечить превосходство над противником, был не менее важен, чем труд солдата, исполнявшего воинский долг во Вьетнаме или Афганистане. Именно затяжной и глобальный характер этой войны породил иллюзию нового типа международных отношений, и он же привёл к тому, что воюющие стороны вынуждены были заключать тактические союзы с нейтральными державами, которые таким образом наращивали мощь и укрепляли статус. Сопутствующим элементом, сделавшим невозможным заключение мира на взаимоприемлемых условиях, стала идеологизация противостояния.

Поражение СССР и его союзников в той войне предопределили недолгий период торжества Соединённых Штатов, который сменился нынешними опасениями о переходе мира к биполярности и многополярности. Однако насколько вообще эти категории применимы для анализа происходящих в современном мире процессов?

ИЛЛЮЗИИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Мы привыкли говорить о мире холодной войны как о биполярном, противопоставляя его недолгому периоду однополярности и грядущей многополярности, и с этих позиций рассматривать прошлое и прогнозировать будущее. В заявлениях отечественного МИДа слова «многополярный» и «полицентричный» используются как синонимы – но насколько это верно?

Полярность как категория предполагает неизбежный конфликт. «Как два различных полюса, во всём враждебны мы», – написал когда-то Василий Лебедев-Кумач. Полюса всегда противоположны; как следствие, биполярный мир – это мир конфликта между двумя державами, трёхполярный – между тремя, мультиполярный – между неопределённым множеством держав. Не случайно сама катего-

рия «полярности» применительно к международным отношениям появилась в 1944 г. в работе американского политолога Уильяма Фокса «Сверхдержавы». Он жил в эпоху войн и мыслил в соответствующих категориях. Мы легко восприняли идею полярности и сверхдержавности потому, что сами жили в сверхдержаве, которая являлась одним из полюсов конфликта. Но Россия перестала быть сверхдержавой и не намерена больше вступать в экзистенциальный конфликт. Прежде чем она вновь станет сверхдержавой, если это вообще произойдёт, необходимо научиться жить в другой системе координат – в той же, в которой жила большая часть мирового сообщества всё это время.

Полицентричность подразумевает наличие нескольких самостоятельных центров принятия решений, мультиполярность – вражду между этими центрами. С самого своего начала, ещё до того, как вообще стало возможно говорить о каких-то полюсах, мировая система была полицентричной. В эпоху открытого мира полицентричность была естественной, так как ни одна из великих держав не могла из-за дальних расстояний и неразвитости технологий обеспечить устойчивое доминирование над другими. В мире закрытом эта полицентричность продолжает существовать, хотя применительно к годам холодной войны она менее очевидна.

Меж тем период биполярности был в то же время периодом полицентричности. Пока две коалиции – восточная во главе СССР и западная во главе с США – сражались друг с другом на фронтах прокси-войн, другие центры силы наращивали мощь. Китай, лидеры Движения неприсоединения – Индия и Югославия, Иран, Египет – удачно маневрировали в биполярном мире, получая помощь то от одного, то от другого враждующего блока. Более того – входящие в состав западной коалиции центры силы, к примеру, Великобритания и Франция (главным образом после 1958 г.), тоже зачастую проводили политику, противоречащую интересам гегемона. Мир времён холодной войны был не более биполярен, чем Европа в эпоху наполеоновских войн. Разница в том, что в новых условиях невозможно было прямое военное столкновение по образцу двух предыдущих мировых войн, а потому война затянулась более чем на полстолетия, стала привычным явлением для нескольких поколений и начала восприниматься как естественное состояние вещей.

То, что мы привыкли называть биполярным миром, не являлось миром в полном смысле этого слова: это была затяжная коалиционная война между победителями в предыдущей тотальной войне, которая велась с помощью новых средств в условиях, когда использование традиционных средств оказывалось губительным. Когда же она наконец закончилась, для нас поражение в ней обернулось геополитической катастрофой, для большинства других центров силы это было прекращение войны, в которой они не участвовали и благодаря которой наращивали благосостояние, политическую и военную мощь. Соединённые Штаты, опьянённые победой и решившие установить выгодный для себя однополярный мировой порядок, где бы они минимизировали обязательства, но имели бы все преимущества полюса, неожиданно столкнулись с этой полицентричностью и реальной невозможностью контролировать столь большую и сложную мировую систему. Мир, почти всё предыдущее столетие прошедший в затянувшемся кризисе, просто вернулся к естественному состоянию – полицентричному, неидеологическому и бесполярному – то есть такому, каким он был на рубеже XIX–XX веков.

Основными чертами этой системы (по сравнению с предыдущими) стали:

- 1) Отсутствие доминирующей подсистемы в рамках единой системы.
- 2) Всеобъемлющая промышленная, финансовая, культурная глобализация.
- 3) Сохранение государственных интересов в качестве главного движителя международной политики.
- 4) Отсутствие явного технологического лидера.
- 5) Признание формального суверенитета всех государств при фактическом различении «постколониального» и «викторианского» суверенитета.

Теперь мы можем дать ответ и на вопрос о том, каким же был мир «долгого XIX века». Вплоть до последней четверти века он оставался полицентричным, но однополярным, при этом в качестве второго полюса выступало варварство, фронтир, дикие земли, которые надлежало покорить во благо цивилизации. Европа и Америка как светочи этой цивилизации должны были нести бремя белых,

посылая лучших сынов на службу диким сынам земли. Своеобразным рубежом, отчеркнувшим эту однополярность от бесполярного предвоенного периода, стало вступление Британии в 1902 г. в союз с Японией – первый в новейшей истории союз западной и незападной великих держав. В Европе и Америке союз с «желтолицыми чертями» был воспринят крайне неоднозначно.

Таким образом, можем сделать несколько важных выводов. Первый и главный: и подсистемы, и мировая система не остаются неизменными, они эволюционируют, теряя одни свойства и обретая другие, как потеряла свойство династичности европейская подсистема, ставшая главенствующей. Мы не можем проводить прямые параллели между нынешней мировой системой и локальными системами древнего мира, так как некоторые из их свойств кардинально изменились.

Эволюция систем происходит, прежде всего, благодаря эволюции акторов: нынешние европейские государства кардинально отличаются и от греческих полисов, и от племенных королевств Раннего Средневековья, и от династических империй. Акторов системы можно обозначить общим понятием «полития», заимствованным из социологии; они эволюционируют в жёсткой конкурентной борьбе, принимая формы и обретая свойства, которые обеспечивают лучший результат в конкретной географической и исторической обстановке.

Этот подход, впервые предложенный в 1990-е гг. Хендриком Спруйтом, отличается и от неореалистского, и от мир-системного. От первого тем, что предполагает динамику систем и их эволюцию в зависимости от внутренней эволюции акторов, от второго – тем, что делает основной акцент на взаимодействии акторов системы под влиянием внешних факторов, среди которых экономика играет важную, но не основополагающую роль. В рамках подхода нынешняя система государств рассматривается как результат эволюции, которая будет продолжаться и рано или поздно с вероятностью приведёт к трансформации системы. Схожего взгляда среди отечественных политологов придерживался Марк Хрусталёв.

Такой подход можно назвать системно-эволюционным, так как акцент делается на эволюцию систем. Он конструктивистский в том смысле, что заимствует принцип «анархия – это то, что из неё делают

государства» у политолога Александра Вендта; марксистский – в том, что обращает основное внимание на материальные факторы, которые и определяют эволюцию акторов; реалистский – поскольку признает неизменную природу человека, вынуждающую людей соперничать и воевать, либеральный – что позволяет смирить эту природу при помощи социальной эволюции и создания единых институтов. Этот межпарадигмальный подход наследует отечественной школе анализа международных отношений в том, что анализирует происходящее на строгой исторической основе с привлечением социологических и антропологических методов, а при этом ставит в центр внимания эволюцию акторов систем и самих систем под влиянием эволюции акторов.

Применение такого подхода позволяет выделить устойчивые качества любой подсистемы и системы международных отношений: полицентричность, состояние взаимозависимости и конкуренции между центрами силы, историко-социологическую обусловленность процесса развития и временный характер любой системы в принципе.

ЧЕТЫРЕ ВАРИАНТА БУДУЩЕГО

Всё это ставит вопрос о том, как будет развиваться мировая система дальше. Привычный нарратив гласит, что мы живём в эпоху упадка «вестфальского суверенитета»: он постоянно размывается, и на смену ему идёт что-то иное, чему пока нет названия, но что можно определить как «Поствестфаль». По мнению ряда исследователей, это будет либо принципиально новый конструкт, либо возвращение к довестфальским практикам – то есть приход Нового Средневековья, скорое наступление которого ещё с 1970-х гг. предсказывали многие европейские интеллектуалы и которое как альтернативу существующему мировому порядку всерьёз рассматривал когда-то основоположник «английской школы» Хедли Булл. Это ожидание Нового Средневековья отдаёт мистицизмом; любые изменения – подлинные или мнимые – в характере отношений между государствами охотно трактуются как знамения его прихода.

В рамках существующего нарратива теории международных отношений ожидания вполне понятны: если в 1648 г. с подписанием Вестфальского мира произошёл Великий Разлом и иерархический мир европейского средневековья был заменён на анархическое со-

общество суверенных национальных государств, саморегулирующееся при помощи постоянного восстановления баланса сил, разумно предположить, что конец этого сообщества приведёт к реставрации в той или иной форме старого порядка вещей. Эта концепция удобна тем, что позволяет искать следы Нового Средневековья в любом изменении. Однако никаких следов средневековых практик мы пока так и не увидели – ни великих переселений народов, ни возрождения феодализма, ни возвращения династической политики. Это неудивительно, учитывая заведомо искусственный характер «вестфальского мифа»: так как на Вестфальском конгрессе не было создано современное государство, некуда и возвращаться.

Вместо Нового Средневековья мир вступил в эпоху неоимпериализма, в которой приставка «нео» символизирует изменения, произошедшие с мировой системой более чем за столетие и придавшие ей дополнительную устойчивость. Это улучшенная версия закрытой полицентричной системы, в которой мир поделён на сферы влияния между великими державами, борющимися за контроль над рынками сбыта и источниками ресурсов; идеологическое противостояние между ними сводится к спорам о том, кто чаще нарушает чужие границы и где больше линчуют негров. На смену борьбе за колонии пришла борьба за рынки и ресурсы бывших колоний; нынешняя система допускает непрямо экономическое соперничество без перехода к кардинальному военному переделу мира, а идея о «порядке, основанном на правилах», недалеко ушла от викторианских представлений о суверенитете как о свойстве цивилизованных наций, которые должны следовать определённым правилам. Это позволяет предположить, что «порядок, основанный на правилах», – рабочий инструмент в формирующемся балансе сил, правила в котором устанавливают поставщики безопасности в меру своих сил и понимания.

Всё вышесказанное, разумеется, не означает, что улучшенная многополярная система, в которой великие державы борются за влияние, ресурсы и рынки, одновременно сотрудничая, не столкнётся с новым кризисом. Более того, кризис представляется неизбежным, если система не изменит своих свойств. Сейчас у системы есть четыре пути:

- 1) Она останется закрытой, и тогда в процессе новой промышленной революции будет нарастать давление, которое в итоге вполне может сорвать крышку котла и заставить акторов

использовать инструменты сдерживания как инструменты войны.

- 2) Она вновь станет открытой, начав освоение нового фронта, и акторы будут приобретать и терять преимущество в процессе этого освоения.
- 3) Она перейдёт в режим постоянной стагнации, так как акторы не смогут или не решатся использовать оружие сдерживания, и войны так и останутся холодными.
- 4) Будет достигнут качественный прорыв в развитии средств производства и наступит общество всеобщего благоденствия.

Скорее всего, мы увидим промежуточный вариант: умеренное освоение фронта – пока не тронутых в полной мере рынков и ресурсов Африки, добычу арктических ресурсов, цифровизацию, перераспределение рынков в рамках новой промышленной революции. Уровень напряжённости в этом случае будет не столь велик, чтобы преодолеть системы сдерживания в ближней перспективе. Как следствие, можно прогнозировать: ООН останется в ближайшем будущем площадкой для координации действий великих держав, постоянным Конгрессом, а при этом будут существовать другие форматы, позволяющие решать тактические разногласия. Неизбежны прокси-войны и экономические войны – как обычные, так и коалиционные. Россия, будучи одной из великих держав и в то же время уступая своим соперникам почти по всем параметрам, кроме уровня военной силы и технического развития, должна будет искать альтернативные пути для достижения победы в этой империалистической гонке, активнее применяя «жесткую силу» и предлагая альтернативу неокOLONIALИЗМУ западных держав. Кроме того, стоит ждать возникновения феномена «новых лидеров», когда размер стран в мировой экономике перестанет отвечать их скромному внешнему самопозиционированию и подтолкнёт к более активным формам внешнего самовыражения.

Но стоит иметь в виду, что акторы упорно ищут возможные способы обойти механизмы сдерживания, и в дальней перспективе, скорее всего, будет реализован либо первый, либо второй сценарий. То есть нас ждёт или новая мировая война, на сей раз «горячая», или человечество найдёт следующий фронт для освоения.

Новые сферы влияния

Разделить земной шар
с другими великими державами

Грэм Эллисон

Грэм Эллисон – профессор Школы управления им. Джона Кеннеди Гарвардского университета и автор книги «Обречённые на войну: смогут ли Америка и Китай избежать ловушки Фукидида»? Опубликовано в журнале *Foreign Affairs* № 1 за 2020 год. © Council on foreign relations, Inc.

Американские политики, на десятилетия вперёд опьянённые успехом окончания холодной войны, объявили устаревшей одну из фундаментальных концепций геополитики. Государственный секретарь Кондолиза Райс, описывая новый мир, сказала, что «великодержавность определяется не сферами влияния или способностью навязывать свою волю слабым странам». Государственный секретарь Хиллари Клинтон отмечала, что «Соединённые Штаты не признают сфер своего влияния». Государственный секретарь Джон Керри констатировал «завершение эпохи доктрины Монро», которая существовала почти два столетия, когда США претендовали на собственную сферу влияния в западном полушарии.

Подобные декларации были справедливы, поскольку кое-что в геополитике изменилось. Но они были и ошибочны, так как авторы не вполне понимали, что именно происходит. Американские политики перестали признавать сферы влияния (право других держав требовать уважения их интересов в своих регионах или претендовать на контроль над происходящими в них событиями) не потому, что сама эта концепция устарела. Просто весь мир де-факто стал американской сферой влияния. Сильные по-прежнему навязывали свою волю слабым; остальной мир был вынужден играть в основном по американским правилам. Не желавшим

подчиняться этим правилам приходилось платить высокую цену: от ослаблявших их санкций до смены режима. Сферы влияния никуда не делись – они просто слились в одну зону влияния Соединённых Штатов в силу подавляющей гегемонии этой страны на земном шаре.

Однако в наши дни эта гегемония ослабевает, и Вашингтон осознал существование того, что называется «новой эрой конкуренции великих держав», в которой Китай и Россия всё чаще используют силу для утверждения своих интересов и ценностей, нередко противоречащих интересам и ценностям США. Однако американские политики и аналитики всё ещё отчаянно пытаются определить, что эта новая эра означает для Соединённых Штатов. Впредь их роль в мире не только изменится, но и существенно сократится. Хотя американские лидеры будут и дальше заявлять о своих грандиозных амбициях, более скромные средства неизбежно приведут и к более скромным результатам.

С однополярным миром покончено, равно как и с иллюзией, что другие страны покорно примут место в мировом порядке, отведённое им американцами. Соединённым Штатам придётся принять реальность, в которой существуют сферы влияния, и не все они американские.

МИР, КАКИМ ОН БЫЛ

Прежде чем делать какие-либо заявления о новых правилах геополитики после окончания холодной войны, госсекретарям США следовало бы вспомнить последние месяцы Второй мировой войны, когда американские политики аналогичным образом сопротивлялись принятию мира, где сферы влияния играли определяющую роль. Противоречия по этому вопросу лежали в основе дебатов между двумя главными экспертами правительства США по Советскому Союзу.

4 февраля 1945 г. президент Франклин Рузвельт встретился с советским лидером Иосифом Сталиным и британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем в Ялте. Рузвельта на переговорах сопровождал его переводчик и главный советник по Советскому Союзу Чарльз Боулен. Как раз тем утром Боулен получил срочное личное послание от своего близкого коллеги Джорджа

Кеннана в Москве. Кеннан точно спрогнозировал, что Советский Союз попытается сохранить контроль над Европой, по возможности большей её частью. Вопрос был в том, как Соединённым Штатам на это реагировать.

Кеннан спрашивал: «Почему бы нам не пойти на чёткий и определённый компромисс в этом вопросе? Почему бы не разделить Европу на сферы влияния, не влезая в российскую сферу и не пуская русских в нашу?». Боулен был в ужасе. «Это совершенно невымыслимо, – взорвался он в ответ. – Внешняя политика такого рода не может проводиться в демократическом государстве».

Американцам придётся отказать от недостижимых устремлений и согласиться, что сферы влияния останутся главной особенностью геополитики.

Размышляя над этим позже, Боулен пояснил: «Американский народ, сражавшийся в длительной и тяжёлой войне, заслужил право хотя бы на попытку создания лучшего мира». С 1945 по 1947 гг. Боулен работал вместе с другими ведущими деятелями в администрации Рузвельта, а затем Трумэна, поэтому проникся их видением «единого мира», в котором союзники вместе сражались ради победы над нацистами, чтобы затем объединить усилия во имя создания нового мирового порядка. Однако в конце концов он смирился с тем, что мир таков, каков есть, – Кеннан оказался прав. «Вместо единения великих держав по главным вопросам послевоенной реконструкции мира, политической и экономической, мы наблюдаем полное разобщение между Советским Союзом и его сателлитами по одну сторону и остальным миром по другую». Летом 1947 г. Боулен в аналитической записке государственному секретарю Джорджу Маршаллу признал: «Вместо единого мира мы имеем два мира».

Когда Боулену пришлось согласиться с диагнозом Кеннана, он сделал правильные выводы. В заключение записки Маршаллу он пишет: «Столкнувшись с этим неприглядным фактом, как бы сильно мы об этом ни печалились, Соединённым Штатам в интересах собственного благополучия и безопасности, а также в интересах остального несоветского мира необходимо сплотиться политически, экономически, в финансовой сфере и, наконец, в военном

отношении, чтобы действительно отвечать на угрозы, исходящие от советского мира».

Это убеждение стало столпом стратегии США будущих десятилетий, и оно опиралось на принятие идеи сфер влияния: некоторые регионы подчиняются советскому господству, что нередко будет приводить к ужасным последствиям, но лучшее, что могут сделать Соединённые Штаты, – это поддерживать страны, расположенные на периферии, одновременно укрепляя единство и сплочённость в своей сфере влияния.

В течение четырёх последовавших десятилетий США и СССР были вовлечены в борьбу великих держав, известную как холодная война. Страны Восточной Европы, втянутые в советскую сферу влияния, находились под сапогом «империи зла». Когда разразился очередной кризис, американские президенты то и дело оказывались перед выбором: отправить войска в страны, которые стонали под советским деспотизмом, чтобы поддержать местных борцов за свободу, стремившихся к обретению тех прав, которые американцы считали всеобщими, или бездействовать и смотреть, как этих борцов за свободу убивали и угнетали. Все президенты без исключения предпочитали наблюдать, не вмешиваясь: достаточно вспомнить бездействие Дуайта Эйзенхауэра, когда венгры подняли восстание в 1956 г., и Линдона Джонсона во время Пражской весны 1968 года. То же самое мы видели уже после холодной войны: бездействие Джорджа Буша-младшего, когда российские войска напали на Грузию в 2008 г., и Барака Обамы, когда российский спецназ захватил Крым. Почему? Каждый из них пропустил через себя неприемлемую, но неоспоримую истину, которая однажды была чётко сформулирована Рональдом Рейганом в его совместном заявлении с советским лидером Михаилом Горбачёвым: «В ядерной войне не может быть победителей, поэтому её нельзя допустить».

Этот эпизод из истории холодной войны напоминает нам о том, что стране, стремящейся быть одновременно идеалистичной и реалистичной, всегда придётся как-то примирять логику и оправдание цели, с одной стороны, с реалиями силы, с другой стороны. В итоге, как точно заметил аналитик Фарид Закария, во внешней политике мы всегда видели «риторику преобразования и реальность примирения». Даже на пике своего могущества

США вынуждены были мириться с неприятным фактом наличия советской сферы влияния.

ТЕКТОНИЧЕСКИЕ СДВИГИ

После почти полувекового соперничества, когда холодная война закончилась, и в 1991 г. исчез Советский Союз, Соединённые Штаты остались единственной доминирующей в мире державой в экономическом, военном и геополитическом отношении. В первые два десятилетия после холодной войны военные расходы США превысили оборонные бюджеты следующих богатейших десяти стран вместе взятых (пять из которых были союзниками Вашингтона). На деле это означало, что, как выразился в 2018 г. министр обороны Джеймс Мэттис, Соединённые Штаты «имели неоспоримое или подавляющее превосходство во всех операционных аспектах. Мы могли размещать наши войска там, где хотели, собирать их, где хотели, и действовать там, где нам было нужно». США и их союзники могли принимать новых членов в НАТО, предоставляя им гарантии безопасности по статье 5 и не задумываясь о рисках, поскольку реальных угроз для альянса не было. В том мире стратегия, по сути, сводилась к подавлению любых вызовов обильными средствами и ресурсами.

Но это было тогда. Тектонический сдвиг в балансе сил, произошедший в первые два десятилетия XXI века, был столь же драматичен, как и любые другие сдвиги, свидетелями которых Соединённые Штаты являлись за всю свою историю длиной в 245 лет. Перефразируя слова президента Чехословакии Вацлава Гавела, это произошло так быстро, что у нас даже не было времени удивиться. Доля США в мировом ВВП, которая в 1950 г. составляла почти половину, снизилась до одной четверти в 1991 г., а затем до одной седьмой сегодня. Хотя ВВП – не единственный важный индикатор, он создаёт силовую основу в отношениях между странами. И по мере уменьшения относительной мощи, сужалось и поле для манёвра у американских политиков. Подумаем, например, о реакции американцев на китайскую инициативу «Пояс и путь». Имея валютные резервы, близкие к 3 трлн долларов, КНР может инвестировать 1,3 трлн в инфраструктуру, связывающую большую часть Евразии с Китаем и тем порядком, который выстраивается в его интересах. Когда го-

сударственный секретарь Майк Помпео объявил, что Соединённые Штаты в ответ увеличат инвестиции в Индо-Тихоокеанский регион, ему удалось наскрести всего 113 млн долларов.

Конечно, Китай был главным бенефициаром этой трансформации. Его ВВП взлетел с 20% ВВП США в 1991 г. до 120% сегодня (если измерять его по паритету покупательной способности, которым руководствуются ЦРУ и МВФ, сравнивая экономический потенциал разных стран). Хотя КНР сталкивается с многочисленными внутренними вызовами, есть больше поводов ожидать, что этот базовый тренд в экономике продолжится, нежели, что он вскоре остановится. Поскольку у Китая в четыре раза больше рабочих рук, чем у Америки, ему достаточно догнать по производительности труда современную Португалию. Хотя эта производительность составляет лишь половину от производительности труда в США, ВВП КНР в этом случае в два раза превысит американский в самом ближайшем будущем.

Особенно резко экономический баланс сил сместился в пользу Китая в Азии. Будучи крупнейшим экспортёром мира и вторым по величине импортёром, Китай является главным торговым партнёром любой крупной страны в Восточной Азии, включая и союзников Вашингтона. Агрессивно практикуя искусство государственного управления экономикой, Пекин без колебаний пользуется возможностями своего положения, чтобы выкручивать руки таким странам, как Филиппины и Южная Корея, если они не выполняют его требований. На мировой арене Китай также начинает на равных конкурировать с Соединёнными Штатами в передовых технологиях. Сегодня из 20 крупнейших компаний в области ИТ девять находятся в Китае. Когда четыре года назад мировой лидер в сфере искусственного интеллекта (важнейшей из высоких технологий) компания *Google* оценивала своих конкурентов, она пришла к выводу, что китайцы не отстают от европейцев. Сегодня в зеркале заднего вида едва можно различить европейских конкурентов: китайцы лидируют во многих областях прикладного искусственного интеллекта, включая наблюдение и слежку, распознавание лиц и голоса, не говоря о финансовых технологиях.

Военные расходы и возможности КНР также возросли. Четверть века назад его оборонный бюджет был в 25 раз меньше аме-

риканского. Сегодня он уже составляет треть военного бюджета США и стремится к паритету с ним. Но деньги из американского оборонного бюджета тратятся в том числе и на выполнение обязательств перед европейскими и ближневосточными странами, а китайский оборонный бюджет расходуется исключительно в Восточной Азии.

Соответственно, если говорить о реализации конкретных военных сценариев, включая конфликт вокруг Тайваня или в Южно-Китайском море, Китай, возможно, уже давно лидирует. В отсутствие реальной войны лучшей проверкой относительных боевых возможностей являются военные игры. В 2019 г. Роберт Уорк, бывший заместитель министра обороны США, и Дэвид Очманек, один из главных военных стратегов министерства обороны, издали краткий обзор итогов ряда недавно проведённых засекреченных военных учений и игр. Суть выводов Очманека такова: «Когда мы воюем во время учений с Россией и Китаем, последние неизменно надирают задницу “синим” (американцам)». Газета *The New York Times* подвела итоги следующим образом: «В 18 из 18 последних военных игр Пентагона с участием Китая в Тайваньском проливе США терпели поражение».

Россия – это совсем другой сюжет. Какие бы желания или мечты ни лелеял президент Владимир Путин, его страна никогда не сравнится по мощи с Советским Союзом. Когда СССР распался, в России сохранилось менее половины его ВВП и половина населения. Границы вернулись к тем, что существовали при Екатерине Второй. Вместе с тем Россия остаётся ядерной сверхдержавой с ядерным арсеналом, функционально эквивалентным американскому; её оборонная промышленность выпускает вооружения, которые мир охотно покупает (в прошлом году это было наглядно продемонстрировано на примере Индии и Турции), и у неё имеются вооружённые силы, умеющие воевать и побеждать, – мы это неоднократно видели в Чечне, Грузии, на Украине и в Сирии. На континенте, где большинство других стран воображают, будто война – устаревшее понятие, и держат армии скорее для разных церемоний, чем для боевых операций, военная мощь может быть главным конкурентным преимуществом России.

НАЗАД К ОСНОВАМ

Утверждение, будто сферы влияния выброшены в мусорную корзину истории, основывалось на предположении, что страны просто займут то место, которое им отводится в мировом порядке под руководством США. В ретроспективе данное предположение выглядит хуже, чем просто наивное. Но поскольку многие американские аналитики и политические деятели сохраняют представления о Китае и России, сформировавшиеся в давно ушедшую эпоху, их взгляды на то, что Соединённым Штатам следует делать и чего не следует, отражают реалии исчезнувшего мира.

На протяжении нескольких веков геополитической конкуренции политики и теоретики разработали ряд ключевых понятий, помогающих яснее осознать сложные отношения между странами, включая сферы влияния, баланс сил и союзы. Эти концепции необходимо адаптировать к конкретным условиям XXI века, но они до сих пор остаются самой прочной основой для понимания и конструирования мирового порядка.

Когда равновесие сил между двумя государствами нарушается в такой степени, что одно из них становится доминирующим, новый баланс отбрасывает тень, которая, по сути, превращается в «сферу влияния». В дипломатический словарь этот термин вошёл в начале XIX века, хотя сама концепция стара, как и международные отношения. Как отмечал Фукидид, после поражения персов в V веке до нашей эры Спарта потребовала, чтобы Афины не строили стен вокруг своего города-государства, оставаясь уязвимыми. Традиционно великие державы требовали определённого пиетета от небольших стран на своих границах и в примыкающих к ним морях и ожидали, что и другие великие державы будут уважать их требования. Недавние действия КНР и России в соответствующих приграничных областях являются наиболее свежими примерами живучести этой традиции.

Сферы влияния также выходят за рамки географии. Когда США были мировым лидером в создании интернета, аппаратных и программных средств, необходимых для его работы, они имели преимущество, которое бывший директор Агентства по национальной безопасности (АНБ) Майкл Хайден позднее охарактеризовал как «золотой век электронной слежки». Поскольку большинство

государств не понимало всех возможностей, о которых поведал бывший подрядчик АНБ Эдвард Сноуден, американцы располагали беспрецедентным потенциалом эксплуатации технологии прослушивания, слежки и даже влияния на политику. Однако в эру, наступившую после Сноудена, многие государства сопротивляются проводимой сегодня Вашингтоном кампании с целью не допустить приобретения странами беспроводной инфраструктуры в формате 5G у китайского телекоммуникационного гиганта *Huawei*. Как выразился лидер одной страны, стоящей сегодня перед подобным выбором, Соединённые Штаты пытаются убедить других не покупать китайское оборудование, потому что это облегчит Китаю задачу шпионить за ними, а вместо этого предлагают купить американское оборудование, чтобы легче шпионить за ними было США.

РЕАЛИСТИЧНЫЙ РАСЧЁТ

С точки зрения американских интересов и ценностей последствия роста мощи Китая и России относительно мощи Соединённых Штатов не сулят ничего хорошего. Будучи великими державами, Китайская Народная Республика и Российская Федерация могут использовать силу для подавления протестов в Гонконге или блокирования вступления Украины в НАТО. Южно-Китайское море будет больше напоминать Карибское, нежели Средиземное – в том смысле, что соседи Китая по Юго-Восточной Азии будут так же подотчётны Пекину, как латиноамериканцы были подотчётны гегемону своего полушария. Украине придётся смириться с потерей Крыма, поскольку государства в «ближнем зарубежье» России учатся больше считаться с Кремлём и опасаться его.

Для многих других стран и людей в мире, которые нашли прибежище под американским зонтиком безопасности и вдохновились мечтой о мировом порядке под руководством Америки, защищающей ключевые свободы, последствия предстоят трагичные. Недавние события в Сирии показывают, чего можно ожидать. Когда в 2010–2011 гг. произошёл взрыв под названием «арабская весна», Барак Обама заявил, что сирийский лидер Башар Асад «должен уйти». Однако у Владимира Путина были другие планы, и он был готов к их реализации. Он наглядно продемонстрировал, что страна, которую Обама списал со счетов как «региональную державу»,

может использовать свои вооружённые силы, чтобы бросить вызов США и помочь сирийскому лидеру укрепить контроль, консолидируя свою власть.

Для сирийцев это было ужасным исходом, и миллионы перемещённых лиц оказали серьёзное давление на соседние страны и Европу. Но осознал ли Обама (или чуть позже – президент Дональд Трамп), что цена случившегося оказалась настолько высокой, что лучше было бы направить большой американский контингент, чтобы американские солдаты сражались и, возможно, умирали в Сирии? Могут ли американцы спокойно спать в мире, где Путин и Асад улыбаются, спрашивая, кто там ушёл, а кто ещё держится? Бездействие США говорит само за себя. Печально, но американцам придётся принять подобный исход как более или менее положительный – по крайней мере, в обозримом будущем. Подобно зверствам Асада, аннексия Крыма Россией и милитаризация Южно-Китайского моря Китаем – факты, которые никто не осмелится оспорить военными средствами.

Признание сфер влияния за другими державами, конечно, не означает, что Соединённые Штаты ничего не могут предпринимать. Сдержанность в применении военной силы часто приравнивается к молчаливому согласию исключительно из-за чрезмерной милитаризации внешней политики США в новейшее время.

У Вашингтона есть иные способы влияния на расчёты издержек и выгод, производимых другими странами: через осуждение неприемлемых действий, отказ новообразованиям в правовом статусе, введение экономических санкций против стран, компаний и отдельных лиц, а также поддержку местных сил сопротивления. Однако эти инструменты редко могут кардинально влиять на решения другой страны, если на карту поставлены интересы, которые она считает жизненно важными. Не стоит забывать, как часто отказ признавать и принимать реалии на местах приводил к серьёзным провалам во внешней политике. Достаточно вспомнить опрометчивый марш-бросок к китайской границе генерала Дугласа Макартура во время Корейской войны, спровоцировавший китайское вмешательство и кровавую, безрезультатную войну. Или упрямое желание Джорджа Буша предоставить членство в НАТО Украине и Грузии (что привело излишне самонадеянную Грузию

к частичному расчленению Россией). Это позволяет понять: упорное пренебрежение суровыми реалиями оказалось контрпродуктивным для США.

МУЗЕЙ ИНТЕРЕСОВ, О КОТОРЫХ ПРИШЛОСЬ ЗАБЫТЬ

Если говорить о том, что можно сделать, то Вашингтону следует, прежде всего, сосредоточиться на своих альянсах и партнёрствах. Если Китаю суждено быть «крупнейшим игроком в истории мира», как однажды заявил бессменный лидер Сингапура Ли Куан Ю, то Соединённым Штатам необходимо работать над сплочением союзных стран, которые составят мощный противовес КНР, чтобы та была вынуждена с ним считаться.

Эта логика наиболее очевидна в экономике. До того, как администрация Трампа положила конец участию США в Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП), торговое соглашение сулило объединение стран, на долю которого приходится 40% мирового ВВП. Они могли бы действовать по общим правилам – от пошлин до государственных предприятий, от трудового законодательства до принципов защиты окружающей среды – и быть мощным противовесом китайской экономике. Такое партнёрство, вероятно, вынудило бы Пекин принимать правила, а не устанавливать их. Благодаря усилиям японского премьер-министра Синдзо Абэ ТТП стало реальностью, но без участия американцев. Если бы американские политики нашли способ поставить стратегические интересы выше внутривнутриполитических, Соединённые Штаты могли бы снова присоединиться к ТТП. Если бы этот новый ТТП функционировал параллельно с торговым соглашением между США и ЕС, о котором шли переговоры в конце пребывания администрации Обамы в Белом доме, на одной чаше весов могло бы оказаться почти 70% мирового ВВП против китайских 20%.

Та же логика применима и к военной сфере, хотя здесь всё сложнее. Вашингтону понадобятся партнёры, но такие, которые приносят больше активов, чем рисков. К сожалению, мало кто из нынешних союзников соответствует стандарту. Систему альянсов следует проанализировать с учётом и обоснованием затрат и потребностей: всех союзников и партнёров – от Пакистана, Филиппин и Таиланда до Латвии, Саудовской Аравии и Тур-

ции – нужно рассматривать с точки зрения того, что они делают для повышения безопасности и благополучия США, учитывая все риски и издержки. Альянсы не заключаются навеки. Исторически, когда меняются условия – в частности, когда исчезает главный противник или происходит резкое смещение в балансе сил, – должны меняться и отношения между странами. Большинство американцев уже не помнит, что у НАТО был партнёр в Азии СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии) и даже её аналог на Ближнем Востоке под названием СЕНТО (Организация Центрального договора). Обе заняли место артефактов в музее забытых национальных интересов. Как заметил Кеннан, «решительная и мужественная ликвидация нездоровых позиций завоеует нам большее уважение, чем упрямое настаивание на бесперспективных или нереалистичных целях».

Чтобы понять риски, с которыми сопряжено наследование нынешних альянсов для США, рассмотрим два сценария, беспокоящие сегодня американских стратегов. Если, наблюдая за подавлением протестов в Гонконге коммунистическим правительством Китая, Тайвань решительно заявит о своей независимости, что вынудит Китай применить силу, будут ли Соединённые Штаты воевать с Китаем ради сохранения независимого статуса Тайваня? И следует ли им это делать? На европейском фронте, если в ответ на мятеж этнических русских, работающих на верфях Риги, латвийское правительство попытается решительно подавить беспорядки, что повлечёт за собой аннексию Россией части латвийской территории – Крым 2.0, – даст ли НАТО немедленный военный ответ на эту агрессию в соответствии с гарантиями, прописанными в статье 5? И следует ли это делать? Если американские лидеры не смогут дать однозначно утвердительного ответа на оба эти вопроса, а такого ответа у них нет, значит, настала пора стресс-тестов альянса наподобие тех, которые банки прошли после финансового кризиса 2008 года.

Такой подход тем более важен, если учесть реалии ядерной войны в новом мире. И у Китая, и у России имеются надёжные ядерные возможности второго (ответного) удара – то есть способность противостоять первому ядерному удару и осуществить акцию возмездия, которая уничтожит Соединённые Штаты. Соответственно, приемлемым вариантом нельзя считать не только ядерную войну,

но и войну с использованием обычных вооружений. Она крайне опасна потому, что в любой момент может случиться эскалация, связанная с риском применения ядерного оружия и мировой катастрофы. Таким образом, конкуренция неизбежно должна сдерживаться мерами предосторожности и тщательным просчётом рисков. Это создаёт большую проблему для страны, у которой длинный список союзников и союзнических обязательств. Ведь кто-то из союзников может вообразить, будто Вашингтон даёт ему карт-бланш. Грань между успокоением союзника и карт-бланшем на безрассудные действия весьма тонка.

Если баланс военной силы в войне за Тайвань или Прибалтику с применением обычных вооружений решительно сместится в пользу Китая и России, нынешние обязательства США станут невыполнимы. Разница между этими обязательствами и фактическими военными возможностями – классический пример перенапряжения. Что оценка с учётом всех рисков и обоснований означала бы для нынешней системы альянсов и для отношений Соединённых Штатов с каждым из более 50 союзников и партнёров по договорам о совместной обороне? Возможные последствия должны вытекать из полного анализа имеющихся фактов. Но, скорее всего, придётся отказаться от некоторых союзников, сделать особый акцент на других, чьи активы так же важны для безопасности США, как и активы Соединённых Штатов – для их безопасности. Необходимо также радикально пересмотреть условия каждого союзнического договора, чтобы ограничения и обязательства занимали в нём столь же видное место, как заверения и гарантии.

Подобный процесс также повысил бы доверие к обязательствам, которые США могут обновить. Хотя ветераны холодной войны справедливо утверждают, что НАТО была величайшим альянсом в истории мира, ни Трамп, ни Обама в этом не уверены. Примечательно, что американские военачальники сомневались, что Североатлантический совет утвердит военную операцию в ответ на аннексию Крыма Россией либо что правительство США сможет принять решение о том, как реагировать на это событие до того, как оно закончится. Переосмысление обязательств перед своими союзниками укрепит и безопасность Соединённых Штатов, и эти договоры.

ПРИСУТСТВУЯ ПРИ ВОССОЗДАНИИ

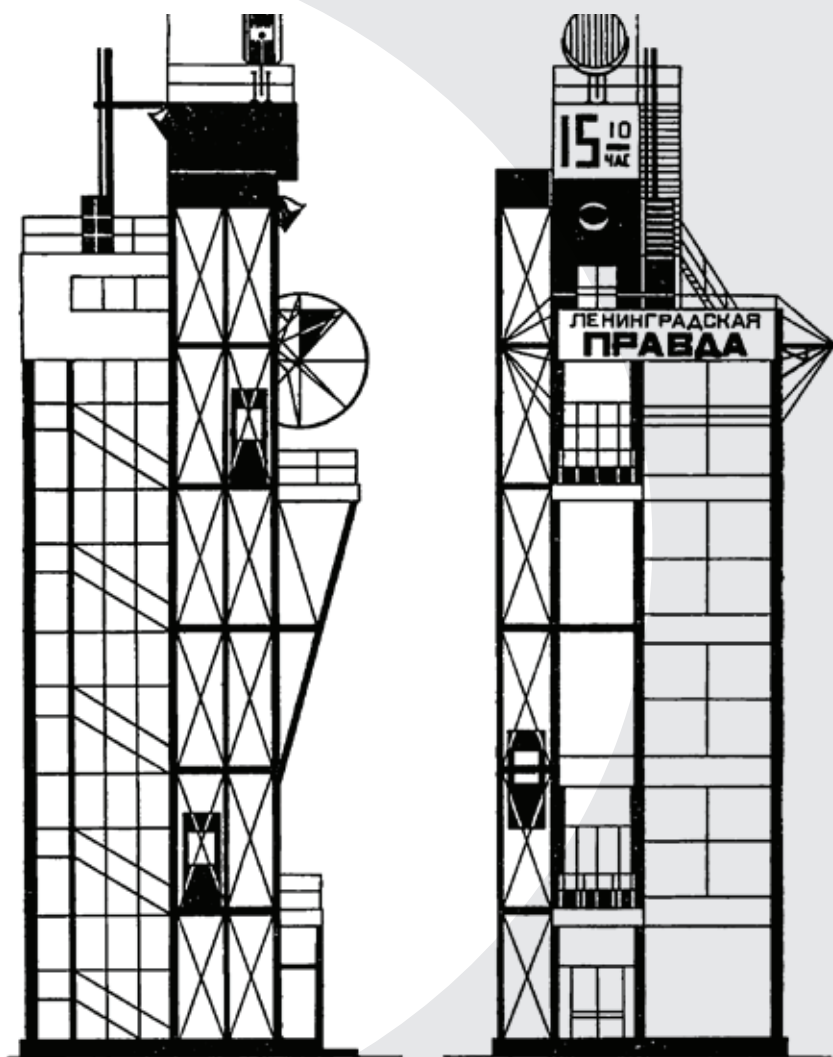
Стратегия – целенаправленное приведение в соответствие средств и целей. Две самые распространённые причины провала стратегии – несоответствие располагаемых средств заявленным целям и ослепление грандиозностью планов, когда игроком овладевает гипнотизирующая его идеальная, но недостижимая цель. Войны США на Ближнем Востоке в XXI веке являют собой наглядные примеры обоих заблуждений.

В будущем американским политическим деятелям придётся отказаться от недостижимых устремлений, о которых они мечтали, и согласиться с тем, что сферы влияния останутся главной особенностью геополитики. Принятие этого факта неизбежно будет долгим, мучительным и путаным процессом. Однако это могло бы также породить волну стратегического творчества – возможность фундаментального переосмысления концептуального арсенала национальной безопасности.

Основополагающий взгляд на роль Соединённых Штатов в мире, который разделяет большинство сегодняшних творцов внешней политики, отчётливо и наглядно проявился в ту четверть века, которая наступила после победы США в холодной войне. Того мира больше нет. Последствия так же глубоки, как и те, с которыми американцы столкнулись в конце 1940-х годов. Соответственно, стоит вспомнить, сколько времени понадобилось людям, почитаемым сегодня «мудрыми стратегами», чтобы понять мир, в котором они жили. Между «длинной телеграммой» Кеннана – ранним предупреждением о соперничестве под названием «холодная война» – и политическим документом СНБ-68, в котором, наконец-то, была изложена всеобъемлющая стратегия, прошло почти пять лет. Следовательно, замешательство, которое царит сегодня во внешнеполитическом сообществе, не должно быть поводом для тревоги. Если у великих стратегов времён холодной войны ушло почти пять лет на то, чтобы выработать принципиальный подход, было бы слишком высокомерно и наивно ожидать, что современное поколение быстрее сориентируется в нынешней обстановке.

Прорабы

...если будут приняты неправильные решения, 2020-е годы превратятся в бессмысленный повтор 1930-х годов...

Конкурсный проект, 1924 г. Арх. И. Голосов

Двойная ловушка Фукидида

Президентство Дональда Трампа
и новая биполярность

Дмитрий Ефременко

Д.В. Ефременко – доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН. Часть разделов настоящей статьи представляют собой сжатое изложение материалов, подготовленных автором для коллективной монографии «Феномен Трампа» (М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН), публикация которой намечена на сентябрь 2020 года.

В период президентства Дональда Трампа отношения между США и Китаем перешли в стадию открытого соперничества за глобальное доминирование. Америке не удалось избежать опасности развязывания конфронтации с Китаем, о которой предупреждал американский политолог Грэм Эллисон, говоря о «ловушке Фукидида». Сильнейшая торгово-экономическая взаимозависимость двух держав не стала препятствием для перехода к противостоянию. Конкуренция Пекина и Вашингтона в сфере технологий может привести к формированию двух различных техноэкономических платформ, между которыми предстоит делать выбор другим государствам. Вместе с тем новая американско-китайская биполярность отличается от американско-советской большей комплексностью и внутренней противоречивостью, позволяющими говорить о «двойной ловушке Фукидида». При этом важнейшее влияние на динамику международных процессов продолжает оказывать взаимодействие в треугольнике «США – Китай – Россия».

Бурное – если не сказать сумбурное – президентство Дональда Трампа приближается к неизбежной развилке, где ему предстоит оборваться либо пойти на второй заход. В начале 2020 г. многим ка-

залось, что к ноябрьским выборам эта американская администрация всё-таки сумеет выйти с большим плюсом, подтверждениями чему станут стремящаяся к новым высотам кривая индекса Доу – Джонса и глубокий ступор её основных политических оппонентов. Пандемия нового коронавируса и вызванный ею глубочайший экономический кризис привели к нивелированию большинства реальных и пропагандистских достижений Трампа. Последовавшие вслед за этим волнения на почве межрасовой напряжённости глубоко потрясли американского колосса. Однако во внешней политике США коронакризис пока не привёл к радикальным изменениям. Напротив, Вашингтон максимально использует ситуацию для усиления давления на своего основного геополитического соперника.

Внешнеполитическая философия Трампа основывалась на достаточно реалистичной оценке долгосрочных угроз американскому доминированию. Согласно ей, Китай, а отнюдь не Россия станет наиболее опасным конкурентом Соединённых Штатов в XXI веке. Соответственно, администрации Трампа следовало сосредоточиться на комплексном противодействии дальнейшему подъёму Китая и постараться стабилизировать отношения с Россией.

В преддверии президентских выборов 2020 г. можно констатировать, что администрация Трампа добилась относительного прогресса лишь в решении первой задачи. Новая американско-китайская биполярность становится доминантой мировой политико-экономической динамики. Следует ли из этого, что именно при Трампе Америка угодила в ту самую «ловушку Фукидида», об опасности которой предупреждал Грэм Эллисон¹, анализируя опыт Пелопонесской войны, начало которой в значительной мере было обусловлено опасениями доминирующей державы (Спарты) в связи с ростом могущества основного конкурента (Афин)? Как представляется, глобальная геополитическая конкуренция в самом деле завела ведущих мировых игроков в западню, конструкция которой, однако, оказывается более сложной, чем писал Эллисон. Во-первых, у страха страны-гегемона перед быстро усиливающимся претендентом на гегемонию есть обратная сторона. А именно – то, что претендент с определённого момента прихо-

¹ Allison, G., 2017. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt.

дит к убеждению, что гегемон уже угодил в «ловушку Фукидида» и дальше будет действовать так, чтобы любой приемлемой для него ценой остановить усиление претендента. Во-вторых, не стоит забывать о России как наследнице бывшего главного геополитического и идеологического оппонента Соединённых Штатов. После десятилетнего периода упадка она сумела отчасти восстановить прежнюю мощь, сохраняя ту же степень стратегической автономии, что Китай и США. В-третьих, есть группа стран, не обладающих полноценной стратегической автономией и являющихся союзниками нынешнего гегемона со времён его противостояния Советскому Союзу, но испытывающих дискомфорт, когда им предлагают ту же роль в ситуации американо-китайского противостояния.

ТРАМП И КИТАЙ

Действия Дональда Трампа означали приведение политики США в отношении Китая в соответствие с уже сформировавшимися установками американской политической элиты, которая ментально оказалась в «ловушке Фукидида» ещё до начала избирательной кампании Трампа. Си Цзиньпин намекнул на это обстоятельство осенью 2015 г., заявив, что никакой «ловушки Фукидида» не существует, но «когда большие государства снова и снова допускают стратегические просчёты, они могут создавать такие ловушки для себя сами»².

Впрочем, к середине второго десятилетия XXI века США и Китай уже немало лет находились в состоянии устойчивой и парадоксальной взаимозависимости. С лёгкой руки Нила Фергюсона эта взаимозависимость, доходящая до стадии симбиоза, получила ироничное название «Кимерика»³. Американо-китайский торгово-экономический симбиоз основывался на сверхпотреблении в США и экспортной экспансии Китая, причём доходы от последней благодаря массивной скупке Пекином американских долговых обязательств стимулировали дальнейший рост потреби-

² President Xi's Speech, 2015. President Xi's Speech on China-US Ties. *China Daily*, 24 September [online]. Available at: https://www.chinadaily.com.cn/world/2015xivisit/2015-09/24/content_21964069.htm [Accessed 20 April 2020].

³ Ferguson, N. and Schularick, M., 2007. "Chimerica" and the Global Asset Market Boom. *International Finance*, 10 (3), pp. 215– 239.

тельских appetites в Соединённых Штатах. Эффект «Кимерики» был поистине глобальным: повсеместно увеличивалась доходность капитала, снижались процентные ставки и затраты на рабочую силу⁴. В самой Америке, однако, многие отрасли становились неконкурентоспособными, а Китай, превратившись во «всемирную фабрику», инвестировал средства не только в американский долг, но, прежде всего, в новейшие технологии, инфраструктуру и человеческий капитал. Кризис 2008 г., значимый вклад в который внесла и «Кимерика», не привёл к разрушению взаимозависимости Вашингтона и Пекина, но сформировал существенно иной баланс политико-экономических прибылей и убытков, на сей раз с очевидным перевесом в пользу Китая.

То обстоятельство, что «Кимерика» усиливает в первую очередь Китай, в Америке истолковывалось по-разному. С одной стороны, всё сильнее звучали голоса алармистов, вроде Питера Наварро (Трамп впоследствии назначит его директором Национального совета по торговле и промышленной политике). В публикациях Наварро представлен полный набор антикитайских аргументов, позднее использованных Трампом в предвыборной кампании⁵. В их числе – манипуляции курсом юаня, экспортные субсидии, сводящие на нет саму возможность конкуренции американских компаний с китайскими, беспрецедентное по масштабам нарушение прав интеллектуальной собственности, принуждение американских инвесторов к трансферу чувствительных технологий и прямой технологический шпионаж, экспорт в США некачественных и опасных для здоровья товаров, ограничение свободы доступа в киберпространство, нарушения прав человека вообще и этнических меньшинств в частности, экспоненциальный рост военных расходов, давление на Тайвань, угрожающее соседям укрепление позиций Пекина в Южно-Китайском море и так далее. Основной вывод: необходимо остановить «красного дракона», пока не поздно.

С другой стороны, сторонники мягкого подхода выдвигали аргумент из разряда *too big to fail*: «Кимерика» настолько огром-

⁴ Ferguson, N. and Xu, X., 2018. Making Chimerica Great Again. *International Finance*, 21(3), pp. 239-252.

⁵ Navarro, P. and Autry, G., 2011. *Death by China. Confronting the Dragon – A Global Call to Action*. Upper Saddle River, NY: Person Prentice Hall.

на, что цена «развода» окажется непомерной для обеих сторон. Поэтому им придётся выработать устойчивый *modus vivendi* и в сфере политических взаимоотношений. Администрация Барака Обамы, прислушиваясь к предостережениям алармистов, оставалась ближе к сторонникам «приручения дракона». Доктрина «поворота к Азии» (*Pivot to Asia*), ставшая реакцией администрации 44-го президента США на быстрый рост экономической и военно-политической мощи КНР, предполагала сочетание сдерживания с превращением Пекина в стратегического партнёра, не угрожающего американским структурам региональной безопасности⁶. Решающий же перевес в пользу США должны были обеспечить два американоцентричных торгово-экономических суперблока – Транстихоокеанское партнёрство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство.

Следуя своим предвыборным обещаниям, Трамп решительно порвал с внешнеполитическим наследием Обамы на китайском направлении. На доктринальном уровне администрация Трампа смотрела вполне гоббсиански на международный порядок – как на поле открытого соперничества государств за влияние: «Это соперничество требует переосмысления Соединёнными Штатами политики последних двух десятилетий – политики, основанной на предположении, что взаимодействие с соперниками и их включение в международные институты и мировую торговлю превратит их в благожелательных акторов и надёжных партнёров. По большей части это предположение оказалось ложным»⁷. В Стратегии национальной безопасности США, одобренной в 2017 г., и Китай, и Россия характеризуются как «ревизионистские державы», ориентированные на пересмотр международного порядка во главе с Соединёнными Штатами.

В первый день после инаугурации Трамп объявил о выходе из соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве – как из «плохой сделки», наносящей ущерб американской экономике, ведущей к по-

⁶ National Security Strategy, 2010. *National Security Strategy of the United States of America*. The White House, May [Online]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf [Accessed 27 April 2020].

⁷ National Security Strategy, 2017. *National Security Strategy of the United States of America*. The White House, December [Online]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> [Accessed 27 April 2020].

тере миллионов рабочих мест и ограничивающей национальный суверенитет. В соответствии с лозунгом *America First* Трамп начал демонтаж всей прежней архитектуры многосторонних торговых соглашений, созданных несколькими предыдущими администрациями. Фактически Трамп пошёл на отказ от преимуществ доминирования в масштабе многосторонних систем межгосударственного взаимодействия. Вместо их использования для ограничения экономического и политического могущества Китая, Трамп предпочёл противостояние один на один с привлечением значительно более широкого спектра аргументов давления. Делая ставку на двусторонние соглашения, администрация Трампа предполагала, что в такой конфигурации США сумеют упрочить свои преимущества, но упустила из виду, что именно многосторонние экономические соглашения позволяют обеспечить наибольший контроль над транснациональными цепочками добавленной стоимости. В этом плане Вашингтон, безусловно, открыл существенно больший простор для продвижения таких многосторонних инициатив с решающим участием Китая, как Всестороннее региональное экономическое партнёрство и в особенности – «Пояс и путь». Впечатление о смене лидерства ещё более усилилось после Давосского форума 2017 г., на котором – в отсутствие представителей ещё не сформированной администрации Трампа – генеральный секретарь ЦК КПК и председатель КНР Си Цзиньпин неожиданно предстал в роли апологета и едва ли не основного защитника либеральной глобализации.

После занявшей почти год подготовки администрация Трампа начала торговую войну с Китаем. Она стартовала в январе 2018 г. с довольно ограниченных тарифных мер, но уже в сентябре 2018 г. достигла эпических масштабов, распространившись на китайские товары и услуги общей стоимостью 250 млрд долларов. Переговорные позиции участников конфликта были жёсткими, но американская сторона постоянно наращивала давление, играя на повышение и на разных направлениях. Противостояние не ограничивалось эскалацией тарифных ограничений; американская сторона применяла комбинированную тактику, используя и методы политического прессинга, и информационное воздействие, и даже механизмы правосудия. Знаковым событием 2018 г. стал

арест в Канаде по запросу американских властей финансового директора корпорации *Huawei* Мэн Ваньчжоу. По всей видимости, решимость Вашингтона отказать в неприкосновенности представителям экономической элиты КНР означала, что «точка возврата» в противостоянии пройдена. Последующее наращивание санкционного давления на *Huawei*, *ZTE* и другие китайские технологические компании под предлогом поставок ими Ирану оборудования, содержащего произведённые в Соединённых Штатах компоненты, показало, что главной ставкой является не сокращение дефицита США в торговле с Китаем и блокировка манипуляций курсом юаня, а недопущение технологического превосходства КНР в глобальном масштабе.

Динамика торговых переговоров между США и КНР была неровной. Однако к концу 2019 г. в диалоге произошло заметное продвижение. Демонстрация серьёзного успеха в переговорах с Китаем была чрезвычайно важна для команды Трампа на фоне процедуры импичмента и набирающей обороты президентской кампании. Для китайского руководства, столкнувшегося с достаточно серьёзными политическими и экономическими проблемами, большое значение имела временная передышка, которая позволила бы не только дождаться итогов президентских выборов в США, но и провести перегруппировку сил в ожидании нового раунда глобального соперничества.

15 января 2020 г. Трамп и вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ подписали в Вашингтоне документы о первой фазе торговой сделки. Это соглашение не ведёт к демонтажу модели «Кимерика», но устраняет наиболее сильные её перекосы, служившие интересам Китая. Пекин, в частности, принял на себя обязательство воздерживаться от девальвации юаня в целях достижения торговых преимуществ; в ответ Минфин США исключил КНР из перечня торговых манипуляторов. Обещанные Пекином дополнительные закупки американских товаров на 200 млрд долларов станут следствием не экономически обоснованного выбора китайских компаний, а прямых указаний политического руководства страны. Это отчасти выправит торговый дисбаланс, но не приведёт к изменению всей структуры торговых отношений. Очевидно, на китайском рынке будут потеснены в первую очередь европейские

производители. Тот факт, что соглашение весьма далеко отстоит от либеральных принципов и правил ВТО, никакого дискомфорта у администрации Трампа не вызвал.

Соединённые Штаты при Трампе значительно усилили давление на Китай и по наиболее болезненным для него политическим и гуманитарным вопросам. В частности, принятый Конгрессом США в 2019 г. Акт о правах уйгуров создаёт политико-юридические основания для американского вмешательства в ситуацию в Синьцзяне и предоставляет возможность по образцу Акта Магницкого ввести санкции против китайских официальных лиц и компаний, причастных к нарушению прав уйгуров. Принятый незадолго до этого Акт о правах человека и демократии в Гонконге не только создаёт ещё один набор санкционных рычагов, но и позволяет вносить изменения в специальный торговый режим между Соединёнными Штатами и Гонконгом. Моральная и информационная поддержка, оказанная участникам протестов в Гонконге в 2019 г., имела не менее значимые политические последствия. Возможно, своими действиями Вашингтон лишь планировал смягчить позицию Китая по условиям торговой сделки. Однако Пекину столь активный розыгрыш уйгурской и гонконгской карт (при сохранении в резерве также и тибетской карты) дал основания для весьма тревожных выводов. Руководству Китая пришлось пойти на разработку Закона о национальной безопасности, значительно усиливающего контроль со стороны Пекина и означающего ограниченную ревизию модели автономии Гонконга. Этот вынужденный шаг был использован Трампом для объявления о предстоящем пересмотре льготного торгового режима с Гонконгом, а также об отмене ряда других соглашений об экономическом, технологическом и гуманитарном сотрудничестве с бывшей британской колонией.

Используя Гонконг и Синьцзян в качестве политических аргументов, Вашингтон пересёк в отношениях с Поднебесной ещё одну «красную линию». Именно в Синьцзяне находится наиболее серьёзная внутренняя угроза безопасности КНР. Но если уйгурская проблема относится к числу давних и постоянно пребывает в поле зрения китайского руководства, то события в Гонконге ведут к стремительному превращению Специального администра-

тивного района Сянган из витрины исторического успеха модели «одна страна – две системы» в ахиллесову пяту властей в Пекине. Достижение приемлемого для всех и устойчивого политического решения в Гонконге маловероятно, но ещё менее вероятны радикальные действия, качественно меняющие политическую ситуацию в этом «глобальном городе». Таким образом, создаются условия для того, чтобы Гонконг на долгое время превратился в источник политической турбулентности, которую может использовать в своих целях Вашингтон. Более того, аналитики КПК, помня об историческом опыте краха КПСС и распада Советского Союза, отдают себе отчёт в том, что синхронизация мощного давления извне, возможного социально-экономического кризиса внутри страны, чрезвычайных ситуаций, всплеска сепаратизма на периферии и политических протестов в центре может привести к катастрофическому сценарию. Китай, в сущности, уже был на пороге подобного кризиса во время студенческих демонстраций на площади Тяньаньмэнь весной 1989 года. По оценке автора, власти в Пекине осознают, что в подобной, пусть даже весьма гипотетической ситуации, любая американская администрация постарается использовать все возможности, чтобы нанести невоенными средствами сокрушительное поражение основному геополитическому противнику. Почти то же самое относится и к России. В случае России американское руководство будет демонстрировать чуть большую сдержанность лишь в том случае, если под угрозой выхода из-под контроля окажется российский ядерный арсенал, а также если основным бенефициаром дезинтеграции Российской Федерации окажется Пекин.

ГЛОБАЛЬНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Стратегема *reverse Nixon*, или – в несколько вольном русском переводе – «Никсон наизнанку», стала чем-то вроде навязчивого кошмара для когорты американских экспертов и обозревателей, анализирующих комплексные взаимодействия ведущих игроков современной системы международных отношений⁸. На протяже-

⁸ Burrows, M. and Manning R., 2015. Kissinger's Nightmare: How an Inverted US-China-Russia May Be Game-Changer. *Valdai Paper* No.33, November [Online]. URL: <https://valdaiclub.com/files/11410/> [Accessed 1 May 2020].

нии последних двадцати лет о возможности направить против Америки знаменитый дипломатический манёвр, предпринятый в начале 1970-х гг. Ричардом Никсоном и Генри Киссинджером, начинают рассуждать всякий раз, когда Россия и Китай делают значимые шаги навстречу друг другу. Сама же традиция рассмотрения меняющегося глобального баланса сил через призму трёхсторонних отношений Вашингтона, Москвы и Пекина восходит ещё ко временам существования Советского Союза⁹.

В настоящее время именно эти три державы лидируют по всем или по части таких показателей, как военная мощь, экономический, научно-технический, а также ресурсный потенциал. Две из них претендуют на лидирующие позиции в рамках ныне существующего или будущего мирового политико-экономического порядка; третья, не выдвигая таких претензий, обладает относительно высокой свободой политического манёвра и реальными возможностями оказать на трансформацию мирового порядка критическое воздействие. Даже при отсутствии формализованного трёхстороннего взаимодействия между вершинами треугольника возникает своеобразное силовое поле, оказывающее мощное влияние на мировой порядок в целом. Одна сторона треугольника, предпринимая действия, влияющие на стратегическое поведение другой стороны, как правило, учитывает и возможную реакцию третьей стороны¹⁰. Конфигурация треугольника весьма устойчива, но внутри него происходят постоянные изменения баланса сил, причём каждая из сторон в достаточной степени автономна в своих действиях (в отличие от таких крупных держав, как Великобритания, Франция, Германия и Япония, связанных жёсткими союзническими обязательствами с США), чтобы создавать для других ситуацию стратегической неопределённости. Киссинджер, определяя благоприятное для Америки соотношение сил внутри треугольника с участием Москвы и Пекина, предлагал следующую формулу: «Наши отношения с возможными оппонентами должны быть такими, чтобы наши возможности

⁹ Dittmer, L., 1981. The Strategic Triangle: An Elementary Game-Theoretical Analysis. *World Politics*, 33(4), pp. 485-515.

¹⁰ Jervis, R., 1997. *System Effects: Complexity in Political and Social Life*. Princeton: Princeton University Press.

в отношениях с ними были более значительными, чем их возможности в отношениях между собой»¹¹.

Американским администрациям от Ричарда Никсона до Барака Обамы в целом удавалось поддерживать благоприятную для Вашингтона расстановку сил внутри стратегического треугольника, избегая институционализации трёхстороннего взаимодействия. Перед приходом в Белый дом команды Дональда Трампа в американском экспертном сообществе не было единства мнений в отношении перспектив трёхстороннего взаимодействия. Умеренно оптимистичную оценку возможностей сотрудничества трёх держав незадолго до смерти давал советник по нацбезопасности президента США Джимми Картера Збигнев Бжезинский¹². По его мнению, оно необходимо для предотвращения глобального столкновения и урегулирования тех региональных конфликтов, на которые все три державы могут оказывать влияние. Лишь походя упоминая об основном резоне, который должен побуждать Америку стремиться к трёхстороннему сотрудничеству, а именно об опасности создания альянса между Россией и Китаем, Бжезинский настойчиво акцентировал преимущества трёхстороннего формата для России, поскольку на уровне двустороннего взаимодействия Москва в конце концов столкнётся со стремлением Пекина ослабить её позиции на постсоветском пространстве и даже с территориальными претензиями, которые, возможно, ей будут предъявлены несмотря на урегулирование пограничных проблем в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года.

Существенно иной подход к взаимодействию с основными соперниками Америки сформулирован в преддверии президентства Трампа представителями современного политического реализма Джоном Миршаймером и Стивеном Уолтом¹³. Развивая концепцию офшорного балансирования, они наметили альтернативу курсу на

¹¹ Kissinger, H., 1979. *The White House Years*. Boston, Mass.: Little, Brown and Company.

¹² Brzezinski, Z., 2017. How to Address Strategic Insecurity in a Turbulent Age. *Huffington Post*, 3 January [Online]. URL: https://www.huffpost.com/entry/us-china-russia-relations_b_586955db4b0de3a08f8e3e0?section=us_world [Accessed 1 May 2020].

¹³ Mearsheimer, J. and Walt, S., 2016. Case for Offshore Balancing. *The Superior US Grand Strategy*. *Foreign Affairs*, 95 (4), pp. 70-83.

сохранение любой ценой тотального доминирования Америки. Вместо этих чрезмерных усилий, которые с высокой степенью вероятности окажутся тщетными, Миршаймер и Уолт предлагали сосредоточить внимание на трёх ключевых регионах, где США действительно имеют жизненно важные интересы, – Европе, Северо-Восточной Азии и Персидском заливе. В военно-стратегическом аспекте оффшорное балансирование ориентировано на то, чтобы нивелировать преимущество противника в ключевом регионе (например, Китая в районе Тайваньского пролива или России на постсоветском пространстве) созданием угроз в другом важном для него регионе, где он столь явным преимуществом не обладает, а также максимально повысить для него цену издержек силовых действий. Стоит заметить, однако, что противодействие Китаю по схеме оффшорного балансирования в Восточной Азии и одновременное сдерживание России на постсоветском пространстве в конце концов приведёт к тому, что у обеих стран появятся новые стимулы для сближения и противостояния силе, которая блокирует усиление их позиций в ключевых для них регионах.

Другая часть американского экспертного сообщества настаивала, что в случаях взаимодействия с Пекином и Москвой Вашингтон должен придерживаться противоположных подходов. Так, эксперты *RAND Corporation* утверждали, что Китай и Россию нельзя объединять в одну группу «ревизионистских держав», как это сделано в Стратегии национальной безопасности администрации Трампа. По их убеждению, КНР демонстрирует более приемлемый и ответственный тип поведения на международной арене, добивается, прежде всего, геоэкономических преимуществ, постепенно смещая глобальный баланс сил в свою пользу. Соответственно, в долгосрочном плане именно Китай представляет для Америки наиболее серьёзный вызов. Россия, напротив, не имеет шансов на доминирование при любой из возможных трансформаций международного порядка, но в краткосрочном плане её поведение создаёт наиболее опасные вызовы: она «нападала на соседние государства», «аннексировала завоеванные территории», поддерживала «повстанческие силы» и «сепаратизм»; Россия «убивает своих оппонентов у себя дома и за границей», «вмешивается в чужие выборы», «ниспровергает зарубежные демократии», а также работает над «подрывом

европейских и атлантических институтов»¹⁴. В силу этого лишь Китай заслуживает статуса полноценного соперника Соединённых Штатов, к России же следует относиться как к стране-изгою, для изменения поведения которой приемлемы дестабилизирующие действия. Проведение Вашингтоном двух разных политик в отношении Пекина и Москвы призвано создать иллюзию, что для США существуют только двусторонние форматы взаимодействия с основными геополитическими оппонентами, а динамика баланса сил внутри стратегического треугольника вовсе не принимается в расчёт.

Фактическую политику США при Трампе в рамках стратегического треугольника скорее можно оценить как эклектичную, комбинирующую элементы каждого из охарактеризованных выше подходов, но не укладывающуюся ни в одну из этих стратегий. Нет сомнений, что давление Вашингтона на Москву и Пекин стало мощнейшим фактором укрепления российско-китайского стратегического партнёрства. Можно говорить не только о впечатляющем росте показателей объёма сотрудничества, но и о качественно ином уровне взаимного доверия. Так, только на протяжении 2017–2018 гг. доля юаня в структуре российских золотовалютных резервов возросла в 150 раз. Ещё более красноречивое свидетельство доверительности отношений Москвы и Пекина – заявление президента Владимира Путина о том, что Россия оказывает Китаю серьёзную помощь в создании собственной системы предупреждения о ракетном нападении¹⁵. Это было указанием на то, что военно-техническое сотрудничество двух стран всё в большей степени детерминируется противостоянием с США. Углублению сотрудничества в сфере обороны и технологий двойного назначения благоприятствует географическое расположение двух стран, позволяющее им содействовать друг другу в усилении сил и средств, необходимых для сдерживания Соединённых Штатов. В то же время в случае гипотетического ухудшения двусторонних отношений каждой из сторон потребуется другой набор сил

¹⁴ Dobbins, J., Schatz, H. and Wyne, A., 2018. *Russia is a Rogue, not a Peer; China is a Peer, not a Rogue. Different Challenges, Different Responses*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.

¹⁵ Valdai, 2019. Valdai Discussion Club Session. 3 October [online]. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/61719/videos> [Accessed 21 April 2020].

и средств военного назначения¹⁶. Россия создаёт для Китая гигантскую стратегическую глубину и – вместе со странами Центральной Азии – огромную брешь в цепочке соседних с Китаем стран, которые в большей или меньшей степени ориентированы на военно-политическое партнёрство с Вашингтоном. Китай выполняет аналогичную роль для России, по крайней мере, до тех пор, пока главным источником военно-политических угроз в Москве видят США и коллективный Запад.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ ПО ТЕХНОЭКОНОМИЧЕСКИМ ПЛАТФОРМАМ

Принципиальным результатом китайской политики Дональда Трампа стал качественный переход к долгосрочному противостоянию Вашингтона и Пекина, ставкой в котором является глобальное лидерство. Компромиссные решения по вопросам торговли, которых удалось достичь в 2020 г., не должны никого убаюкивать. Тем более что начавшаяся сразу после этого мировая пандемия взвинтила накал американо-китайской полемики до небывалого уровня. Китайский ответ на брошенный Трампом вызов станет системным и фундаментальным. Он будет иметь политико-дипломатическое, информационное, военное и финансово-экономическое измерения. Но его ключевой элемент – решение Пекина создавать свою собственную, независимую от Запада в плане стандартов, инфраструктурного обеспечения и цепочек поставщиков техноэкономическую платформу.

Принятый ещё в 2015 г. десятилетний план «Сделано в Китае – 2025» и стратегия «Интернет плюс» ориентированы на комплексное обновление технологической основы китайской экономики и выход на передовые позиции в ключевых областях науки и техники. Будучи рыночно ориентированными, эти программы одновременно предполагают массированное участие китайского государства в выращивании национальных технологических чемпионов. Вклад государства в импортозамещение и общий технологический прорыв должен обеспечиваться использованием

¹⁶ Kashin, V., 2019. Tacit Alliance: Russia and China Take Military Partnership to New Level. *Carnegie Moscow Center*, 22 October [Online]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80136> [Accessed 29 April 2020].

различных инструментов – от прямого субсидирования и создания преференциальных режимов до фактического принуждения зарубежных компаний, желающих вести бизнес в Китае, к передаче технологий.

План «Сделано в Китае – 2025» сфокусирован в первую очередь на задачах ликвидации отставания – увеличении доли китайских производителей на внутреннем рынке до 70% к 2025 г., снижении вдвое эксплуатационных затрат, длительности производственных циклов и объёма некачественной продукции. Однако ключевые фигуры администрации Трампа транслируют гораздо более алармистские оценки. Так, например, генеральный прокурор США Уильям Барр заявил в начале 2020 г., что КПК «мобилизовала все элементы китайского общества – всё правительство, все корпорации, все научные круги и всех своих трудолюбивых людей – для беспрепятственного выполнения амбициозного плана по доминированию над основными технологиями будущего»¹⁷.

По оценке американского политолога Иена Бреммера, в совокупности план «Сделано в Китае – 2025» и стратегия «Интернет плюс» – «самое судьбоносное геополитическое решение, принятое за последние три десятилетия. Это также мощнейшая угроза глобализации в том виде, в каком мы привыкли её видеть с конца Второй мировой войны». Создание независимой китайской техноэкономической платформы приведёт к фундаментальному расколу, который фактически уже начался в информационно-коммуникационной сфере.

Судя по всему, разрушение симбиоза «Кимерики» будет происходить именно на технологическом уровне, распространяясь затем на другие сферы взаимодействия. Китай и США создадут две конкурирующие и всё менее совместимые глобальные экосистемы развития интернета вещей, технологий обработки больших данных, мобильной связи 5G, аддитивных технологий, робототехники и так далее. В то же время будет усиливаться и дивергенция регуляторных режимов. Выбор техноэкономической платформы станет

¹⁷ Barr, W. P., 2020. Attorney General William P. Barr Delivers the Keynote Address at the Department of Justice's China Initiative Conference. *The United States Department of Justice*, 6 February [Online]. URL: <https://www.justice.gov/opa/speech/attorney-general-william-p-barr-delivers-keynote-address-department-justices-china> [Accessed 29 April 2020].

одновременно и геополитическим выбором, который, очевидно, на протяжении 2020-х гг. придётся сделать всем государственным акторам системы международных отношений. Причем геополитика, а также внутривластные резоны будут во многих случаях перевешивать соображения экономической и технологической целесообразности.

Вероятно, в случае России это будет именно так. Россия, в отличие от СССР, имеет значительно меньше возможностей для формирования собственной техноэкономической платформы. Там, где шансы на достижения Россией технологической самостоятельности наиболее ограничены, переход на китайскую технологическую платформу окажется безальтернативным. Вслед за Москвой аналогичный переход осуществят и другие страны ЕАЭС. Практически не имеют выбора Иран, Пакистан, Северная Корея, ряд стран арабского Востока и Африки к югу от Сахары, в Латинской Америке – Куба, Венесуэла и Никарагуа при условии длительного сохранения у власти правящих там режимов. Ещё немалое число стран окажутся объектами конкуренции между США и Китаем, причём уже сегодня значительная часть этих стран являются активными участниками инициативы «Пояс и путь».

ИСПЫТАНИЕ КОРОНАКРИЗИСОМ

«Идеальный шторм» 2020 г. (пандемия коронавируса *COVID-19*, глобальный локдаун и вызванный ими острейший экономический кризис) стал для государств мира проверкой на силу и уязвимость. Китай, приняв на себя первый удар эпидемии и допустив на самой ранней стадии распространения нового вируса ряд серьёзных просчётов, ввёл затем беспрецедентные по жёсткости меры карантинной изоляции или ограничения свободы передвижения для более чем 700 млн человек. В результате уже в марте 2020 г. правительство КНР взяло эпидемическую ситуацию под контроль и даже начало оказывать помощь медицинским оборудованием и персоналом ряду других стран. Понеся серьёзный экономический ущерб, Китай первым из крупных государств добился перелома в борьбе с коронавирусом, что означало и глобальную демонстрацию мобилизационных возможностей, мощи и эффективности социально-политической системы.

На этом фоне действия Трампа и его администрации выглядели сначала как стремление приуменьшить эпидемическую угрозу, а затем как серия импульсивных мер в попытке наверстать упущенное в борьбе с распространением коронавируса на территории США. По мере усугубления эпидемической обстановки и роста связанных с ней экономических потерь, американская сторона всё настойчивее акцентировала происхождение нового вируса, используя для его обозначения такие термины, как «уханьский» или «китайский». Нарратив китайской ответственности за пандемию и экономический кризис стал важной составляющей предвыборной риторики Трампа.

В начале мая 2020 г. госсекретарь США Майк Помпео уже с полной уверенностью заявлял, что источником распространения коронавируса был Институт вирусологии в Ухане. Администрации Трампа, очевидно, удалось убедить значительную часть американских избирателей, что ответственность за пандемию и экономический кризис несёт Китай. Происходит негативный сдвиг в отношении к КНР в ключевых странах ЕС, Великобритании и Австралии. Дальнейшее развитие антикитайской кампании, в особенности – объявление санкций за сокрытие информации и предъявление Китаю судебных исков о возмещении ущерба от пандемии, могут нанести двусторонним отношениям катастрофический ущерб.

Нет сомнений, что спровоцированный пандемией кризис резко ускорит перестройку мирового политико-экономического порядка. Но уже сейчас масштаб кризиса требует коллективных решений и действий, в деле определения и последовательности которых Китай пока находится в более благоприятной позиции, чем США. Вашингтон всё ещё располагает наибольшими возможностями влиять на динамику кризиса, но способность использовать этот потенциал именно в формате коллективных и согласованных международных усилий у администрации Трампа крайне ограничена.

Международное сообщество быстро скатывается в колею новой конфронтационной биполярности. Преградой для этого не стали ни общая для всего человечества угроза, ни пока ещё сохраняющийся торгово-экономический симбиоз непримиримых соперников. Но «ловушка Фукидида» расставлена не только для США и Китая. Конструкция ловушки – более сложная, и Россия, к сожалению, не находится от неё в стороне.

ТРАМП, СИ И ПУТИН В «ДВОЙНОЙ ЛОВУШКЕ ФУКИДИДА»

Баланс взаимодействия трёх ключевых держав современного мира представляет собой динамическое соотношение факторов силы и уязвимости каждой из них. Из этого баланса, очевидно, нельзя исключить ни объективные показатели состояния экономики или вооружённых сил, ни совокупность объективных и субъективных факторов, характеризующих, например, степень консолидированности политической системы, ни медийный образ государственного лидера, оказывающий воздействие на восприятие его шагов на международной арене и внутри страны. В этом смысле символическое значение фигуры Трампа, его манера поведения в отношении союзников и соперников оказываются не менее значимыми, чем совокупность конкретных решений, принятых во время его президентства по отношению к Китаю и России.

Дональд Трамп не был причиной глубокого раскола американских элит и – пусть в меньшей степени – американского общества. Но он стал символом этого раскола, а во многих отношениях – также и силой, способствующей его углублению. Острое внутривнутриполитическое противостояние продемонстрировало как сильные, так и слабые стороны американской демократии, обнажило некоторые примечательные механизмы функционирования «глубинного государства» (*deep state*), непримиримым противником которого пытается представить себя Трамп в своих речах и твитах. То обстоятельство, что, бросая вызов традиционному истеблишменту, Трамп апеллировал к идеям, принципам и ценностям, которые неожиданным образом сближали его с основными контрагентами на международной арене, с Си Цзиньпином и в особенности – с Владимиром Путиным, не стоит преувеличивать. Важно, однако, что в ходе этого противостояния была утрачена презумпция ценностного и морального превосходства американской социально-политической модели над всеми остальными.

К тому же, если вновь вернуться к повествованию Фукидида о судьбоносном для античной Греции внутреннем конфликте, стоит вспомнить, что Пелопонесскую войну инициировала опасаящаяся упадка демократия против восходящей олигархии. В «Истории» Фукидида не придавалось большого значения различию в политическом строе двух основных антагонистов Пелопо-

несской войны, но во многих современных проекциях классического конфликта восходящей и нисходящей державы на отношения Китая и Америки немало внимания уделяется контрверзе «диктатура/демократия». Выходит, что в начале XXI века стремящаяся сохранить своё глобальное доминирование демократия пытается воспрепятствовать подъёму держав, которых рассматривает в качестве олигархий или диктатур. Психологически современной Америке крайне некомфортно отождествлять себя не с прогрессивными Афинами, а с консервативной Спартой.

Есть прямая поведенческая аналогия между США и Афинами периода Пелопонесской войны. Речь идёт о мощной экспансии Афин практически во всём средиземноморском регионе, злоупотреблении торговым эмбарго (наиболее яркий пример – так называемая Мегарская псефизма 432 г. до н.э.), фактической экспроприации Афинами общей казны Делосского союза (454 г. до н.э.) и о поборах с союзников (почти двукратное увеличение обязательного взноса – фороса – в 427 г. до н.э. и последующие меры в ходе войны, направленные на максимальную мобилизацию ресурсов). При этом Афины демонстрировали высокомерное пренебрежение недовольством тех, кто рассчитывал на их покровительство. Сравнивая действия Афин во времена Перикла и Клеона и США в эпоху Трампа, американские аналитики Генри Фаррелл и Абрахам Ньюман дают неутешительный прогноз: «Значительная часть экономического и политического влияния Соединённых Штатов зависит от доверия иностранных государств и компаний к мировой финансовой структуре, над которой доминирует Америка. Если страна явно не управляет этой системой в интересах всех государств, а вместо этого использует её в качестве простого инструмента принуждения, то её влияние исчезнет»¹⁸.

Своеобразие современной ситуации состоит в том, что США при Трампе, объективно находясь в положении теряющей преимущества своего доминирования Спарты, демонстрируют тип поведения, который привёл восходящую державу – Афины – к военной и геополитической катастрофе. В этом контексте можно

¹⁸ Farrell, H., Newman, A. The Twilight of America's Financial Empire. 24.01.2020. *Foreign Affairs*, No. 1, 24 January [Online]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-01-24/twilight-americas-financial-empire> [Accessed 29 April 2020].

говорить о двойной ловушке Фукидида, в которую рискуют угодить не только Соединённые Штаты и Китай, но и всё мировое сообщество. Происходит качественное изменение восприятия глобального порядка, стержнем которого является американское доминирование. Дональд Трамп внёс незаурядный вклад в подрыв легитимности этого порядка, в ослабление его моральной и идеологической санкции.

Вместе с мандатом американского президента Трамп получил в своё распоряжение и весь доступный инструментарий глобальной гегемонии. Он предпочёл использовать его для решения внутренних проблем США, что, строго говоря, соответствует тем обещаниям, с которыми он шёл на выборы 2016 года. В результате «благожелательный гегемон» предстал в образе великой державы, стремящейся «монетизировать» все преимущества своего доминирования. При этом Трамп не только демонстрировал отношение к союзникам как к вассалам и пренебрежение к международным институтам, но и – вполне последовательно – сохранял глубокий скепсис в отношении принципов и целей либерального мирового порядка.

Хотя американская система союзов как будто бы выдержала этот стресс, внутреннее единство коллективного Запада подорвано. Неологизм «беззападность» (*westlessness*), поставленный в заголовок основного доклада Мюнхенской конференции по безопасности 2020 г., отразил признание утраты единства Запада «как относительно сплочённой геополитической конфигурации»¹⁹. Однако авторы едва ли могли представить, насколько ускорятся рассмотренные ими тенденции буквально в считанные недели после опубликования доклада.

Китай, как уже было отмечено, попадает в «ловушку Фукидида» благодаря осознанию того, что Америка из страха или неуверенности в будущем твёрдо решила воспрепятствовать его подъёму. При этом США добиваются тактического преимущества, поскольку навязывают конфронтацию в тот момент, когда КНР всё ещё не считает себя достаточно сильной для открытого противоборства. На фоне обостряющейся конфронтации с Вашингтоном диапазон действий китайского руководства начинает

¹⁹ Munich Security Report, 2020. *Westlessness*. [Online]. URL: https://securityconference.org/assets/user_upload/MunichSecurityReport2020.pdf [Accessed 29 April 2020].

сужаться. В условиях, когда общество испытывает негодование в связи с нарастающей антикитайской риторикой и синофобией Запада, меняется и устоявшийся баланс мнений. Значительно усиливается жёсткая линия, рупором которой выступает газета «Хуаньцю Шибao» (*Global Times*).

Есть основания говорить о том, что дальнейшая динамика международных отношений будет характеризоваться биполярностью. Но американско-китайскую биполярность можно называть «новой» не только потому, что она пришла на смену канувшей в Лету американско-советской версии. Налицо как явные элементы сходства с противостоянием СССР и США, так и принципиальные отличия. Прежде всего, нынешняя биполярность возникла не в результате раздела сфер влияния между победителями в мировой войне и у неё нет фундамента, подобного ялтинско-потсдамской системе. Напротив, её возникновению способствовал «момент американской однополярности» и длительный период симбиотических отношений между экономиками США и Китая в условиях глобализации конца XX – начала XXI веков. Поэтому появление «китайского полюса», скорее, можно уподобить рождению Афины из головы Зевса. Далее, в отличие от американско-советского противоборства, нынешняя биполярность мало идеологизирована. Сейчас использовать идеологическую компоненту пытается именно американская сторона, тогда как КНР вполне успешно от этого уходит. Вместе с тем, как и во времена холодной войны, новая биполярность будет главным структурирующим фактором международных взаимодействий. Однако – наряду с соперничеством Соединённых Штатов и Китая за глобальное доминирование – сохранится и, возможно, даже усилится влияние других центров силы, так что для более ёмкого описания трансформации мирового порядка уместно использовать формулу «биполярность, отягощённая многополярностью».

В заключение несколько слов о положении России, которое в условиях новой американско-китайской биполярности оказывается парадоксальным. Переходя из первого во второй разряд противников Америки, Россия одной ногой всё равно остаётся в «фукидидовой ловушке». В перспективе перегруппировка внутри глобального стратегического треугольника может несколько расширить для Москвы свободу манёвра, но пока все фундаментальные условия

и факторы российско-американской конфронтации на месте. Соответственно, сохраняются основания для солидарности с Пекином в рамках стратегического партнёрства. Поспешные попытки риторического дистанцирования от обоих полюсов не изменят к лучшему динамику отношений с США, но точно не пойдут на пользу на китайском направлении.

Для России исключительно важно, сохраняя все преимущества особых отношений с Китаем, не утратить стратегической автономии. В условиях усугубления новой биполярности это будет значительно труднее, чем сейчас. Озабоченность вызывает не столько возможность возникновения новых международно-правовых обязательств, сколько влияние экономических и технологических факторов.

К тому же есть ещё две очень важных переменных. Одна из них – перспектива транзита власти. С транзитом связаны серьёзные системные риски, побудившие в начале 2020 г. создать конституционные основания для его более чем десятилетней отсрочки. Однако отсрочка ещё более усиливает многие риски, особенно если это время не будет использовано для модернизации системы политического и социального управления. Вторая переменная – неочевидность целеполагания в отношении будущего постсоветского пространства, прежде всего, перспектив дальнейшего (со) существования России, Белоруссии и Украины. Как и в 2014 г., любые крупные подвижки на этом треке могут существенно изменить положение России в глобальном стратегическом треугольнике. В известном смысле, это одна из ловушек, сопрягающаяся с той «ловушкой Фукидида», в которой сегодня оказались США и Китай.

Грядущая постлевирусная анархия

Кевин Радд

Кевин Радд – бывший премьер-министр Австралии, президент Института политики Азиатского общества в Нью-Йорке. Опубликовано на сайте *Foreign Affairs* 6 мая 2020 года.
© Council on foreign relations, Inc.

В январе и феврале этого года из некоторых кабинетов американского внешнеполитического истеблишмента раздавались громкие хлопки вылетающих из бутылок шампанского пробок. То, что многие давно уже считали гигантским геополитическим пузырьком эпохи, наконец начало сдуваться. Звучали предположения, что верхушка Компартии Китая развалилась в результате одержимости официальной секретностью, ошибок, допущенных при реагировании на вспышку нового коронавируса и разворачивающуюся экономическую депрессию во всей стране. Но затем, в марте и апреле, когда Китай начал восстанавливаться, а вирус мигрировал на Запад, бессмысленное ликование сменилось безрассудным отчаянием.

Комментаторы с ужасом стали говорить о том, что пандемия поможет Китаю победить в геополитическом противостоянии с Соединёнными Штатами. Эта обеспокоенность – результат, казалось бы, хитроумного переосмысления Китаем нарратива о происхождении вируса, жёсткой эффективности китайской авторитарной модели в его сдерживании и глобальной кампании Пекина по оказанию помощи в борьбе с коронавирусом. Китайские же националистические комментаторы злорадствовали по поводу бедственного положения Соединённых Штатов, подчёркивая контраст между китайской щедростью и американским безразличием: «народная война» с *COVID-19* была выиграна, а достоинства китайской политической модели себя оправдали.

И всё же, несмотря на усилия идейных борцов Пекина и Вашингтона, суровая правда состоит в том, что и Китай, и Соединённые Штаты, вероятно, выйдут из этого кризиса сильно истощёнными. Ни новый *Pax Sinica*, ни усовершенствованный *Pax Americana* не поднимутся над руинами. Обе державы будут ослаблены как во внутренней, так и во внешней политике. Продолжится медленный, но неуклонный дрейф в сторону международной анархии по всем направлениям – от международной безопасности до торговли и борьбы с эпидемиями. Не будучи ничем ограничены, различные формы воинствующего национализма заменят порядок и сотрудничество. А хаотический характер национальных и глобальных ответных мер на пандемию является прямым предупреждением о том, что может случиться в более широком масштабе.

О СИЛЕ И ВОСПРИЯТИИ

Как и в случае с другими переломными моментами в истории, будущее глобального порядка определяют три фактора: изменения в относительной военной и экономической мощи великих держав, то, как эти изменения воспринимаются во всём мире, и какие стратегии используют великие державы. Исходя из всех трёх факторов, у Китая и Соединённых Штатов есть причины для беспокойства о своём глобальном влиянии в постпандемическом мире.

Вопреки распространённому мнению, национальная мощь Китая пострадала от кризиса на нескольких уровнях. Вспышка эпидемии раскрыла серьёзные политические разногласия внутри Коммунистической партии, что даже вызвало тонко завуалированную критику высокоцентрализованного стиля руководства председателя Си Цзиньпина. Это нашло отражение в ряде полуофициальных комментариев, которые в апреле таинственным образом стали достоянием общественности. Драконовское закрытие половины страны на несколько месяцев для подавления вируса широко приветствовалось, но сам Си Цзиньпин не смог остаться чистым. Внутренние споры о точном числе погибших и инфицированных, о рисках последствий второй волны вируса, о том, когда страна возобновит нормальное функционирование и о будущем направлении экономической и внешней политики, до сих пор не утихли.

Экономический ущерб был огромен. Несмотря на опубликованные в Китае показатели «возврата к работе», никакие внутренние стимулы во второй половине 2020 г. не смогут компенсировать потерю экономической активности в первом и втором кварталах. Резкие экономические спады у основных торговых партнёров Китая будут ещё больше препятствовать плану экономического восстановления, учитывая, что до кризиса торговый сектор экономики составлял 38% ВВП. В целом рост ВВП в 2020 г., вероятно, будет около нуля – худший показатель со времён Культурной революции пятидесятилетней давности. Отношение китайского долга к ВВП уже составляет около 310 %, что сдерживает другие приоритетные расходы Китая, включая образование, технологии, оборону и иностранную помощь. И всё это накануне празднования столетия партии в 2021 г., к которому руководство страны обязывалось удвоить ВВП с прошлого десятилетия. Но пандемия делает это невозможным.

Что касается США, то хаотичное руководство администрации Дональда Трампа оставило во всём мире неизгладимое впечатление об Америке как о стране, неспособной справиться со своими собственными кризисами, не говоря уже о чьих-либо ещё.

Но ещё важнее, что Соединённые Штаты, по-видимому, выйдут из этого периода как государство более разделённое, а не более объединённое, как это обычно бывает после национальных кризисов такого масштаба. Продолжающийся раскол американского политического истеблишмента является ещё одним ограничением для глобального лидерства США. Между тем, по самым скромным оценкам, в 2020 г. падение американской экономики составит примерно 6–14%, что станет самым большим сокращением со времён демобилизации в конце Второй мировой войны. Финансовое вмешательство Вашингтона, призванное остановить спад, уже составляет 10% ВВП, увеличивая отношение госдолга к ВВП до 100% – при рекордном показателе времён войны в 106%. Статус доллара США как глобальной резервной валюты позволяет правительству продолжать продавать казначейские облигации для финансирования дефицита. Тем не менее после восстановления крупный долг рано или поздно начнёт сдерживать расходы, в том числе на военные нужды. Кроме того, существует риск того, что

нынешний экономический кризис перерастёт в более широкий финансовый, хотя Федеральной резервной системе, другим Центробанкам «Большой двадцатки» и МВФ до сих пор удавалось смягчить этот риск.

Китайские лидеры придерживаются простого «ленинского» взгляда на мощь Соединённых Штатов. Основу этой мощи составляют два фундаментальных фактора: вооружённые силы и доллар (включая глубину и ликвидность финансовых рынков США, которые лежат в её основе). Остальное – детали.

Все государства помнят о том, что такое «объективная сила», и о готовности великих держав к её использованию. Но не менее важно и восприятие силы. В настоящее время Китай работает сверхурочно, чтобы устранить огромный ущерб, нанесённый его положению в мире из-за географического происхождения вируса и неспособности Пекина сдержать эпидемию в критические первые месяцы. Вне зависимости от того, что новое поколение китайской дипломатии в стиле «волков-воинов» сообщает Пекину, реальность такова: положение Китая сильно пострадало (а ирония заключается в том, что эти «волки-воины» увеличивают урон, а не уменьшают его). Антикитайские настроения из-за распространения вируса (часто на расовой почве) наблюдались в совершенно разных странах: Индии, Индонезии, Иране. Китайская «мягкая сила» рискует быть уничтоженной.

По разным причинам Соединённые Штаты выйдут из кризиса не в лучшем состоянии. Мир с ужасом наблюдал за американским президентом, который действовал не как лидер свободного мира, а как шарлатан-аптекарь, рекомендуемый непроверенные снадобья.

Мир увидел, что означает «Америка прежде всего» на практике: не ищите помощи в глобальном кризисе у США, потому что они даже о себе позаботиться не могут.

Когда-то, говоря о Соединённых Штатах, мы представляли «воздушный мост» в Западный Берлин. Теперь – изображение американского корабля «Теодор Рузвельт», подбитого вирусом, сообщения о том, что администрация пытается присвоить себе вакцину, разрабатываемую в Германии, и о федеральном вмешательстве – для остановки коммерческой продажи средств индивидуальной защиты в Канаду. Мир перевернулся с ног на голову.

ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Кризис к тому же, видимо, уничтожил большую часть того, что оставалось от американо-китайских отношений. Для Вашингтона теперь любой вариант возвращения к миру «стратегического взаимодействия» с Пекином (как до 2017 г.) не является политически обоснованным. Второй срок Дональда Трампа будет означать ещё большее разъединение и, возможно, попытки сдерживания – по ряду причин. И из-за Трампа, и благодаря широкому распространению гнева по поводу происхождения вируса, хотя эта стратегия временами будет становиться непоследовательной вследствие личного вмешательства президента. Если же появится администрация Байдена, она продолжит курс на стратегическую конкуренцию (и разъединение в некоторых областях), вероятно, на более систематической основе, оставляя некие возможности для сотрудничества в отдельных сферах, таких как климат, пандемии и глобальная финансовая стабильность. В целом Пекин предпочёл бы переизбрание Дональда Трампа, поскольку видит для себя пользу в его тенденции разрушать традиционные альянсы, уходить от многостороннего лидерства и эпизодически срывать китайскую стратегию Соединённых Штатов. В любом случае отношения Вашингтона с Пекином станут более конфронтационными.

В Пекине сейчас идёт интенсивное обсуждение того, какой должна быть реакция Китая на постоянно ужесточающуюся позицию Соединённых Штатов. Этот процесс начался в 2018 г. – во время первого полного года американо-китайской торговой войны. В настоящее время он усугубился из-за пандемии и её международных последствий. Эта дискуссия – часть более широкого внутреннего разбора полётов в Пекине относительно того, была ли стратегия Китая в последние годы недостаточно реформистской внутри страны и чрезмерно напористой за рубежом.

До Си Цзиньпина стратегия состояла в том, чтобы подождать, пока соотношение экономических и военных сил не изменится в пользу Китая, прежде чем пытаться вносить какие-либо серьёзные коррективы в региональный и международный порядок – в том числе в отношении Тайваня, Южно-Китайского моря и присутствия США в Азии. При нём же Пекин стал значительно более настойчивым, принимая на себя просчитанные (и до сих

пор правильно) риски, чтобы добиться изменений на местах, о чём свидетельствуют сооружение островов в Южно-Китайском море и инициатива «Пояс и путь». Реакция Соединённых Штатов на этот подход считалась вполне управляемой, но это, возможно, изменится после торговой войны в постпандемическом мире. Си Цзиньпин мог бы попытаться снизить напряжённость в отношениях с США до тех пор, пока пандемия не исчезнет из политической памяти; или же, столкнувшись с внутренними проблемами, взять на вооружение более националистический подход за рубежом. Обе эти тенденции, вероятно, проявятся в китайском политическом поведении до завершения процесса пересмотра внутренней политики Китая, что произойдёт незадолго до XX съезда Компартии в 2022 году.

Продолжится медленный, но неуклонный дрейф в сторону международной анархии по всем направлениям.

Но если стиль Си Цзиньпина до сих пор обозначал лишь направление, он, вероятно, значительно усугубится перед лицом любого внутреннего несогласия. Это означало бы более жёсткую позицию Китая по отношению к Америке, в том числе в таких вопросах, как Тайвань – наиболее дестабилизирующим элементе американо-китайских отношений. Пекин, скорее всего, будет ужесточать свою стратегию сокращения международного пространства Тайваня, даже если активизируются усилия США по возвращению Тайваня в ВОЗ. А учитывая, что это произойдёт вслед за другими недавними усилиями Соединённых Штатов по совершенствованию взаимодействия между Вашингтоном и Тайбэем на официальном уровне, договорённости о «политике одного Китая» 1979 г., лежащие в основе нормализации американо-китайских отношений, могут начать рушиться. И если эти договорённости рухнут, перспектива какой-либо военной конфронтации вокруг Тайваня (даже как непреднамеренного исхода неудачной борьбы с кризисом) внезапно перейдёт из абстракции в реальность.

НОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА?

Послевоенный либеральный международный порядок начал разрушаться до нынешнего кризиса. Китай бросил вызов военной

и экономической мощи Соединённых Штатов – геополитической точке опоры, на которой этот порядок основывался, – сначала на региональном уровне, а затем и на глобальном. Администрация Дональда Трампа усугубляла проблемы порядка, ослабляя структуру альянса (который по общепринятой стратегической логике был бы центральным в поддержании баланса сил против Пекина) и систематически делегитимируя многосторонние институты (фактически создавая политический и дипломатический вакуум для заполнения Китаем). Как результат – мир становится всё более дисфункциональным и хаотичным.

Нынешний кризис, скорее всего, стимулирует эти тенденции. Стратегическое соперничество теперь будет определять весь спектр американо-китайских отношений – военные, экономические, финансовые, технологические, идеологические – и всё больше влиять на их отношения с третьими странами. До нынешнего кризиса представление о том, что мир вступил в новую холодную войну, или «холодную войну 2.0», выглядело в лучшем случае преждевременным. Финансовые системы двух стран были настолько переплетены, что подлинное разделение представлялось маловероятным, и казалось, что перспективы геополитических или идеологических войн в третьих странах (такие конфликты были характерны для американо-советского соперничества) невелики.

Новые угрозы, которые обе стороны создают по мере роста напряжённости из-за *COVID-19*, могут это изменить. Решение Вашингтона прекратить инвестиции американских пенсионных фондов в Китай, ограничить будущие китайские вложения в казначейские облигации США или начать новую валютную войну (усугублённую недавним запуском новой китайской цифровой валюты) быстро устранил финансовую связь, удерживающую обе экономики вместе. А решение Пекина о всё большей милитаризации проекта «Пояс и путь» повысит риск опосредованных войн.

По мере обострения конфронтации Соединённых Штатов и КНР многосторонняя система, нормы и институты, лежащие в её основе, начинают давать сбой. Многие институты становятся аренами соперничества. Мало того, что дееспособность и США, и Китая подорвана, ещё и отсутствует «системный менеджер» (за-

имствуем выражение американского политолога Джозефа Ная), чтобы поддерживать международную систему в рабочем состоянии. Возможно, это пока не «холодная война 2.0», но уже начинает выглядеть как «холодная война 1.5».

У этого сценария есть и более благоприятные альтернативы. Однако для их реализации необходимо выполнить ряд условий. Нужны значительные политические изменения в Вашингтоне. Перестройка реформистского и интернационалистского толка в Пекине. Разработка новой архитектуры разрядки между Соединёнными Штатами и Китаем (с опорой на советско-американский опыт), которая установила бы чёткие параметры конкуренции для избегания военной катастрофы. Наконец, усилия других стран, направленные на то, чтобы, объединив политические и финансовые ресурсы, сохранить основные многосторонние институты нынешней системы для поддержания баланса до возвращения к геополитической стабильности.

История не предопределена. Но ничего из этого не произойдёт, если политические лидеры в нескольких столицах не решат изменить курс. Если будут приняты неправильные решения, 2020-е гг. превратятся в бессмысленный повтор 1930-х годов. Правильные решения могут вытащить нас из бездны.

«Азиатский век» в опасности

Америка, Китай и угрозы конфронтации

Ли Сянь Лун

Ли Сянь Лун – премьер-министр Сингапура. Опубликовано в журнале *Foreign Affairs* № 4 за 2020 год. © Council on foreign relations, Inc.

«В последние годы говорят, что следующий век будет веком Азии и Тихого океана, будто это обязательно произойдёт. Я с этим не согласен», – сказал лидер Китая Дэн Сяопин премьер-министру Индии Радживу Ганди в 1988 году. Более чем тридцать лет спустя прозорливость Дэна стала очевидна. После десятилетий необычайного экономического успеха Азия является самым быстрорастущим регионом в мире. В течение следующих десяти лет азиатские экономики станут больше, чем все остальные экономики мира вместе взятые, чего не было с XIX столетия. Однако предупреждение Дэна не теряет актуальности: «азиатский век» не является ни неизбежным, ни предопределённым.

Азия процветала, потому что период *Pax Americana*, длящийся с конца Второй мировой войны, обеспечивал благоприятный стратегический контекст. Но теперь перипетии американо-китайских отношений поднимают вопросы о будущем Азии и о форме зарождающегося международного порядка. Страны Юго-Восточной Азии, в том числе Сингапур, обеспокоены тем, что, находясь в точке пересечения интересов крупных держав, могут оказаться меж двух огней и будут вынуждены делать трудный выбор.

Статус-кво в Азии должен измениться. Но будет ли новая конфигурация способствовать дальнейшему процветанию или принесёт опасную нестабильность? Это зависит от того, какой выбор сделают Соединённые Штаты и Китай – по отдельности и вместе.

Обе державы должны выработать способ существования, конкурентный в одних областях и не позволяющий соперничеству отравлять сотрудничество в других.

Страны Азии рассматривают США как державу, присутствующую в регионе и имеющую там жизненно важные интересы. В то же время Китай – непосредственная и близкая реальность. Азиатские страны не хотят выбирать между ними. И если окажется перед таким выбором – Вашингтон попытается сдержать рост Китая или Пекин предпримет усилия, чтобы создать исключительную сферу влияния в Азии, – то вступят на путь конфронтации, которая затянется на десятилетия и поставит под угрозу долгожданный «азиатский век».

ДВА ЭТАПА *PAX AMERICANA*

В XX веке *Pax Americana* в Азии имел два чётко выраженных этапа. Начальный – с 1945 г. по 1970-е гг. – в первые десятилетия холодной войны, когда США и союзники соперничали с советским блоком за влияние. Хотя Китай присоединился к Советскому Союзу, чтобы противостоять Соединённым Штатам во время Корейской и Вьетнамской войны, его экономика оставалась внутренне ориентированной и изолированной, не имела значимых связей с другими азиатскими странами. Между тем в других странах Азии стремительно развивалась свободная рыночная экономика. За Японией последовали новые индустриальные экономики Гонконга, Сингапура, Южной Кореи и Тайваня.

Стабильность и процветание Азии стали возможны благодаря Соединённым Штатам. Они отстаивали открытый, интегрированный и основанный на правилах глобальный порядок, обеспечили зонт безопасности, под которым региональные страны могли сотрудничать и мирно конкурировать. Американские транснациональные корпорации активно инвестировали в Азию, принося с собой капитал, технологии и идеи. По мере того, как Вашингтон продвигал свободную торговлю и открывал американские рынки всему миру, азиатская торговля с Соединёнными Штатами росла.

Два ключевых события 1970-х гг. перевели *Pax Americana* в Азии на новый этап. Это секретный визит в Китай Генри Киссинджера (тогдашнего советника по национальной безопасности США, за-

ложившего основу для американско-китайского сближения после десятилетий враждебности) в 1971 г. и запуск в 1978 г. Дэном Сяопином политики реформ и открытости, позволившей китайской экономике взлететь. К концу десятилетия экономические барьеры рухнули, а международная торговля стала быстро расти. После окончания Вьетнамской войны и войны в Камбодже Вьетнам и другие страны Индокитая смогли сосредоточить силы и ресурсы на экономическом развитии и начали догонять остальную Азию.

Многие азиатские государства уже давно считают США и другие развитые страны своими основными экономическими партнёрами. Но сейчас они всё больше используют возможности, созданные быстрым развитием Китая. Торговля и туризм с Китаем выросли, а цепочки поставок стали тесно интегрированными. В течение нескольких десятилетий Китай превратился из экономически несущественного для остальной Азии государства в крупнейшую экономику региона и главного экономического партнёра. Соответственно, повысилось и влияние КНР в региональных делах.

Тем не менее *Pax Americana* никуда не делся, и радикальные изменения роли Китая происходили в его рамках. Китай не был готов бросить вызов превосходству США и даже не пытался этого сделать. Пекин принял изречение Дэна Сяопина – «прячь свою силу, жди своего часа» – как руководящую философию и отдал приоритет модернизации сельскохозяйственного, промышленного и научно-технического секторов, а не наращиванию военной мощи.

Таким образом, страны Юго-Восточной Азии брали лучшее из обоих миров, выстраивая экономические отношения с Китаем и поддерживая прочные связи с Соединёнными Штатами и другими развитыми странами. Они также углубили взаимодействие друг с другом и работали над созданием открытой архитектуры регионального сотрудничества, нашедшей воплощение в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. АСЕАН играла центральную роль в формировании Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в 1989 г., создании регионального форума АСЕАН в 1994 г. и в созыве ежегодного Восточноазиатского саммита с 2005 года.

Китай в полной мере участвует в этих процессах. Каждый год китайский премьер посещает одно из государств-членов АСЕАН,

чтобы встретиться с лидерами стран Ассоциации. Он объясняет, как КНР видит регион, и предлагает шаги по укреплению китайского сотрудничества со странами-членами. По мере роста ставок Китая в регионе Пекин начал осуществлять собственные инициативы, включая «Пояс и путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Это помогло углубить взаимодействие Китая с соседями и, конечно же, повысило его влияние.

Но поскольку региональная архитектура открыта, китайское влияние – не единственное. Соединённые Штаты остаются важным участником, поддерживая региональную безопасность и стабильность, укрепляя свою экономическую вовлечённость с помощью таких предложений, как закон об азиатской инициативе по обеспечению безопасности (*Asia Reassurance Initiative Act*) и закон о более эффективном использовании ведущих к развитию инвестиций (*BUILD Act*). АСЕАН имеет официальные механизмы диалога с Евросоюзом – так же, как и с Индией и многими другими странами. АСЕАН считает, что такая сеть связей создаёт более прочную основу для сотрудничества и больше возможностей для продвижения коллективных интересов своих членов в международном масштабе.

До сих пор формула работала хорошо. Но стратегическая основа *Pax Americana* кардинально изменилась. За четыре десятилетия, прошедшие с тех пор, как Китай начал реформироваться и открываться, он преобразился. По мере того, как его экономика, технологические возможности и политическое влияние росли в геометрической прогрессии, менялись и его взгляды на мир. Сегодняшние китайские лидеры больше не ссылаются на принцип Дэна Сяопина о скрытии сил и выжидании часа. Китай видит себя континентальной державой, но хочет стать и морской; он модернизировал армию и флот и стремится превратить вооружённые силы в боевую единицу мирового класса. Всё более и более очевидно, что КНР хочет защищать и продвигать свои интересы за рубежом и обеспечить то, что он считает своим законным местом в международных отношениях.

В то же время Соединённые Штаты, остающиеся мощной державой по многим показателям, пересматривают свою большую стратегию. Поскольку их доля в мировом ВВП уменьшается, неяс-

но, будут ли США продолжать нести бремя поддержания международного мира и стабильности или же станут придерживаться более узкого подхода «Америка прежде всего» для защиты собственных интересов. В то время, как Вашингтон задаётся фундаментальными вопросами о своих обязанностях в глобальной системе, его отношения с Пекином требуют всё более пристального внимания.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ВЫБОР США И КИТАЯ

Перед Соединёнными Штатами и Китаем стоит фундаментальный выбор. США должны решить, рассматривать ли подъём Китая как экзистенциальную угрозу и пытаться сдержать его всеми доступными средствами или же признать Китай как крупную самостоятельную державу.

Если будет выбран последний вариант, Вашингтону придётся выработать к Китаю подход, способствующий сотрудничеству и здоровой конкуренции, где это возможно, и не позволяющий соперничеству отравить отношения. В идеале такая конкуренция будет проходить в рамках согласованных многосторонних правил и норм, регулирующих деятельность в духе Организации Объединённых Наций и Всемирной торговой организации (ВТО).

Соединённые Штаты, вероятно, воспримут эти изменения болезненно, особенно учитывая растущее там единомыслие, что политика вовлечения Пекина потерпела неудачу, а для защиты американских интересов необходим более жёсткий подход. Но как бы ни была трудна эта задача для США, стоит приложить серьёзные усилия, чтобы удовлетворить амбиции Китая в рамках существующей системы международных правил и норм. Она накладывает ответственность и ограничения на все страны, укрепляет доверие, помогает урегулировать конфликты и создаёт более безопасную и стабильную среду как для сотрудничества, так и для конкуренции.

Если же Соединённые Штаты попытаются сдержать рост Китая, они рискуют спровоцировать реакцию, которая на десятилетия поставит обе страны на путь конфронтации. США – не слабеющая держава. Они обладают большой устойчивостью и силой, что позволяет привлекать таланты со всего мира: из девяти лиц китайской национальности, удостоенных Нобелевских премий в области науки, восемь были американскими гражданами или

впоследствии ими стали. С другой стороны, китайская экономика обладает огромным динамизмом и самыми передовыми технологиями; это далеко не потёмкинские деревни или рушащаяся командно-административная экономика Советского Союза в его последние годы. Любая конфронтация между этими двумя великими державами вряд ли закончится, как холодная война, мирным крахом одной страны.

Китай должен решить, стоит ли добиваться своего как ничем не связанная держава, лидирующая за счёт своего огромного веса и экономической мощи, рискуя получить отпор со стороны не только Америки, но и других стран. Такой подход, вероятно, усугубит напряжённость и недовольство, что скажется на положении и влиянии КНР в долгосрочной перспективе. Это реальная опасность: недавний опрос, проведённый Исследовательским центром *Rew*, показал, что жители Канады, Соединённых Штатов и других стран Азии и Западной Европы всё чаще неодобрительно высказываются о Китае. Несмотря на недавние усилия Пекина по созданию мягкой силы за рубежом – например, через сеть институтов Конфуция, а также через принадлежащие КНР международные газеты и телеканалы, – тренд явно отрицательный.

Тем не менее Китай может признать, что он больше не беден и не слаб, и принять, что мир теперь возлагает на него большие надежды. Уступки и привилегии, которые он получил будучи менее развитым (например, выгодные условия вступления в ВТО в 2001 г.), уже не являются политически оправданными. Более крупный и мощный Китай должен не только уважать глобальные правила и нормы, но и брать на себя бóльшую ответственность за поддержание и обновление международного порядка, при котором он столь впечатляюще возвысился. Там, где существующие правила и нормы более не соответствуют цели, Китаю следует сотрудничать с Соединёнными Штатами и другими странами для выработки договорённостей, которые устроили бы всех.

Путь к созданию нового порядка не прост. Мощное внутреннее давление стимулирует и ограничивает внешнеполитический выбор обеих стран. Внешняя политика мало фигурирует в нынешней президентской кампании США, и когда это происходит, преобладают различные вариации на тему «Америка прежде всего». Приоритет

китайского руководства – поддержание внутривнутриполитической стабильности и демонстрация подъёма древней цивилизации после почти двух столетий слабости и унижений. Поэтому нельзя принимать как должное, что Соединённые Штаты и Китай будут строить двусторонние отношения, основываясь на рациональных расчётах национальных интересов или даже стремясь к обоюдным выгодам. Страны не обязательно пойдут по пути конфронтации, но этого исключать нельзя.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Динамичное развитие предстоит всему миру, но одна из важнейших арен – Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). У Соединённых Штатов здесь всегда были жизненно важные национальные интересы. Чтобы победить Японию, они вступили в кровопролитную войну на Тихом океане, в которой едва не потеряли трёх будущих президентов. Участие американцев в дорогостоящих кампаниях в Корее и Вьетнаме позволило некоммунистическим странам Азии объединить свои общества и экономики для победы в битве за умы и сердца против коммунизма.

Щедрая открытая политика США, принесшая столь большую пользу АТР, проистекала из глубоко укоренившихся политических идеалов американцев и их представлений о своей стране как «городе на холме» и «свете для народов», но она также отражала и разумный эгоизм. Сначала стабильный и процветающий АТР был оплотом против коммунизма в холодной войне, а затем стал важным регионом, включающим множество стабильных и процветающих стран, расположенных к Соединённым Штатам и открывающих для американских предприятий рынки сбыта и производственные базы. Неудивительно, что некоторые из самых верных союзников (Австралия, Япония и Южная Корея) и давних партнёров (например, Сингапур) находятся в Азии.

У Китая также есть здесь жизненно важные интересы. В Северо-Восточной Азии по-прежнему помнят Вторую китайско-японскую и Корейскую войны. В Юго-Восточной Азии Пекин видит источник энергии и сырья, экономических партнёров и важные морские пути. В том числе узкие места в Малаккском проливе и Южно-Китайском море, от которых зависит энергетическая

безопасность Китая. Но важное отличие от Соединённых Штатов заключается в том, что КНР рассматривает Азиатско-Тихоокеанский регион как своё «ближнее зарубежье» (позаимствуем русское выражение) и, следовательно, как необходимое условие своей собственной безопасности.

Председатель Китая Си Цзиньпин заявил, что Тихий океан достаточно велик, чтобы вместить и Соединённые Штаты, и Китай. Но он также сказал, что азиатскую безопасность следует оставить азиатам. Возникает естественный вопрос: Си Цзиньпин считает, что Тихий океан достаточно велик для того, чтобы США и Китай могли мирно сосуществовать с пересекающимися кругами друзей и партнёров, или же он достаточно велик, чтобы быть разделённым на соперничающие сферы влияния между двумя силами? У Сингапура и других стран АТР нет сомнений, какую интерпретацию предпочтёт. Хотя они могут не иметь большого влияния на ход событий, но горячо надеются, что их не заставят выбирать.

Американское присутствие жизненно важно для безопасности. Без него Японии и Южной Корее пришлось бы задуматься о разработке ядерного оружия. Обе страны являются пороговыми государствами, и эта тема регулярно всплывает в их публичном дискурсе, особенно с учётом растущего ядерного потенциала Северной Кореи. Подобный сценарий, к счастью, остаётся гипотетическим, но сама перспектива не способствует ни стабильности в Северо-Восточной Азии, ни усилиям по нераспространению во всём мире.

Седьмой флот США поддерживал региональную безопасность в Юго-Восточной Азии со времён Второй мировой войны, гарантируя защищённость и открытость морских коммуникаций, что способствовало развитию торговли и стимулировало экономический рост. Несмотря на растущую военную мощь, КНР не сможет взять на себя роль Соединённых Штатов в сфере безопасности. В отличие от американцев у Пекина есть морские и территориальные споры в Южно-Китайском море с несколькими странами региона, которые всегда будут рассматривать военно-морское присутствие Китая как попытку реализовать территориальные претензии.

Ещё одно препятствие, которое помешало бы Китаю взять на себя роль США в области безопасности, связано с тем, что во мно-

гих странах Юго-Восточной Азии есть китайские меньшинства, чьи отношения с некитайским большинством зачастую носят деликатный характер. Данные страны чрезвычайно чувствительны к любому намёку на то, что Китай оказывает чрезмерное влияние на их этническое китайское население, особенно если вспомнить историю поддержки Китаем коммунистических мятежей в Юго-Восточной Азии вплоть до начала 1980-х годов. И это обстоятельство тоже будет сдерживать роль Китая здесь в обозримом будущем.

Сингапур – единственная страна Юго-Восточной Азии, чьё многорасовое население в большинстве состоит из этнических китайцев. Фактически это единственное суверенное государство мира (помимо самого Китая) с такой демографической картиной. Сингапур приложил огромные усилия для создания многорасовой, а не китайской национальной идентичности. Но он также чрезвычайно осторожен, поскольку опасается сделать что-то, что могло бы быть ошибочно воспринято Китаем как разрешение использовать Сингапур в качестве марионетки. По этой причине Сингапур не устанавливал дипломатических отношений с КНР до 1990 г., являясь почти последней страной Юго-Восточной Азии (за исключением Брунея – 1991 г.), которая пошла на это.

Конечно, Сингапур и все другие азиатские страны хотят развивать хорошие отношения с Китаем. Они надеются пользоваться доброй волей и поддержкой такой крупной державы, участвовать в её росте. Глобальные цепочки поставок – самолётов, сотовых телефонов или хирургических масок – тесно связывают Китай и другие азиатские страны. Благодаря своим огромным размерам Китай стал крупнейшим торговым партнёром большинства азиатских стран, включая всех союзников Соединённых Штатов в регионе, а также Сингапура и почти других стран АСЕАН.

США очень трудно, почти невозможно заменить Китай в качестве главного мирового поставщика – так же, как немислимо обойтись без китайского рынка, являющегося третьим по величине импортёром американских товаров после Канады и Мексики. Но и КНР не может вытеснить экономику США в Азии. Мировая финансовая система в значительной степени зависит от американских финансовых институтов, и в ближайшее время юань не заменит доллар в качестве мировой резервной валюты. Хотя другие

азиатские страны экспортируют в Китай больше, чем в Соединённые Штаты, американские транснациональные корпорации – по-прежнему важнейший источник иностранных инвестиций во многих странах Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Сингапур. Крупнейшие китайские компании уже начинают инвестировать за рубежом, но пройдёт ещё много лет, прежде чем в Китае появятся корпорации такого же масштаба и сложности, как базирующиеся в Америке, которые свяжут глобальные производственные цепочки, соединят Азию с мировой экономикой и создадут миллионы рабочих мест.

Именно по этим причинам страны АТР не желают выбирать между Соединёнными Штатами и Китаем. Они хотят развивать хорошие отношения с обеими странами. Они не могут позволить себе оттолкнуть Китай и будут стараться изо всех сил не допустить, чтобы какой-то спор омрачал их отношения с Пекином. В то же время страны Азии видят Соединённые Штаты как постоянно присутствующую в регионе державу, имеющую там жизненно важные интересы. Они поддержали (некоторые более открыто, чем другие) заявление президента США Барака Обамы о том, что Вашингтон намерен сбалансировать американскую внешнюю политику в отношении Азии. Они утешаются тем, что, хотя администрация Дональда Трампа подняла вопросы распределения затрат и бремени со своими друзьями и союзниками, она предложила стратегию для Индо-Тихоокеанского региона и объявила о намерении создать Индо-Тихоокеанское командование Вооружённых сил США.

Но эти страны также осознают, что Соединённые Штаты – глобальная сверхдержава, имеющая далеко идущие интересы и неотложные приоритеты во всём мире. Они реалистичны в том, что в случае роста напряжённости – или, что ещё хуже, в случае конфликта – они не смогут воспринять поддержку США как должное. Они рассчитывают внести вклад в защиту своих стран и интересов. Азиатские страны также надеются, что Соединённые Штаты понимают: если они развивают связи с Китаем, то это не обязательно означает, что они работают против Америки. (И, конечно, эти страны рассчитывают на такое же понимание со стороны Китая, если они укрепят отношения с США).

ОТКРЫТАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА

Соединённые Штаты и Китай – не единственные державы, имеющие большое влияние в регионе. Другие игроки тоже играют важную роль. Япония, в частности, может внести большой вклад, учитывая масштабы и сложность её экономики. При премьер-министре Синдзо Абэ она делала это более активно, чем раньше. Например, после того, как США вышли из Транстихоокеанского партнёрства в 2017 г., Япония активизировалась. Она побудила остальных 11 членов завершить работу над соглашением по Всеобъемлющему и прогрессивному Транстихоокеанскому партнёрству (ВПТТП), которое объединяет развитые и развивающиеся страны по обе стороны Тихого океана и является шагом на пути к свободной торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Индия также обладает большим потенциалом влияния. При премьер-министре Нарендре Моди Индия объявила о стратегическом сдвиге в своей политике *Look East*, и другие страны с нетерпением ждут начала её реализации. Восточноазиатский саммит включил Индию в число своих участников, поскольку остальные надеялись, что по мере роста экономики Индия будет иметь большее значение для регионального сотрудничества. Индия также была одной из первых стран, которые вели переговоры о создании Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), предполагаемого соглашения о свободной торговле, направленного на интеграцию всех основных экономик в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подобно тому, как НАФТА (ныне соглашение США – Мексика – Канада) связывало страны Северной Америки. После длительных переговоров Индия в прошлом году решила не вступать во ВРЭП; остальные 15 стран-участниц движутся вперёд, хотя без Индии что-то важное было утрачено.

Большинство азиатских стран признают, что ценность таких соглашений выходит за рамки экономических выгод. Это платформы, позволяющие странам Азиатско-Тихоокеанского региона сотрудничать, повышать заинтересованность в успехе друг друга и формировать региональную архитектуру и правила, управляющие ею. Такие региональные соглашения должны быть открытыми и инклюзивными. Они не должны (будь то намеренно или нет) поддерживать какую-либо сторону, подрывать договорённости

о сотрудничестве, создавать конкурирующие блоки или заставлять страны принимать чью-либо сторону. Вот почему члены ВПТТП оставили дверь для Соединённых Штатов открытой, чтобы была возможность снова подписать соглашение, и вот почему страны, работающие над формированием ВРЭП, всё ещё надеются, что Индия присоединится.

Это также основа, на которой страны Азиатско-Тихоокеанского региона поддерживают инициативы регионального сотрудничества, такие, как различные индо-тихоокеанские концепции, предложенные Японией, Соединёнными Штатами и другими странами, а также китайская инициатива «Пояс и путь». Многие азиатские страны считают, что содействие «Поясу и пути» – конструктивный способ контроля растущего влияния Китая в регионе. При правильной реализации и финансовой дисциплине проекты инициативы могут укрепить региональное и многостороннее сотрудничество и удовлетворить насущную потребность в улучшении инфраструктуры и связей во многих развивающихся странах. Некоторые такие проекты критиковались за отсутствие прозрачности или жизнеспособности, но нет оснований полагать, что все китайские инициативы по определению наложат непосильное финансовое бремя на страны или будут им мешать развивать связи с другими крупными экономиками. Подобные последствия не служат интересам Китая, поскольку подорвут его международное положение и влияние.

Разработка новых региональных механизмов не означает отказ от существующих многосторонних структур. Эти с трудом созданные соглашения и институты по-прежнему дают всем странам, особенно небольшим, основу для совместной работы и продвижения коллективных интересов. Но многие многосторонние институты остро нуждаются в реформировании: они утратили эффективность, учитывая текущие экономические и стратегические реалии. Например, после завершения Уругвайского раунда торговых переговоров в 1994 г. ВТО стало всё труднее заключать конструктивные торговые соглашения, потому что любая сделка требует консенсуса 164 членов организации, которые имеют чрезвычайно разные интересы и экономические философии. А с прошлого года Апелляционный орган ВТО парализован отсутствием

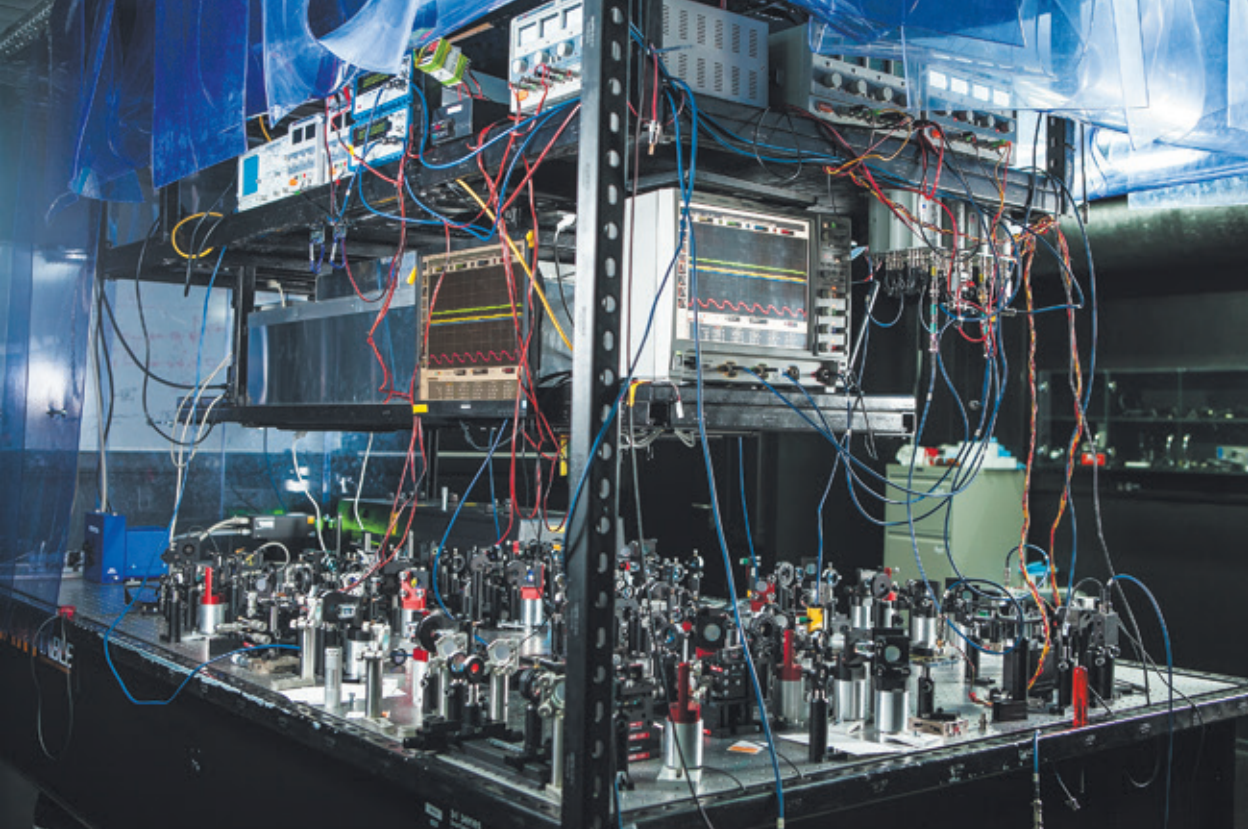
кворума. Это потеря для всех стран, которые должны конструктивно работать над реформированием таких организаций, а не снижать их эффективность или вообще обходить их стороной.

ИСКРЕННЯЯ НАДЕЖДА

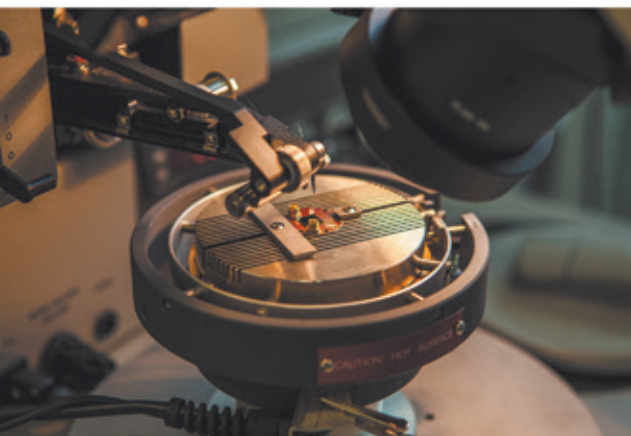
Стратегический выбор, который сделают Соединённые Штаты и Китай, определит контуры формирующегося глобального порядка. Конкурировать естественно для крупных держав. Но именно их способность к сотрудничеству является истинным испытанием для государственного устройства, и именно она определит, добьётся ли человечество прогресса в решении глобальных проблем, таких, как изменение климата, распространение ядерного оружия и распространение инфекционных заболеваний.

Пандемия *COVID-19* – яркое напоминание о том, как важно, чтобы страны работали вместе. Болезни не знают национальных границ, и международное сотрудничество необходимо для того, чтобы взять пандемию под контроль и уменьшить ущерб мировой экономике. Даже при наилучших отношениях между Соединёнными Штатами и Китаем, коллективный ответ на *COVID-19* был бы чрезвычайно сложной задачей. К сожалению, пандемия обостряет американо-китайское соперничество, углубляет недоверие, борьбу за лидерство и взаимные обвинения. Это, безусловно, усугубится, если (что сейчас кажется неизбежным) пандемия станет главным вопросом на президентских выборах в США. Остаётся только надеяться, что серьёзность ситуации позволит возобладать мудрости.

Тем временем азиатские страны заняты своими делами, борясь с пандемией и многими другими препятствиями на пути улучшения жизни своих граждан и создания более безопасного и процветающего региона. Их успех – и перспективы «азиатского века» – будет во многом зависеть от того, смогут ли Соединённые Штаты и Китай преодолеть разногласия, добиться взаимного доверия и конструктивно работать над поддержанием стабильного и мирного международного порядка. Это главный вопрос нашего времени.

Квантовые технологии, воплощенные в микросхемах и лазерах, однажды уже изменили наш мир. И они готовы изменить его снова за счет управления материей и светом на уровне отдельных частиц. **Вторая квантовая революция** — это новые материалы и сверхзащищенная связь, это предельная точность измерений и эффективность вычислений. **Российский квантовый центр** уверенно держится на гребне новой технологической волны. Приобщиться к этой волне поможет проводимая РКЦ **Международная конференция по квантовым технологиям**.

Новый китайский кошмар

Почему Америке не стоит паниковать из-за нынешнего конкурента

Фарид Закария

Фарид Закария – ведущий программы *Fareed Zakaria GPS* на канале *CNN* и автор книги «Пост-американский мир будущего» (*The Post-American World*, 2008). Опубликовано в журнале *Foreign Affairs* № 1 за 2020 год. © *Council on foreign relations, Inc.*

В феврале 1947 г. президент США Гарри Трумэн встретился со своими главными советниками по внешней политике Джорджем Маршаллом, Дином Ачесоном и группой конгрессменов. Тема встречи – план администрации по оказанию помощи правительству Греции в борьбе с коммунистами. Маршалл и Ачесон представили своё видение. Артур Ванденберг, глава сенатского комитета по международным делам, слушал внимательно, а потом поддержал их, но с оговоркой. «Единственный способ добиться того, чего вы хотите, – выступить с речью и до смерти напугать страну», – якобы сказал он президенту.

В течение нескольких месяцев Трумэн именно так и поступал. Он представил гражданскую войну в Греции как проверку способности США противостоять коммунизму. В своих мемуарах, вспоминая экспансивную риторику Трумэна о поддержке демократий всегда и везде, Ачесон признавался, что администрация использовала аргумент «более убедительный, чем правда».

Что-то похожее происходит сегодня в американских дебатах о Китае. Новый консенсус, который поддерживают обе партии, военный истеблишмент и основные СМИ, предполагает, что Китай представляет смертельную угрозу Соединённым Штатам как экономически, так и стратегически, что американская политика в от-

ношении Китая провалилась и что Вашингтону нужна новая, более жёсткая стратегия сдерживания Пекина. Позиция общества сместилась к практически инстинктивной враждебности: по данным опросов, 60% американцев сегодня негативно относятся к КНР, и это рекордный показатель с 2005 г., когда *Pew Research Center* начал проводить исследование. Но вашингтонская элита подкрепляет свою позицию аргументами «более убедительными, чем правда». Вызов, брошенный Китаем, отличается от предыдущих и является более сложным, чем рисуют современные алармисты. В ключевом внешнеполитическом вопросе ближайших десятилетий Вашингтон сам обрекает себя на дорогостоящий провал.

Давайте проясним ситуацию. Китай – репрессивный режим, проводящий нелиберальную политику – от запрета свободы слова до притеснения религиозных меньшинств. За последние пять лет власти КНР существенно укрепили политический контроль и государственное регулирование в экономике. На международной арене Китай стал конкурентом, а в некоторых вопросах – и противником США. Но главный стратегический вопрос для американцев сегодня звучит так: действительно ли Китай представляет смертельную угрозу, и если да, то как ей противодействовать?

Последствия преувеличения советской угрозы были огромными: преследование собственных граждан в период маккартизма, опасная ядерная гонка вооружений, длительная провальная война во Вьетнаме и другие военные интервенции в странах так называемого «Третьего мира». Последствия неправильного понимания китайской угрозы будут ещё более серьёзными. США рискуют растратить преимущества, достигнутые за 40 лет взаимодействия с Китаем и подтолкнуть Пекин к конфронтационной политике. В результате две крупнейшие мировые экономики окажутся втянуты в опасный конфликт небывалого масштаба, который неизбежно приведёт к десятилетиям нестабильности и небезопасности. Холодная война с Китаем, скорее всего, будет более длительной и затратной, чем с Советским Союзом, и исход её неясен.

НАРУШЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Генри Киссинджер отмечал, что США начинали все крупные военные операции после 1945 г. – в Корее, во Вьетнаме, в Афгани-

стане и Ираке – с большим энтузиазмом и при поддержке обеих партий. «А потом, когда война затягивалась, поддержка начинала разваливаться», – пишет Киссинджер. Вскоре все уже находились в поисках стратегии выхода.

Чтобы избежать повторения этого пути, Соединённым Штатам следует детально изучить идеи, на которых базируется нынешний консенсус по Китаю. Они сводятся к следующему. Во-первых, взаимодействие провалилось, потому что не удалось трансформировать внутреннее развитие Китая и его поведение на международной арене, как писали бывшие сотрудники Госдепартамента Курт Кэмпбелл и Илай Ратнер в 2018 году. Во-вторых, внешняя политика Пекина в настоящее время представляет наиболее значимую угрозу для американских интересов, а следовательно, и для основанного на правилах мирового порядка, который Соединённые Штаты создали после 1945 года. Госсекретарь Майк Помпео пошёл дальше, заявив выступая в Гудзоновском институте в 2019 г., что «Компартия Китая – это марксистско-ленинская партия, сфокусированная на борьбе и международном доминировании». В-третьих, активная конфронтация с Китаем позволит более эффективно противостоять угрозе, чем прежний подход.

Этот межпартийный консенсус сложился как реакция на кардинальные и во многих аспектах тревожные изменения в Китае. После прихода к власти Си Цзиньпина либерализация китайской экономики замедлилась, а политические реформы – в любом случае ограниченные – были свёрнуты. Сегодня Пекин использует политические репрессии в сочетании с националистической пропагандой, напоминающей о временах Мао Цзэдуна. На международной арене Китай действует более амбициозно и агрессивно. Эти изменения реальны и действительно вызывают тревогу. Но как они должны повлиять на американскую политику?

В ключевом внешнеполитическом вопросе ближайших десятилетий Вашингтон обрекает себя на провал. Чтобы сформулировать эффективный ответ, нужно для начала разобраться с прежней американской стратегией в отношении Китая. Новый консенсус игнорирует почти 50-летний период, когда президент Ричард Никсон начал сближение с Пекином. Американская политика в отношении Китая никогда не сводилась исключительно к взаимодействию –

скорее это было сочетание взаимодействия и сдерживания. В конце 1970-х гг. американские политики пришли к выводу, что интегрировать Китай в глобальную экономическую и политическую систему лучше, чем держать его в изоляции, провоцируя обиды и деструктивные действия. Однако Вашингтон дополнял эти усилия последовательной поддержкой других азиатских стран – включая, разумеется, поставки вооружения на Тайвань. Этот подход, который иногда называют «страховочной стратегией», позволял по мере роста Китая сдерживать его мощь, при этом его соседи чувствовали себя в безопасности.

В 1990-е гг., когда основного противника в лице СССР уже не нужно было сдерживать, Пентагон урезал расходы, закрыл базы и сократил военные контингенты по всему миру – за исключением Азии. В стратегии Пентагона по АТР 1995 г., известной как «инициатива Ная» (по имени Джозефа Ная – заместителя министра обороны США – *прим. ред.*), отмечался рост военной мощи Китая и его внешнеполитические амбиции, поэтому предлагалось не сворачивать военное присутствие в регионе. По меньшей мере 100 тысяч американских военнослужащих должны были остаться в Азии, а продажи оружия Тайваню нужно было продолжать в интересах мира в Тайваньском проливе, то есть чтобы удержать Пекин от применения силы против острова, который материковый Китай считает своей частью.

Страховочный подход поддерживали президенты обеих партий – каждый в своё время. Администрация Джорджа Буша – младшего совершила переворот в многолетней политике, признав Индию как ядерную державу, – в значительной степени это был дополнительный фактор сдерживания Китая. При Бараке Обаме Соединённые Штаты наращивали сдерживание, укрепляя своё присутствие в Азии новыми военными соглашениями с Австралией и Японией, а также тесным взаимодействием с Вьетнамом. Эти же цели преследовал проект Транстихоокеанского партнёрства, которое должно было стать для азиатских стран экономической платформой, позволяющей противостоять доминированию Китая. (Администрация Трампа вышла из соглашения в начале 2017 г.) Обама в беседе с Си Цзиньпином обвинил Китай в киберкражах и ввёл пошлины на импорт для ретейлеров в ответ на несправедливую торговую политику Пекина.

Заявления о провале страховочного подхода отражают отсутствие стратегического видения. В начале 1970-х гг., до поворота Ричарда Никсона в сторону Китая, Пекин был главным режимом-изгоем в мире. Мао Цзэдун был одержим идеей возглавляемого им революционного движения, которое должно уничтожить западный капиталистический мир. Эта цель оправдывала любые средства – даже ядерный апокалипсис. «В самом крайнем случае, если погибнет половина человечества, – объяснял Мао, выступая в Москве в 1957 г., – останется другая половина, зато империализм будет стёрт с лица земли и весь мир станет социалистическим». При Мао Китай финансировал и поощрял антизападные восстания, революционные и идеологические движения по всему миру – от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии. По некоторым оценкам, в 1964–1985 гг. только в Африке Пекин потратил от 170 до 220 млн долларов, подготовив 20 тысяч боевиков из 19 стран.

Для сравнения: сегодняшний Китай – достаточно ответственная держава с военной и геополитической точки зрения. Китай не воевал с 1979 г. и не использовал летального оружия за границей с 1988 года. С начала 1980-х гг. он не финансировал и не поддерживал марионеточные силы или вооружённые формирования в других странах. Это уникальный показатель невмешательства среди великих держав. Все остальные постоянные члены Совета Безопасности ООН за последние десятилетия неоднократно и во многих местах применяли военную силу – возглавляют список, разумеется, Соединённые Штаты.

Кроме того, Китай отказался от идеи подрыва международной системы и стал тратить огромные средства на её укрепление. Пекин занимает второе место в мире по взносам в ООН и финансированию её миротворческих программ. Он направил 2500 своих миротворцев – больше, чем другие члены Совбеза ООН вместе взятые. С 2000 по 2018 г. Пекин поддержал 182 из 190 резолюций Совбеза о введении санкций против государств, нарушающих международные правила и нормы. основополагающие принципы внешней политики Китая сегодня – уважение суверенитета, территориальной целостности и невмешательство – в значительной степени призваны защитить его от обвинений Запада. Но в то же время

они отражают переход от радикальной, революционной повестки к консервативной заботе о стабильности. Если бы в 1972 г. кто-то предсказал, что Китай превратится в защитника международного статус-кво, в это поверили бы немногие.

Согласно новому консенсусу по экономическому поведению Пекина, Китай вынуждает транснациональные корпорации передавать технологии, субсидирует национальные компании-лидеры и устанавливает официальные и неофициальные барьеры для иностранных фирм, которые хотят выйти на китайский рынок. Иными словами, Пекин использует открытую международную экономику, чтобы укрепить собственную государственническую и меркантилистскую систему.

Самый простой способ победить либеральные элиты – спровоцировать холодную войну с Китаем.

Эта недобросовестная политика действительно требует ответных действий остального мира. Администрацию Трампа стоит похвалить за обращение к этой проблеме, особенно в свете решения Си Цзиньпина перейти к большему госрегулированию после десятилетий либерализации. Однако насколько масштабна и устойчива эта политика? Насколько действия КНР отличаются от практики других стран с развивающимся рынком? И опять же, какой должна быть правильная реакция США?

Практически все аналитики согласны, что своими экономическими успехами Китай обязан трём фундаментальным факторам. Это переход от коммунистической экономики к более рыночному подходу, высокий уровень сбережений, позволивший инвестировать огромные средства в развитие, а также растущая производительность труда. За последние 30 лет Китай стал активно привлекать иностранных инвесторов – больше, чем другие развивающиеся рынки, – и в страну хлынул поток капитала. Китай – одна из двух развивающихся стран, вошедших в топ-25 рынков по объёму прямых иностранных инвестиций с 1998 года. Среди стран группы БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) Китай постоянно занимает позицию самой открытой и конкурентной экономики. Что касается китайского меркантилизма в отношении

американской экономики, то бывший министр финансов США Лоуренс Саммерс отмечал: «Нельзя всерьёз утверждать, что недобросовестная торговая политика Китая повлияла на рост экономики США хотя бы на 0,1% в год».

Стоит напомнить, что практически все экономические обвинения, которые выдвигают против Китая, – трансфер технологий под давлением, недобросовестная торговая политика, ограниченный доступ для иностранных фирм, регуляторные предпочтения для местных компаний – звучали и в адрес Японии в 1980–1990-х годах. В то время Клайд Престовиц в книге *Trading Places: How America Is Surrendering Its Future to Japan and How to Win It Back* («Торговые места: как Америка сдаёт своё будущее Японии и как отвоевать его обратно») объяснял: США не могли представить, что им придётся иметь дело со страной, где «промышленность и торговля организованы как элемент достижения определённых национальных целей». Ещё одна популярная книга того времени *The Coming War With Japan* («Грядущая война с Японией», Джордж Фридман, Мередит Лебард). Когда рост в Японии замедлился, исчезли и преувеличенные страхи.

Сегодня Китай представляет новые вызовы, учитывая намерение Си Цзиньпина вывести страну на лидирующие позиции и обеспечить экономическое доминирование в ключевых секторах. Но в исторической перспективе Китай получил наибольшие преимущества в глобальной системе торговли не из-за готовности нарушать правила, а благодаря своему размеру. Страны и компании хотят получить доступ на китайский рынок и готовы идти на уступки. Ситуация Китая отнюдь не уникальна. Странам с аналогичным весом часто сходит с рук подобное поведение – и в первую очередь, Соединённым Штатам. В докладе гиганта финансовых услуг *Credit Suisse* (2015 г.) приведён подсчёт нетарифных барьеров против иностранных товаров, установленных крупными странами с 1990 по 2013 годы. США с показателем 450 играют в собственной лиге. Затем следуют Индия и Россия. Китай занимает пятое место со 150 нетарифными барьерами – треть от показателя США. С тех пор ситуация мало изменилась.

Большинство последних изменений в экономической политике Китая оказались негативными, но это упрощённый взгляд. Китай

меняется по нескольким, иногда противоположным, направлениям. Несмотря на возвращение к большему государственному контролю при Си Цзиньпине свобода рынка процветает во многих сферах, включая потребительские товары и услуги. Происходила и реальная либерализация – даже административная и судебная реформы, отмечает политолог Юэн Юэн Ан. Правительство поддерживает госкомпании больше, чем несколько лет назад, но Пекин отказался от главного элемента своей меркантилистской стратегии – занижения курса национальной валюты для стимулирования роста. Экономист Николас Ларди подсчитал, что этот шаг обусловил половину от общего замедления роста китайской экономики после глобального финансового кризиса.

Или рассмотрим вопрос номер один в торговой войне США с КНР – «кража нашей интеллектуальной собственности», как выразился Питер Наварро, советник Трампа по торговле. То, что Китай бесстыдно ворует интеллектуальную собственность, факт – признанный всеми, кроме американских компаний, ведущих бизнес в Китае. В исследовании Американо-китайского делового совета защита интеллектуальной собственности занимает шестое место среди самых актуальных проблем, опустившись со второй строчки в 2014 году. Сегодня американские компании больше волнует государственное финансирование местных конкурентов и затягивание выдачи лицензий на их продукты. Что изменилось с 2014 года? Тогда в Китае были созданы первые специализированные суды для рассмотрения дел об интеллектуальной собственности. В 2015 г. иностранцы подали 63 иска в Пекинский суд по интеллектуальной собственности. Суд вынес решение в пользу иностранных фирм по всем 63.

Конечно, подобные реформы часто проводятся исключительно под давлением Запада и если они отвечают интересам самого Китая (больше всего заявок на патенты в мире в прошлом году подал китайский телекоммуникационный гигант *Huawei*). Но в то же время многие китайские экономисты и политики подчёркивают, что страна сможет модернизировать и укреплять свою экономику, только продолжая реформы. В случае провала, предупреждают они, страна окажется в «ловушке среднего дохода» – такая судьба обычно ждёт страны, которые выбрались из бедности, но упёрлись в стену 10 тысяч долларов ВВП на душу населения, потому что им

не удалось продолжить модернизацию экономики, регуляторной и правовой системы.

Что касается политического развития страны, вердикт однозначный. Китай не сделал свою политическую систему открытой, как хотели многие, и даже пошёл по пути репрессий и контроля. Жёсткие действия против уйгуров в Синьцзяне, регионе на северо-западе Китая, вызвали кризис, связанный с нарушением прав человека. Кроме того, государство использует новые технологии, включая распознавание лиц и искусственный интеллект, для создания оруэлловской системы социального контроля. Это трагедия для китайского народа и серьёзное препятствие на пути страны к глобальному лидерству. Однако было бы преувеличением считать эти факты доказательством провала политики Вашингтона. На самом деле американские политики никогда не говорили, что взаимодействие неизбежно приведёт Китай к либеральной демократии. Они надеялись, что это произойдёт, ждали этого, но были сосредоточены на сдерживании поведения Китая на международной арене – и этого им удалось достичь.

ПЕРЕЙТИ ЧЕРТУ

При Си Цзиньпине внешняя политика Китая стала более амбициозной и агрессивной: от стремления к ведущей роли в институтах ООН до масштабной инициативы «Пояс и путь» и строительства островов в Южно-Китайском море. Все эти шаги говорят об отказе от прежней пассивности на глобальной арене в соответствии с принципом Дэн Сяопина: «Скрывайте свою силу, ждите благоприятного момента». Нарращивание военной мощи происходило настолько масштабно, что можно говорить о системной реализации долгосрочного плана. Но какой уровень влияния Китая можно считать приемлемым, учитывая его экономический вес? Не ответив на этот вопрос, Вашингтон не может предъявлять претензии Китаю по поводу того, что он «перешёл черту».

По некоторым оценкам, Китай уже сегодня является крупнейшей экономикой мира. В ближайшие 10–15 лет он займёт эту позицию по всем параметрам. Дэн Сяопин советовал «ждать благоприятного момента», когда экономика страны составляла около 1% мирового ВВП. Сегодня она достигает 15%. Китай действительно

дождался благоприятного момента и теперь как сильная держава стремится к более значимой роли в регионе и в мире.

Рассмотрим пример другой страны, которая набирала силу в XIX веке, хотя и не в таком масштабе, как сегодняшний Китай. Говоря современным языком, Соединённые Штаты в 1823 г. можно было назвать развивающейся страной, даже не входящей в пятёрку ведущих экономик мира. Тем не менее в соответствии с доктриной Монро она объявила всё Западное полушарие недостижимым для европейских великих держав. Пример Америки – не совсем точная аналогия, но он напоминает нам, что, набирая экономическую силу, страны стремятся к большему контролю и влиянию в окружающем пространстве. Если Вашингтон считает подобную попытку Китая опасной, значит, США отрицают естественную динамику международной жизни и в итоге могут оказаться в «ловушке Фукидида», как выразился политолог Грэм Эллисон, – что чревато угрозой войны между восходящей державой и испытывающим страх гегемоном.

Для Соединённых Штатов противодействие такому сопернику – новый, уникальный вызов. С 1945 г. все крупные государства, поднимающиеся к богатству и влиянию, были ближайшими союзниками или даже квазипротекторатами Вашингтона: Германия, Япония и Южная Корея. Поэтому обычно тревожное явление международной жизни – восхождение новых держав – в США воспринимали благосклонно и без опасений. Китай не просто больше этих государств, он никогда не входил в структуру альянсов и сфер влияния Вашингтона. Поэтому он неизбежно стал стремиться к определённой степени независимого влияния. Вызов для Соединённых Штатов и Запада в целом заключается в том, чтобы определить приемлемый уровень растущего влияния Китая и приспособиться к нему, то есть иметь запас прочности, если Пекин перейдёт опасную черту.

Пока результаты адаптации Запада к подъёму Китая выглядят неубедительно. США и Европа не хотят идти на уступки в ключевых институтах глобального экономического управления – МВФ и Всемирном банке, которые остаются евро-американскими клубами. На протяжении многих лет Китай стремился играть более значительную роль в Азиатском банке развития, но Америка со-

противлялась. В результате в 2015 г. Пекин создал собственный многосторонний финансовый институт – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (работу которого Вашингтон тщетно пытался блокировать).

Помпео заявил – в покровительственной манере, которая вызвала негодование китайских граждан, – что США и их союзники должны «поставить Китай на место». По мнению Помпео, грех Пекина состоит в том, что он тратит на вооружение больше, чем требуется для его обороны. Но то же самое можно сказать и о Соединённых Штатах, Франции, России, Великобритании и большинстве других крупных государств. Тут уместно вспомнить определение великой державы – это государство, заботящееся не только о собственной безопасности.

Старый порядок, – где небольшие европейские страны ведут себя как мировые тяжеловесы, а такие гиганты, как Китай и Индия остаются на вторых ролях в глобальных институтах, – не может быть устойчивым. Китай должен получить место за столом лидеров и по-настоящему интегрироваться в структуры принятия решений. Иначе он останется свободным агентом и в одностороннем порядке создаст собственные структуры и системы. Восхождение Китая к глобальной власти – самый значимый новый фактор в международной системе за последние столетия. И это нужно признать.

НЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ, НЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ, НЕ УПОРЯДОЧЕННЫЙ

Для многих подъём Китая звучит как похоронный звон по либеральному международному порядку – набору правил и институтов, сформулированных в основном США после Второй мировой войны, на которых базируется нынешняя система, где вероятность войны между государствами минимальна, а свободная торговля и права человека процветают. Внутриполитические особенности Китая – однопартийная система, не допускающая оппозиции и несогласия, и некоторые внешнеполитические действия – делают его проблемным игроком в этой системе.

Однако стоит отметить, что либеральный международный порядок никогда не был таким либеральным, международным и упорядоченным, как сегодня с ностальгией описывают многие. С самого начала он вызывал громкое сопротивление Советского

Союза, затем последовала серия срывов сотрудничества между союзниками (из-за Суэцкого кризиса в 1956-м, ещё через десять лет из-за Вьетнама) и частичный уход США при Никсоне, который в 1971 г. отказался от поддержки международного финансового порядка с помощью американских золотых резервов. Либеральный международный порядок с момента зарождения был деформирован исключениями, разногласиями и хрупкостью – такое описание больше соответствует действительности. Соединённые Штаты часто действовали вне норм этого порядка, совершая регулярные военные интервенции с одобрения ООН или без него. С 1947 по 1989 гг., когда США выстраивали либеральный мировой порядок, Вашингтон совершил 72 попытки смены режима в мире. Аналогичным образом США вели себя в экономике, занимаясь протекционизмом и при этом протестовали против более мягких мер, принятых другими странами.

Либеральный мировой порядок, как и все подобные концепции, никогда не переживал золотого века, но и не ветшал, как утверждают многие. Главные атрибуты этого порядка – мир и стабильность – по-прежнему на своём месте, число войн и аннексий стабильно падает с 1945 года. (Поведение России на Украине – важное исключение.) В экономике – это мир свободной торговли. В среднем торговые тарифы между промышленно развитыми странами ниже 3% – в 1960-х, до очередного раунда международных торговых переговоров, они составляли 15%. За последние 10 лет произошёл откат по некоторым аспектам глобализации, но при очень хорошей базе. Можно сказать, что с 1990 г. глобализация сделала три шага вперёд и только один назад.

Китай вряд ли можно считать смертельной угрозой для этого несовершенного порядка. Сравните его действия с поведением России, которая часто поступает как вредитель, стараясь разрушить западный демократический мир и его международные цели и при этом получая выгоду от нестабильности, подстёгивающей цены на нефть (главный источник богатства Кремля). Китай ничем подобным не занимается. Если он нарушает правила, скажем, в киберпространстве, то крадёт военные и экономические секреты, но не пытается подорвать легитимность демократических выборов в США и Европе. Пекин боится инакомыслия и оппозиции – осо-

бенно в отношении Гонконга и Тайваня. Поэтому он использует своё экономическое влияние для цензуры иностранных компаний, если те не поддерживают линию партии. Но это стремление сохранить суверенитет, в отличие от систематических попыток Москвы подорвать и лишить легитимности западную демократию в Канаде, США и Европе. Иными словами, Китай использует интервенционистские, меркантилистские и односторонние действия, но гораздо меньше, чем другие крупные державы.

Подъём однопартийного государства, которое продолжает отвергать концепцию прав человека, представляет собой серьёзный вызов. Репрессивная политика Пекина – например, попытки размывания глобальных стандартов прав человека, действия в Южно-Китайском море и других районах вблизи границ – угрожает некоторым элементам либерального международного порядка. Все эти ситуации нужно рассматривать детально и честно. Хотя в первом случае вряд ли можно как-то смягчить обвинения: Китай отвергает очевидные нарушения прав человека, поэтому эту повестку нужно сохранять и укреплять (решение администрации Трампа выйти из Совета ООН по правам человека достигло противоположного эффекта – Пекин получил пространство для манёвра).

Тем не менее либеральный международный порядок смог приспособиться к ряду режимов – от Нигерии до ЮАР и Вьетнама – и по-прежнему поддерживает основанную на правилах систему, обеспечивающую мир стабильностью, и цивилизованное поведение государств. Размер Китая и его политика являются вызовом для дальнейшего распространения прав человека, которое началось с 1990-х годов. Но одну сферу потенциального регресса не стоит считать смертельной угрозой более масштабному проекту, базирующемуся на правилах, открытости и свободной торговле международной системы.

СДЕРЖИВАНИЕ И ЕГО ЦЕНА

Ещё одна идея нового консенсуса гласит: длительная конфронтация с Китаем позволит сдерживать его авантюризм на международной арене и стимулирует внутриполитические преобразования. Мало кого радует термин «сдерживание» времён холодной войны, но многие принимают эту логику. Теоретически – жёсткая линия

в отношении Китая вынудит его хорошо себя вести и даже проводить реформы. Об этом не принято говорить, но главная идея «ястребов» состоит в том, что сдерживание Китая ускорит падение режима, как это произошло с Советским Союзом.

Но КНР – не Советский Союз, неестественная империя, построенная на жестокой экспансии и военном доминировании. В Китае США ждёт конфронтация с цивилизацией и нацией с сильным чувством национального единства и национальной гордости, которая поднялась и вошла в число великих держав мира. Китай экономически становится ровней, а технологически в некоторых областях – даже лидером. Его население в сравнении с американским огромно. Кроме того, Китай – крупнейший мировой рынок практически всех товаров. В стране работают одни из самых быстрых компьютеров на планете, Пекин обладает крупнейшими в мире валютными резервами. Даже если произойдёт смена режима, основные элементы, обеспечившие подъём и мощь страны, сохранятся.

Пентагон с энтузиазмом воспринял идею о том, что Китай является «стратегическим конкурентом» США. По мнению чиновников, это вполне разумный подход. Последние двадцать лет американские военные вели борьбу с боевиками в распадающихся государствах, и периодически им приходилось объяснять, почему дорогостоящее вооружение не приносит победу над плохо вооружённым, нуждающимся в деньгах противником. КНР в качестве оппонента – это возвращение в счастливые дни холодной войны, когда Пентагон мог осваивать огромные бюджеты, пугая угрозой войны с богатым, хорошо вооружённым противником с собственными передовыми технологиями. Однако логика ядерного сдерживания и благоразумие лидеров гарантировали, что полномасштабной войны между двумя странами не будет. Каким бы ни был бюджет Пентагона, стоимость холодной войны с Китаем будет баснословной, она деформирует экономику США, раздув военно-промышленный комплекс, как предупреждал когда-то президент Дуайт Эйзенхауэр.

Прибавьте к этому высокую степень взаимозависимости США и Китая. Американский экспорт вырос на 527% с 2001 г., а в 2018-м Китай был крупнейшим поставщиком товаров в Соединённые

Штаты. Есть и взаимодействие между людьми – сотни тысяч китайских студентов учатся в США, а почти пять миллионов американских граждан имеют китайские корни. Соединённые Штаты получили огромную выгоду благодаря тому, что в стране собрались блестящие умы со всей планеты, которые занимаются передовыми разработками, а потом адаптируют их в коммерческих целях. Если США закроют двери для талантов из страны-противника, то быстро лишатся передовой позиции в мире технологий и инноваций.

Нынешний подход администрации Трампа к Китаю характеризуется двумя противоречащими друг другу установками: Вашингтон и отказывается от взаимозависимости, и приветствует её. В торговле основную цель Вашингтона можно назвать интеграционной – заставить Китай больше покупать у американцев, больше инвестировать в США и позволить американцам больше продавать и инвестировать в Китай. В случае успеха эти усилия увеличат взаимозависимость между двумя странами. Такой подход заслуживает похвалы, правда, стоит отметить, что торговые тарифы обычно оказываются дороже для того, кто их вводит, а не для реципиента. По некоторым оценкам, введённые администрацией Обамы тарифы на шины обошлись в 1 млн долларов за каждое сохранённое рабочее место. Но в целом подход разумный, хотя и реализуется в рамках узкой повестки «Америка прежде всего», потому что взаимозависимость даёт Вашингтону больше рычагов воздействия на Пекин.

С другой стороны, в вопросах технологий подход администрации Трампа очевидно дезинтеграционный. Стратегия заключается в том, чтобы разорвать связи с Китаем и заставить другие страны сделать то же самое – это приведёт к расколу мира на два лагеря. Этой логикой объясняется глобальный поход Трампа против *Huawei*. Однако неутешительные результаты кампании демонстрируют пороки в этой логике. Остальной мир не пошёл за Соединёнными Штатами, у которых нет альтернативной технологии 5G, чтобы конкурировать с *Huawei*. Администрация Трампа просила 61 страну ввести запреты против компании. Пока согласились только три – ближайшие союзники.

Такие унылые результаты позволяют предположить, какой будет стратегия разъединения. Китай – крупнейший торговый пар-

тнёр многих стран помимо США, включая ведущих игроков Западного полушария, например Бразилию. Когда их спрашивают об отношении к стратегии разъединения, все мировые лидеры в той или иной степени повторяют ответ, который дал мне глава одного правительства: «Пожалуйста, не заставляйте нас выбирать между Америкой и Китаем. Ответ вам не понравится». Это не значит, что они обязательно выберут Китай, скорее всего, они предпочтут сохранить нейтралитет или играть на два лагеря. Более того, изолированный Китай, выстроивший собственную внутреннюю цепь поставок и технологий, будет защищён от американского воздействия.

Странно, но в большинстве дебатов об американской политике затрагивается вопрос об ответной реакции. В Китае тоже есть радикально настроенные руководители, которые многие годы предупреждали, что Соединённые Штаты попытаются задавить Китай и любые признаки амбиций повлекут за собой реализацию стратегии сдерживания. Политика Вашингтона заставляет эти голоса звучать громче, обосновывая и продвигая то агрессивное и дестабилизирующее поведение, которое США хотели бы предотвратить.

Соединённые Штаты соперничают с КНР – это факт, и такое положение сохранится в нынешнем столетии. Вопрос в том, должны ли США конкурировать в рамках стабильной международной системы, продолжая попытки интегрировать Китай, или постараться изолировать его любой ценой. Расколотый международный порядок с ограничениями и барьерами в торговле, технологиях и передвижении отрицательно скажется на благосостоянии, возникнет нестабильность, появится реальный риск вооружённого конфликта.

Сворачивание глобализации, безусловно, является целью многих в администрации Трампа. Сам президент открыто осудил глобализм и назвал свободную торговлю грабежом американской промышленности. Он считает альянсы устаревшими, а международные институты и нормы бесполезным ограничением национального суверенитета. Правые популисты годами пропагандировали эти идеи. Многие из них, особенно в Соединённых Штатах, правильно поняли, что самый простой способ победить

либеральные элиты – спровоцировать холодную войну с Китаем. Удивительно, что те, кто десятилетиями строили либеральный международный порядок, с готовностью поддержали повестку, которая с неизбежностью разрушит его.

НЕ СТОЛЬ УЖ СЕКРЕТНАЯ СТРАТЕГИЯ США

Более разумная политика – сделать Китай «ответственным участником» – ещё возможна. Вашингтон должен поощрять использование Пекином своего влияния в регионе и за его пределами, если это способствует укреплению международной системы. Участие Китая в борьбе с глобальным потеплением, распространением ядерного оружия, отмыванием денег и терроризмом нужно приветствовать и ценить. Инициатива «Пояс и путь» пойдёт на пользу развивающемуся миру, если будет осуществляться открыто и прозрачно или даже в сотрудничестве с западными странами. Пекин, со своей стороны, должен признать критику Вашингтона в вопросах прав человека, свободы слова и свободы в широком смысле.

Самыми опасными точками могут стать Гонконг и Тайвань, где статус-кво очень хрупкий, а баланс сил склоняется в пользу Пекина. Есть данные, что Пентагон провёл 18 военных игр, симулирующих конфликт из-за Тайваня и во всех победил Китай. Вашингтон должен чётко дать понять, что любая победа в таком конфликте окажется пирровой, приведёт к экономическому коллапсу Гонконга или Тайваня, массовой эмиграции и международному осуждению. Если Пекин предпримет радикальные действия в отношении Гонконга или Тайваня, возможность сотрудничества с США будет закрыта на годы.

Новый консенсус по Китаю строится на страхе, что Пекин в какой-то момент может захватить весь мир. Но есть основания верить в американскую мощь и решительность. Ни Советскому Союзу, ни Японии не удалось захватить мир, несмотря на схожие опасения по поводу их подъёма. Китай развивается, но сталкивается с рядом внутренних вызовов – от демографического спада до огромных долгов. Он уже изменился и будет вынужден меняться дальше под воздействием сил интеграции и сдерживания. Пекинские элиты понимают, что их страна процветает в стабильном,

открытом мире. Они не хотят уничтожать этот мир. Несмотря на десятилетие политической стагнации в материковом Китае, взаимосвязь между подъёмом среднего класса и запросом на политическую открытость реальна, как это видно на примере Гонконга и Тайваня, за которыми внимательно следят в Пекине.

Некоторые американские эксперты говорят о китайском стратегическом видении и долгосрочном секретном плане по достижению мирового господства, который терпеливо и последовательно реализуется с 1949 г., если не раньше. Бывший сотрудник Пентагона Майкл Пиллсбери в книге, которую очень хвалят в администрации Трампа, назвал этот план «столетним китайским марафоном». Но более точно выглядит картина, живописующая, как страна судорожно переживала тесный альянс с СССР, а потом раскол; «большой скачок», культурную революцию, а затем капиталистическую историю успеха; глубокую враждебность в отношениях с Западом, а вслед за этим тесные связи с США; и теперь снова играет во враждебность. Если это марафон, то дистанция имеет очень странные повороты, которые могли привести к катастрофе.

Соединённые Штаты, в свою очередь, с 1949 г. выстраивали структуры и политику для создания более стабильного, открытого и интегрированного мира, помогали странам войти в этот мир и сдерживали тех, кто стремился его разрушить, – и в целом добились впечатляющих успехов. Вашингтон не проявлял неуверенности и не фокусировался на краткосрочной перспективе. Сегодня американские войска по-прежнему находятся на берегах Рейна, защищают Сеул и базируются на Окинаве.

Китай – это новый, серьёзный вызов. Но если Вашингтон сохранит хладнокровие и продолжит терпеливо проводить политику «вовлечение плюс сдерживание», вынуждая Китай приспособляться, и при этом сам будет приспособляться, чтобы дать Китаю пространство для манёвра, через несколько десятилетий аналитики смогут написать о не столь уж секретном плане США по расширению зоны мира, процветания, открытости и достойного управления на всю планету – о марафонской стратегии, которая сработала.

Идеальный тип правления?

Китай и конфуцианское государство

Яо Ян

Яо Ян – глава Китайского центра экономических исследований (CCER), декан Института государственного развития Пекинского университета (NSD). Материал опубликован на сайте *Robert Bosch Academy*.

Коронавирус приобрёл масштабы глобальной пандемии, и политическая система Китая превратилась в актуальную тему для крупнейших западных газет и социальных медиа. Первоначальные медленные шаги китайского правительства по распознаванию вируса в Ухане были восприняты как доказательство того, что авторитарный режим склонен скрывать неприятные для себя новости, а принятые впоследствии строгие карантинные меры – как свидетельство жёсткости такого режима. Как житель Пекина я сам лично сталкивался с этими суровыми карантинными мероприятиями. Однако в этой статье я не намерен рассуждать об их плюсах и минусах. В конечном счёте полностью оценить их возможно только после того, как пандемия закончится.

Вместо этого я сделаю шаг в сторону и предложу свою интерпретацию политической системы Китая. В частности, приведу сравнение с конфуцианским государством, идеальным типом правления, построенным на конфуцианских учениях, которые, несмотря на их различия с либеральными идеями, согласуются с многовековыми традициями Китая, а также с психологическими предрасположенностями простых китайцев. Надеюсь, это сравнение поможет Западу более здраво судить о политической системе Китая, и, сделав более смелый шаг, предположу, что оно позволит Западу лучше понять сильные и слабые стороны самой либеральной демократии.

СОВМЕСТНАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР»
И ЖУРНАЛА «РОССИЯ
В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ»

- Первое ясное и понятное объяснение того, почему либерально-демократическая эйфория конца прошлого века закончилась разочарованием практически во всем мире.

- Глубокий анализ политики Восточной Европы, России, США и Китая.

- Чем закончился знаменитый спор Фрэнсиса Фукуямы и Самюэля Хантингтона?

Реклама.

Заказ книги
на сайте www.alpina.ru

 альпина
ПАБЛИШЕР

КОНФУЦИАНСКИЙ МИР

Демократические режимы, практикуемые во всём мире, построены на представлении об идеальном типе правления, а именно – на либеральной демократии, которая восходит к теориям общественного договора Томаса Гоббса и Джона Локка. Гоббс начал с так называемого «естественного состояния», в котором каждый человек наделен набором естественных прав, наиболее неотчуждаемым среди которых является право на самозащиту. Но каждый человек также склонен стремиться к эгоистичному обладанию бóльшим, поэтому естественное состояние становится миром, в котором человек человеку волк. Чтобы добиться мира, люди заключают общественный договор о передаче части своих естественных прав всемогущему правительству – Левиафану.

Локк подверг концепцию «естественного состояния» Гоббса пересмотру, возложив обязанность исполнения естественных законов на каждого человека. Эти законы позволяют индивидам владеть собственностью, но также ограничивают её: индивиды не могут обладать чем-то бóльшим, чем требуется для их существования. Единственная проблема этой концепции состоит в том, что вы не можете быть уверены, что другие люди будут следовать естественным законам. В результате они формируют общество, становясь его гражданами и совместно договариваясь о создании правительства под их контролем. Автократия, к которой Гоббс, к слову, относился терпимо, исключается, поскольку она хуже анархии в естественном состоянии. Для Локка мысль о таком правительстве больше похожа на желание быть съеденным львом, чем быть потревоженным козами. Таким образом, либеральная демократия – есть не что иное, как гуманным образом сконструированный общественный договор, участниками которого являются эгоистичные индивиды.

Конфуцианское государство имеет иную отправную точку. Согласно Конфуцию (551–479 до н.э.), люди рождаются наделёнными разной природой. Некоторые из них умны, а некоторые глупы. Самые умных и самых глупых изменить невозможно, но тех, кто между ними, можно изменить путём обучения и практики. В результате общество состоит из двух больших социальных категорий: благородных мужей (*цзюньцзы*) и мелких людей, или обывателей (*сяожэнь*).

Благородный муж заботится о вещах, выходящих за рамки его собственного благополучия, а мелкий человек печётся только о себе. И так, Конфуций считал, что человеческая природа – это сложная комбинация личных характеристик, варьирующихся от приоритета личных интересов до благородных целей. Это убеждение согласуется с научными наблюдениями над двумя близкими родственниками *homo sapiens*, шимпанзе и бонобо, о чём свидетельствуют яркие истории, рассказанные нидерландским биологом Франсом де Ваалем в его знаменитой книге «Политика шимпанзе». Но это согласуется и с тем, что мы наблюдаем в нашей повседневной жизни. Для Конфуция человеческая природа – это обобщение наблюдений за человеком, а она сложна и комплексна. Для Гоббса и Локка человеческая природа является неким социальным конструктом и определяется исключительно индивидуальной рациональностью. Каковы последствия этого различия? Они намного больше, чем могут показаться.

КОНФУЦИАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРОТИВ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Начнём с фундаментального различия двух философий: либеральная демократия предполагает, что все люди созданы равными, в учении же о конфуцианском государстве такой посылки нет. Конфуцианское отрицание должно звучать тревожно для многих людей. Но «люди созданы равными» – это нормативная оценка, а не позитивное описание реальности. Конфуцианство в этом смысле признаёт только реальность. Однако это не означает, что конфуцианец обязательно отрицает стремление к равенству. На самом деле многие современные конфуцианцы яростно защищают равенство и личную свободу. Конфуцианство в этом смысле является своего рода позитивным реализмом – признаёт, что мир несовершенен, но обещает сделать его лучше.

Во-вторых, общество должно быть организовано в виде иерархии, требующей соответствующей квалификации. Этой идеи придерживаются не только конфуцианцы. У отцов-основателей Соединённых Штатов имелись схожие соображения. В знаменитых «Записках Федералиста» Александр Гамильтон прямо утверждал, что президентство не предназначено для человека, не обладающего необходимыми качествами, и американская Конституция наделила

правом избирать президента за коллегия выборщиков, которая, как предполагалось, должна была состоять из представителей элиты, выдвинутых местными сообществами. Современный конфуцианский философ Дэниел Белл проводит различие между хорошими и плохими иерархическими системами. Дурные иерархии, такие как кастовая система, цементируют социальное разделение и являются угнетающими по своей природе; хорошие же допускают восходящую мобильность и поощряют людей к самосовершенствованию. Признавая, что люди рождаются разными, конфуцианцы поощряют людей к самосовершенствованию путём самоограничения и самообучения. К слову, благодаря государственной экзаменационной системе (*кэцзюй*) исторический Китай был одним из древних обществ с самой высокой степенью восходящей мобильности.

В-третьих, критерием отбора лидеров является квалификация, а не политические платформы или политические программы. Для конфуцианца конечной целью лидера является достижение добродетельного правления, или *жэнь*. Причём это не зависит от его ответственности перед народом и подотчётности ему, как того требует либеральная демократия. Это скорее связано с его собственными качествами добродетельного правителя.

О ДОБРОДЕТЕЛЬНОМ ПРАВИТЕЛЕ

Как стать добродетельным правителем? Достижение столь высокого статуса происходит через обучение. С тех пор как император У-ди (156–87 до н.э., седьмой император династии Хань) принял конфуцианство в качестве государственной идеологии, каждый китайский император всю свою жизнь изучал конфуцианство. В молодости к нему был приставлен конфуцианский учитель, и после того, как он вступил на царство, ему приходилось регулярно посещать занятия (*цзинъянь*) по указанию конфуцианских учителей. Это требование предъявлялось не одному лишь императору – чиновники в его правительстве также должны были совершенствоваться, изучая конфуцианство. Система государственных экзаменов, или *кэцзюй*, была создана для того, чтобы открывать таланты среди молодёжи. До династии Мин (1368–1644) правительство возглавляли премьер-министры. По мнению конфуцианского учёного из династии Сун, премьер-министра следует

судить по тому, насколько хорошо ему удаётся поддерживать мир в стране, а императора – по тому, насколько хорошо он учился конфуцианской мудрости.

Таким образом, в конфуцианском мире заслуги являются основой всего. Китайцы давно поняли, что они должны полагаться на себя, а не на правительство, чтобы улучшить свою жизнь. Вот почему Джек Ма (Ма Юнь) и Пони Ма (Ма Хуатэн), два самых богатых человека в сегодняшнем Китае, – кумиры молодёжи. Китай, к слову, далеко не такое коллективистское общество, как долгое время полагали сами же китайцы или иностранцы. Люди делегируют всю общественную сферу власти и подчиняются ей. Именно это создает образ китайцев как более коллективистской нации по сравнению с западными обществами. Но власти, в свою очередь, должны играть активную роль в общественной сфере, чтобы совершенствовать общее благосостояние. Ответственность, а не подотчётность, является движущей силой власти в Китае.

РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА

В конфуцианском мире государством управляют чиновники, избранные на основе их добродетелей и профессиональных способностей. Кто же в таком случае уполномочен их выбирать? В условиях демократии это делается путём всенародного голосования. В основе – предположение, что необходимая коллективная мудрость может быть достигнута с помощью объединения голосов граждан. Гамильтон отверг это предположение на том основании, что избиратели легко поддаются влиянию политиков-оппортунистов. Конфуцианство отвергает подобное предположение на аналогичной основе: люди на своём пути к добродетели имеют разный уровень достижений, а значит, некоторые из них более способны выносить правильные суждения, чем другие. Поэтому задача подбора чиновников должна быть возложена на людей, которые сами обладают высоким уровнем добродетели и способностей. В Древнем Китае такую задачу брали на себя высокопоставленные чиновники и сам император. Сегодня её выполняет Коммунистическая партия Китая (КПК). То есть конфуцианское государство требует, чтобы центральная власть брала на себя полномочия по отбору государственных чиновников.

Разумеется, такая централизованная система отбора – обоюдоострый меч. Самое существенное её преимущество состоит в том, что она ограждает чиновников от народных требований, которые нередко могут оказаться недальновидными. В такой большой стране, как Китай, это также даёт центру мощный инструмент для контроля над местными чиновниками. Со времени, когда император Цинь Шихуанди (259–210 гг. до н.э.) впервые объединил государство, центральному правительству пришлось предоставить власти на местах значительную степень автономии. Чтобы помешать местным чиновникам «закрепляться» в своих вотчинах, то есть создавать там собственные политические опоры, центр каждые несколько лет переводил их в другую местность. Эта практика сохранилась до наших дней. Держа их нахождение на должностях в своих руках, центр способен эффективно контролировать местных чиновников. Но такая концентрация власти не может не иметь и разрушительных последствий. В ситуации, когда каждый чиновник ждёт приказа сверху, система легко становится жёсткой и неподвижной. Кроме того, дорога к вершине так длинна, что после многих раундов отбора чиновники выглядят в конце почти одинаково. И хотя это повышает компетенцию чиновников, давая им качественную подготовку на пути к вершине, система может упустить яркие таланты, находящиеся вне её, – людей, умеющих решать определённые проблемы, с которыми сталкивается страна.

Наиболее серьёзным изъяном конфуцианского государства является отсутствие подотчётности центральной власти. Контроль над властью – неотъемлемый элемент либеральной демократии. Можно ли развить этот элемент на основе теории конфуцианского государства? Есть два аргумента в пользу положительного ответа. Во-первых, конечной целью конфуцианского государства является осуществление *жэнь*, или добродетельного правления. Таким образом, правитель (центральная власть) должен быть готов дать окончательное суждение о своей политике народу, поскольку он верит: то, что он делает, хорошо для народа. Во-вторых, правитель не может развеять подозрения людей одними лишь устными обещаниями. Благодаря разделению власти с народом правитель и народ получают взаимные гарантии: люди убеждаются, что правитель хочет вести добродетельное правление, а правитель предполагает, что

народ не свергнет его. Поэтому конфуцианское государство в своей современной форме должно возложить суверенитет на народ.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КИТАЯ СЕГОДНЯ

Вспомним, что экономический успех Китая с 1978 г. стал возможен благодаря тому, что КПК вернулась к китайской традиции, в которой конфуцианское государство занимает центральное место. В чисто экономических терминах успех Китая можно объяснить принятием неоклассических экономических учений: крупные сбережения, накопление капитала и развитие человеческого капитала. Однако для экономиста, изучающего политическую экономию, более интересным вопросом является то, почему китайское правительство и КПК смогли принять и адаптировать эти учения.

Стоит напомнить, что до 1978 г. КПК была занята классово-борьбой, идею которой Карл Маркс выразил как необходимый шаг к построению бесклассового общества. КПК была создана в 1921 г. в результате распространения марксизма в Китае. На протяжении всей истории вплоть до 1978 г. партия выступала против китайской традиции, которую считала реакционной и отсталой. В 1978 г. Дэн Сяопин прекратил классовую борьбу и, повинувшись инстинкту прагматичного китайца, переориентировал партию на национальную политическую традицию. Под его руководством партия подверглась «китаизации».

ДВА НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ ИЗМЕНЕНИЯ

Одно из них – замена марксистских догм китайской философией прагматизма. В Китае нет самобытных религий. Именно светская жизнь издавна являлась средоточием китайской цивилизации. Радость, любовь, тоска, страдание – все жизненные переживания человека были постоянными сюжетами в поэзии, народных песнях. Таким образом, китайская нация формировалась на основе приземлённого прагматизма.

Что касается современной его формы, то есть две отличительные черты. Одна из них заключается в том, что в китайском сознании отсутствует представление о постоянной, непреходящей истине, а значит, каждое притязание на истину должно быть проверено практически. Без этой идеи немислимо, чтобы КПК могла осуществить все реформы, которые шли вразрез с ортодоксальной

марксистской практикой, в основном созданной и продвигаемой Советским Союзом. Другая особенность заключается в том, что легитимность средств достижения какого-либо результата может быть обоснована желательностью этого результата. По словам Дэна Сяопина, «не имеет значения, белая кошка или чёрная; это хорошая кошка, пока она ловит мышей». Для него «мыши» были великим возрождением Китая, а «кошка» – любимым средством, способствующим достижению этой цели. Например, поскольку рынок может распределять ресурсы более эффективно, чем планирование, Китай должен принять его, хотя это изобретение капиталистической системы.

Другая задача заключалась в том, чтобы вновь ввести в партии политическую меритократию. Дэн установил возрастной предел для выхода на пенсию и расчистил молодым людям путь для продвижения по партийной иерархии. В начале 1980-х гг. он предложил четыре критерия для того, чтобы делать карьеру в партии. Лидеры должны быть революционными, молодыми, знающими и профессиональными. Одним из самых больших продвижений в то время было назначение Чжао Цзяна на пост премьер-министра. До повышения Чжао был всего лишь секретарём партийной организации провинции Сычуань. Премьером его сделали только потому, что он возглавил реформу в сельском хозяйстве. Эта традиция продвижения по службе, основанного на заслугах, продолжилась и при руководителях после Дэна. В 1990-е и последующие годы важным условием карьерного роста являлись экономические показатели.

Однако на теоретическом фронте изменения происходили медленнее. Партийные лидеры в 1980-е и 1990-е гг. всё больше понимали, что марксизм сам по себе не может полностью описать то, что сделала партия, особенно проведённые реформы, которые противоречили догматическим марксистским практикам, таким, как экономическое планирование и государственная собственность. Но на бумаге марксизм должен был оставаться ортодоксальной идеологией, потому что он определял идеологическую легитимность партии. Что сделало руководство? Оно по сути облачило в новые одежды идеологию марксизма, определив статус партии как «всемирной». Теперь КПК представляет не только рабочий класс, но и другие слои населения Китая. Таким образом, партия

превратилась в беспристрастную центральную власть, которая не защищает интересы отдельных социальных групп. Это позволило КПК избежать подчинения государства частным интересам – бич политики многих развивающихся стран. А китайская экономика способна расти, не неся больших потерь от нерационального распределения ресурсов в пользу каких-то групп. Именно в этом заключается суть политэкономии, стоящей за экономическим успехом Китая.

ПОЧЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИСКУРС О КИТАЕ ТАК УПРОЩЁН

В доминирующем дискурсе на мировой арене Китай изображается как система политической и экономической изоляции и жёсткого государственного контроля над всем. Принято считать, что китайская модель диаметрально противоположна западной системе свободного рынка и демократического правления. Однако это слишком упрощённая и вводящая в заблуждение характеристика.

Во-первых, КПК не является закрытым политическим образованием. Она открыта для всех, кто верит в правое дело партии, а также способен внести вклад в великое возрождение Китая. Вступление в партию предполагает соблюдение некой дисциплины, но эта мера позволяет отсеивать оппортунистов. КПК играет роль центральной власти в конфуцианском государстве, например, занимаясь тщательным отбором чиновничьего аппарата. Чиновники всех уровней участвуют в общем состязании по служебному продвижению. Хотя личные связи играют определённую роль, эмпирические исследования показали, что заслуги – ключевой фактор, определяющий карьерный рост. Сложившееся впечатление, что политическая система закрыта, в значительной степени было результатом видения Китая через призму состязательной демократии – нет никакой другой партии, конкурирующей с КПК, значит, система закрыта. КПК не является политической партией западного образца; она есть не что иное, как центральная власть в конфуцианском государстве.

Во-вторых, в китайской экономике не доминирует государственный сектор. В Китае вклад частного сектора удобно обобщить цифрами «5-6-7-8-9»: на частный сектор приходится 50% налоговых поступлений, 60% национального ВВП, 70% инноваций,

80% занятости и более 90% компаний. Ключом к экономическому успеху Китая является не государственный капитализм, а расширение частного сектора. Государственный капитализм сам по себе – миф. Правительство, действительно, влияет на рынок, но разговоры о том, что оно контролирует всё в китайской экономике, являются притягиванием выводов за уши. Серьёзные исследователи должны понимать, что называть экономическую модель Китая государственным капитализмом – значит, дискредитировать экономические достижения КНР.

В-третьих, контроль партии в общественной сфере также преувеличен. Несомненно, в стране существует цензура, но режим определённо далёк от того, как Джордж Оруэлл изображает диктатуру в своём романе-антиутопии «1984». Возьмём, к примеру, систему социальных кредитов. Большинство западных комментаторов видят в этом доказательство насаждаемого китайским правительством цифровой диктатуры. Такая точка зрения упускает из виду тот факт, что мошенничество является серьёзной угрозой для достойного бизнеса и повседневной жизни в Китае, стране, которая переживает быстрый переход от традиционного общества, где все знают друг друга, к современному обществу посторонних людей. Система социального кредита направлена на наказание за мошенничество и поощрение честности. Она, действительно, создаёт неудобства для честных людей, но, возможно, представляет собой неизбежную цену для быстрого перехода Китая к современному обществу, основанному на соответствующих нормах.

Карантинные меры, принятые в КНР для борьбы с коронавирусом, также приводились западными комментаторами и социальными медиа в качестве доказательства деспотизма. Более того, некоторые даже настаивали на том, чтобы не вводить карантинные меры в своих собственных странах именно потому, что они не хотели следовать авторитарному подходу Китая. Но этот аргумент упускает тот факт, что другие страны и регионы Восточной Азии также ввели либо жёсткие карантинные меры, либо цифровое отслеживание для сдерживания инфекций. Восточная Азия сделала это не потому, что она следует политической системе Китая, а скорее потому, что страны и регионы там разделяют одну и ту же коллективную культуру.

ЭЛЕМЕНТЫ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ ДЛЯ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ

Безусловно, политическая система Китая несовершенна, даже если сравнивать её с конфуцианским государством. Но это не должно удивлять. В конце концов, не всякая демократия, практикуемая на Земле, соответствует стандартам, установленным её идеальным типом – либеральной демократией. Каждая политическая система совершенствуется.

Фундаментальное отличие политической системы КНР от идеального конфуцианского государства заключается в отсутствии подотчётности центральной власти. Однако восполнять данный пробел предвыборной конкуренцией, вероятно, не самая правильная рекомендация. Вместо этого необходимо ввести сдержки и противовесы. Суть конституционного правления состоит в разделении власти, а также в формировании системы сдержек и противовесов, формирующихся на её основе. Но это уникальная характеристика либеральной демократии. Любому разумному государственному устройству требуется разделение власти – иначе невозможно осуществлять рациональное правление в современном обществе, отличающемся комплексностью взаимосвязей. К сожалению, сдержки и противовесы, которые сами по себе являются методом управления, стали настолько идеологически нагруженными как на Западе, так и на Востоке, что достойное обсуждение их невозможно без предварительного обращения к оценке политической системы.

Вероятно ли создание сдержек и противовесов в Китае при условии, что КПК является единственной политической силой в обществе? В этом отношении показательным примером может служить присяга императоров династии Северной Сун (960–1127). Первый император династии тайно установил каменную табличку, на которой была написана клятва, требовавшая от будущих императоров не убивать чиновников или людей, которые их критиковали. Каждый новый император должен был читать клятву наедине сам с собой. Никто из императоров династии её не нарушал. Самоограничение могло привести к заключению прочного соглашения между двумя сторонами, обладающими асимметричной властью. За этой договорённостью стояла общая вера в конфуцианские

доктрины. КПК нацелена на великое возрождение Китая – дело, разделяемое китайским народом. Поэтому два аргумента в пользу присвоения суверенитета народу конфуцианского государства применимы и к нынешней политической системе Китая.

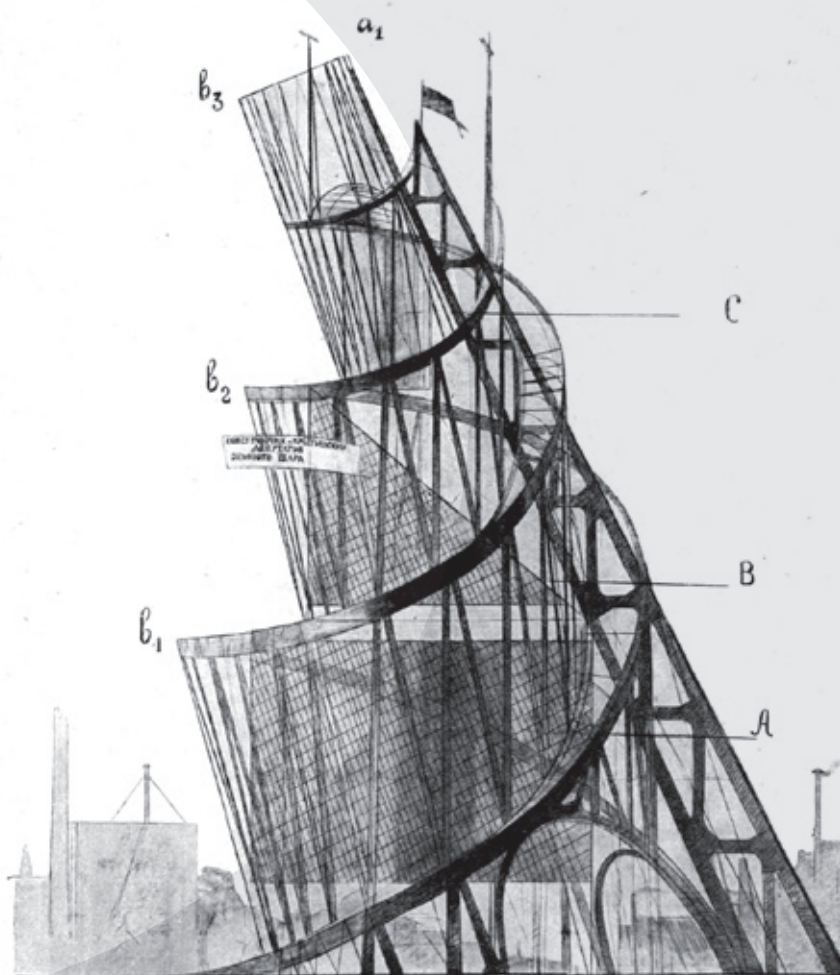
КПК ДОЛЖНА ДОВЕСТИ ДО КОНЦА ПОЛИТИКУ «КИТАИЗАЦИИ»

Существует множество различных причин, почему система сдержек и противовесов не внедрена в Китае полностью. Однако наиболее существенной является отсутствие консенсуса по поводу конфуцианского государства как идеального типа управления страной. Партия не готова довести до конца свой курс на «китаизацию», а в обществе господствует демократический нарратив. В результате китайская политика переживает двойное напряжение: с одной стороны – озабоченность общественности, особенно интеллектуалов, которые живут тревожной надеждой на переход Китая к демократии, с другой – обеспокоенность самого правительства, которое начинает тревожиться о своей власти. Последнее, в свою очередь, порождает стремление к цензуре.

Чтобы разрушить это заклятие обоюдного недоверия, КПК должна взять инициативу на себя. Успешное завершение «китаизации» – единственный выход. Марксизм не объясняет, что партия сделала правильно после 1978 г., и не примиряет её с мировоззрением китайского народа. Признав конфуцианское государство идеальным типом правления, политическая система Китая заложила бы прочную философскую основу, которая соответствует культурно-психологическим особенностям простых китайцев. Кроме того, это поможет КПК, когда она будет иметь дело с Западом. Либерализм, конечно, подразумевает высокие человеческие ценности, но не лишён недостатков, особенно в областях, связанных с индивидуализмом и абстрактным равенством, которые служат рассадником популизма. Конфуцианство предлагает лекарство именно в этих областях. Кроме того, идея срединности (*чжун юн*) – то есть мирного сосуществования на политической арене – позволяет конфуцианству принять многие либеральные ценности. Это также благоприятствует политике Китая по отстаиванию политического разнообразия в мире.

Техника безопасности

...под площадками для барбекю рылись убежища, в школах и на предприятиях проводились учения...

Проект памятника III Интернационалу, 1919. Арх. В. Е. Татлин

Уместно ли «на троих»?

О возможных последствиях вовлечения Китая в переговоры по ядерному разоружению

Александр Савельев

А.Г. Савельев – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН.

В декабре 2019 г. США на официальном уровне предложили Китаю вступить в «диалог по стратегической безопасности». Белый дом выразил надежду, что согласие Пекина на это предложение может стать первым шагом к международному соглашению, которое будет охватывать все ядерные вооружения Соединённых Штатов, России и Китая¹. Как и ожидалось, предложение было отвергнуто Пекином на том основании, что КНР располагает гораздо меньшим ядерным арсеналом, чем США и Россия. Пока размеры арсеналов не станут сопоставимыми, Китай не сможет принять участие в таких переговорах.

В марте 2020 г. президент США Дональд Трамп в очередной раз заявил о своём намерении предложить России и Китаю провести подобные переговоры с целью «избежать дорогостоящей гонки вооружений»². На это последовала незамедлительная реакция МИД Китая. Официальный представитель ведомства Чжао Лицзянь прямо заявил, что «Китай не имеет намерений участвовать в так называемых китайско-американо-российских переговорах» и что китайская позиция по этой проблеме

¹ *The Wall Street Journal*. December 20, 2019. <https://www.wsj.com/articles/u-s-invites-china-for-talks-on-nuclear-arms-11576890374>

² *Reuters. World News*. May 7, 2020. <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-russia/trump-stresses-desire-for-arms-control-with-russia-china-in-putin-call-idUSKBN22J2GT>

«абсолютно ясна»³. Он призвал Соединённые Штаты продлить действие нового договора по СНВ и продолжить сокращения ядерных вооружений США и России, что создаст условия для присоединения других стран к процессу ядерного разоружения. Такая позиция Китая не является новой. Так, ещё годом ранее, на пресс-конференции, проходившей в мае 2019 г., представитель МИД КНР Гэн Шуан сделал практически аналогичное заявление об отказе Китая от участия в трёхстороннем соглашении по контролю над ядерными вооружениями⁴.

Говоря о необходимости дальнейших двусторонних сокращений ядерных арсеналов Соединённых Штатов и России, китайская сторона не уточняет, имеет ли она ввиду только стратегические ядерные вооружения или речь идёт об общем количестве этих боезарядов, включая тактические. В первом случае, как следует из позиции Китая, Россия и США должны уменьшить свои стратегические ядерные арсеналы как минимум в 3–4 раза (с 1550 развернутых ядерных боезарядов в соответствии с правилами засчёта пока ещё действующего нового договора о СНВ). Если же иметь в виду общее количество ядерных боезарядов сторон, то необходимо уменьшить запасы ядерных вооружений каждой из стран в 10–12 раз⁵. Только после этого Китай будет готов рассмотреть вопрос о своём участии в переговорах по контролю над ядерными вооружениями.

Такие условия не устроят ни США, ни Россию. В то же время сами эти страны не сформулировали на официальном уровне свои конкретные подходы и положения возможных трёхсторонних переговоров и будущего соглашения. Тем не менее эксперты целого ряда стран уже нескольких лет выдвигают идеи о формате

³ China will not join so-called China-U.S.-Russia arms control negotiations: spokesperson. ECNS. March 6, 2020. <http://www.ecns.cn/news/politics/2020-03-06/detail-ifzuhesu4122041.shtml>

⁴ Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on May 6, 2019. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1661163.shtml

⁵ По оценке Федерации американских учёных, на середину 2019 г. США располагали 3800 развёрнутыми и неразвёрнутыми ядерными боезарядами, в то время как Россия – 4330 единицами. У Китая, по тем же оценкам, имеется только 290 неразвёрнутых ядерных боезарядов. Hans M. Kristensen and Matt Korda. *Status of World Nuclear Forces*. Federation of American Scientists. 2019. <https://fas.org/issues/nuclear-weapons/status-world-nuclear-forces/>

и параметрах такого «многостороннего» договора. В подавляющем большинстве случаев эти варианты концентрируют внимание на отдельных аспектах будущей договорённости, которые могли бы быть привлекательными для китайской стороны. Но при этом мало кто обращает внимание на вопрос о том, что может потерять Пекин, вступая в переговоры по контролю над ядерными вооружениями. И каковы будут военно-политические последствия, если Китай всё же решит участвовать в подобных переговорах.

На наш взгляд, именно оценка последствий вступления в переговоры лежит в основе требований Китая сначала достичь «сопоставимости» размеров ядерных арсеналов трёх стран. Эта позиция является вовсе не надуманной и пропагандистской, как считают некоторые эксперты и политики, а имеет под собой серьёзные основания не только политического, но и военно-стратегического характера. Отказ учитывать названную позицию Китая фактически сводят на нет все усилия, прежде всего, США, по вовлечению Пекина в переговоры по ядерным вооружениям.

ВАРИАНТЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ КИТАЯ В ПЕРЕГОВОРЫ

Поскольку официальная позиция Соединённых Штатов по вопросу вовлечения Китая в переговоры детально не сформулирована, эксперты рассматривают ряд вариантов, которые, в принципе, могут быть предложены. Их можно разбить на три категории. Первая – это оказание давления на Китай с целью заставить его изменить позицию в отношении контроля над вооружениями. Вторая – поиск привлекательных для КНР предложений, которые могут стать предметом рассмотрения китайским руководством. Третья – сочетание первых двух подходов.

Что касается давления на Китай, то оно уже осуществляется администрацией США по нескольким направлениям. Одно из них – это обвинения в адрес КНР по поводу состояния и перспектив развития ядерного арсенала. Так, Китай обвиняется в том, что является единственной ядерной державой из «Большой пятёрки», которая не сократила свой ядерный арсенал. Более того, согласно заявлению, сделанному в мае 2019 г. директором Разведывательного управления Пентагона Робертом Эшли, «в

течение следующего десятилетия Китай, вероятно, по меньшей мере, удвоит размер запасов своих ядерных вооружений в ходе осуществления самого быстрого расширения ядерного арсенала в истории Китая». ⁶ С этого момента данное утверждение стало фигурировать в заявлениях официальных лиц и многих экспертов как не требующее дальнейших подтверждений, то есть как реальный факт.

Китаю также выдвигаются претензии по поводу отсутствия прозрачности – отказа от предоставления информации по поводу размера и структуры ядерных сил, программ модернизации, целого ряда других аспектов ядерной политики. Такое положение, по мнению Вашингтона, не способствует укреплению стратегической стабильности и международной безопасности. Вступление Китая в переговоры позволит избежать негативных последствий, включая гонку ядерных вооружений по сценариям холодной войны ⁷. А заместитель госсекретаря в администрации Барака Обамы по контролю над вооружениями и международной безопасности Роуз Гетемюллер высказывает мнение, что вступить в переговоры Китай может подвигнуть угроза развёртывания американских ракет средней дальности в регионе. ⁸

США, по всей видимости, рассчитывали на поддержку России в данном вопросе. Москва неоднократно заявляла, что заключённый в 2010 г. новый договор о СНВ должен стать последним соглашением о двухсторонних сокращениях ядерных вооружений. После этого в процесс могут быть включены и другие ядерные государства. Но в конце 2019 г. позиция Российской Федерации относительно вовлечения Китая в переговоры резко изменилась. Было заявлено о том, что Россия уважает позицию Пекина и, более того, выдвигать условие присоединиться к процессу переговоров вы-

⁶ Ed Adamczyk. China will double its nuclear warheads in next 10 years, DIA chief says. *Defense News*. May 31, 2019. <https://www.upi.com/Defense-News/2019/05/31/China-will-double-its-nuclear-warheads-in-next-10-years-DIA-chief-says/1621559319133/>

⁷ Tong Zhao. Opportunities for Nuclear Arms Control Engagement With China. *Arms Control Today*. January/February 2020.

⁸ Aaron Mehta. Arms control decisions by Trump administration could be ‘imminent’. Will China be involved? *Defense News*. February 26, 2020. <https://www.defensenews.com/pentagon/2020/02/26/arms-control-decisions-by-trump-administration-could-be-imminent-will-china-be-involved/>

глядит «откровенно провокационным»⁹. Россия дала ясно понять, что не собирается оказывать давление на Китай, хотя и не будет возражать, если китайское руководство примет решение обсудить ядерное разоружение. Эта позиция России вряд ли претерпит изменение даже под давлением Соединённых Штатов, которые явно желали бы использовать фактор продления нового договора о СНВ (ДСНВ) как условие вовлечения Китая в переговоры в той или иной форме, включая его присоединение к этому соглашению. Об этом, в частности, заявлял советник президента по национальной безопасности Роберт О'Брайн¹⁰. А в мае 2020 г. США уже ультимативно объявили о том, что не будут продлять ДСНВ, пока Китай не присоединится к этому соглашению. Более того, спецпредставитель президента по контролю над вооружениями Маршалл Биллингсли практически потребовал от России «усадить Китай за стол переговоров», прежде чем «даже думать» о продлении этого договора¹¹. После первой встречи с российским замминистра иностранных дел Сергеем Рябковым в начале июня Биллингсли снова пригласил Китай присоединиться к первому раунду переговоров о судьбе СНВ – с обычным результатом.

Не исключено, что Соединённые Штаты также будут оказывать (или уже оказывают) давление на КНР и по ряду косвенных направлений. Речь может идти об отдельных аспектах американо-китайской «торговой войны», а также об «ответственности» Китая (которую в США считают доказанной) за распространение коронавируса. Такое давление может осуществляться в основном по закрытым каналам.

Ряд исследователей военно-политических проблем считает, что необходимо найти компромиссные варианты участия Китая

⁹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова на Московской конференции по нераспространению «Внешнеполитические приоритеты Российской Федерации в сфере контроля над вооружениями и нераспространения в контексте изменений в глобальной архитектуре безопасности». Министерство иностранных дел Российской Федерации. 8 ноября 2019 года. https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3891674

¹⁰ Deb Riechmann. Trump still hoping for US-Russia-China nuclear arms pact. *Associated Press*. February 14, 2020. <https://www.thestar.com/news/world/us/2020/02/14/trump-still-hoping-for-us-russia-china-nuclear-arms-pact.html>

¹¹ The Washington Times. May 7, 2020.

в переговорах по контролю над ядерными вооружениями. Эти варианты, как полагают некоторые авторы, могут отвечать интересам всех сторон данного процесса и учитывать специфику структуры и количественных параметров подлежащих контролю вооружений. Одним из «простых» вариантов вовлечения Китая в стратегический диалог является предложение об установлении транспарентности в рассматриваемой сфере. А именно – предоставление на взаимной основе информации о количестве ракет и развёрнутых на них боеголовок, их основных характеристиках, включая дальность, а также районов и конкретных мест развёртывания¹². Здесь отметим, что это, казалось бы, наименее болезненное и легко выполнимое действие является, на наш взгляд, и наименее приемлемым для Китая вариантом включения в международный диалог по контролю над вооружениями.

Среди других предложений называются различные варианты «смешанного» подхода к контролю за ракетными системами. Например, установление общего потолка для ракет, попадающих в категорию «средней дальности» как наземного, так и воздушного базирования, или установление такого же общего потолка на стратегические ракеты любого типа базирования (наземного, морского и воздушного) и ракеты средней дальности трёх ядерных держав – Китая, США и России. Это, по мнению сторонников подобного подхода, может составить примерно равную основу для переговоров¹³.

Как приведённые выше, так и ряд других идей и рекомендаций по вовлечению Китая в двусторонние или многосторонние переговоры по контролю над ядерными вооружениями исходят из уже существующего опыта. При этом практически не принимается во внимание или сознательно игнорируется специфика ядерной политики КНР. Сам факт приглашения Китая к переговорам будто бы является официальным признанием его статуса великой державы, ответственной не только за собственную безопасность, но и за международную безопасность в целом наравне с США и Россией

¹² Hirofumi Tosaki. Nuclear arms control in a post-INF Treaty period: a chance to engage China? *The Japan Institute of International Affairs*. March 19, 2019. https://www2.jiia.or.jp/en/article_page.php?id=18

¹³ Tong Zhao. Opportunities for Nuclear Arms Control ...

как минимум. Одного этого признания, кажется, достаточно, чтобы Китай дал своё согласие на участие в подобных переговорах, и проблема лишь в чёткой выработке конкретных предложений, которые могли бы стать предметом соответствующих обсуждений. Вывод не вполне корректен.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Политика Китая в отношении ядерного оружия и его роли в обеспечении безопасности страны остаётся неизменной в течение более 55 лет, начиная с присоединения КНР к «ядерному клубу» в конце 1964 года. Центральным элементом является одностороннее обязательство Китая не применять ядерного оружия первым и не угрожать его применением в отношении неядерных государств и государств, находящихся в зонах, свободных от ядерного оружия. Считается, что такое решение было принято лично Мао Цзэдуном в том же 1964 году¹⁴.

В соответствии с упомянутым обязательством Китай, как утверждается, поддерживает минимально необходимый уровень ядерных вооружений, предназначенных для сдерживания ядерного нападения путём декларированной готовности к нанесению ответного удара по возможному агрессору, совершившему ядерное нападение на страну. При этом Китай не участвует в гонке ядерных вооружений. Эти положения остаются неизменными на протяжении многих лет и сформулированы в ряде основных документов военно-стратегического планирования, имеющих в открытом доступе,¹⁵ а также периодически повторяются в средствах массовой информации¹⁶.

В отличие от «классической» формы ядерного сдерживания Китай не демонстрирует возможностей нанесения ответного удара, а, напротив, их скрывает, в том числе в целях повышения выживаемости средств ответного удара. Такая «экзистенциальная» форма

¹⁴ M. Taylor Fravel. China Has Not (Yet) Changed Its Position on Nuclear Weapons. *The Diplomat*. April 22, 2013. <https://thediplomat.com/2013/04/china-has-not-yet-changed-its-position-on-nuclear-weapons/>

¹⁵ *China's National Defense in the New Era*. The State Council Information Office of the People's Republic of China. July 2019. Foreign Languages Press Co. Ltd., Beijing, China, 2019, p. 9.

¹⁶ China pursues nuclear strategy of self-defense: white paper. *Xinhua*. July 24, 2019 http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/24/c_138253330.htm

сдерживания, позволяет обладателю сравнительно небольшого ядерного потенциала поддерживать стратегическую неопределённость для потенциального агрессора, который не может быть уверен, что его первый удар способен обезоружить обороняющуюся сторону путём нанесения противосилового удара.

Для подтверждения своей политики неприменения ядерного оружия первым Китай заявляет о том, что ограничивает наращивание своего арсенала «минимальными» потребностями обороны, а программы модернизации направлены в основном на обеспечение живучести и надёжности средств ответного удара. Повышению живучести ядерных сил, несомненно, способствует создание и развёртывание мобильных МБР, а также укрытие значительной части ядерного потенциала, включая мобильные МБР и ракеты средней дальности, в сети подземных тоннелей – «Великой китайской подземной стены». Применяются и другие средства маскировки ядерных вооружений – строительство ложных шахтных пусковых установок МБР, а также скальных укрытий для ПЛАРБ.

В связи с ограниченностью информации о состоянии, перспективах развития и даже самом размере ядерного арсенала, предоставляемой Китаем, вопросы его ядерной политики и стратегии находятся в центре внимания многих специалистов и аналитических центров США и ряда других стран. Большинство (хотя далеко не все) считает, что декларируемая КНР политика неприменения ядерного оружия первым и оценки его ядерного потенциала (менее 300 ядерных боезарядов) всё же соответствуют действительности. Но некоторые исследователи приходят к выводу, что при определённых обстоятельствах Китай может изменить отношение к принципу неприменения ядерного оружия первым, а также отказаться от проповедуемой концепции «минимального сдерживания» в пользу обретения возможностей ведения ограниченной ядерной войны. Такие заключения делаются на основе данных о росте качественных характеристик китайских ядерных сил: это повышение точности попадания боеголовок в цель, развёртывание многозарядных головных частей на китайских МБР, прогнозы по значительному наращиванию общего количества ядерных вооружений страны и другие.

Тем не менее, на наш взгляд, всё это не вступает в противоречие с основным положением ядерной политики КНР – принципом неприменения ядерного оружия первым. Измениться может другое: у Китая появятся реальные возможности ограниченного ответа на ограниченное ядерное нападение. Иными словами, военно-политическое руководство, принимающее решение о применении ядерного оружия, получает дополнительные возможности и варианты ответных действий, кроме массированного ядерного удара по крупным незащищённым объектам противника – городам и промышленным центрам. При этом говорить о том, что повышение качества стратегических ядерных сил Китая создаёт угрозу первого противосилового удара по «вероятному противнику», не приходится ввиду несопоставимости размеров ядерных потенциалов сторон. В этом случае размер имеет значение.

ВЛИЯНИЕ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ НА ЯДЕРНУЮ СТРАТЕГИЮ И ПОЛИТИКУ КИТАЯ

Если Китай всё же согласится на участие в переговорах и выработку соглашения о контроле над ядерными вооружениями, его ядерная стратегия и политика, скорее всего, претерпят серьёзные изменения. Причиной станут не возможные ограничения, наложенные на ядерные силы КНР, и не навязанные невыгодные условия будущего соглашения, а сам факт заключения такого международного договора.

Если рассмотреть ряд советско-американских и затем российско-американских договоров в области контроля над ядерными вооружениями, можно достаточно чётко проследить эволюцию подходов сторон к решению проблемы безопасности и укреплению стратегической стабильности. На первых этапах стороны сумели договориться об ограничении количества пусковых установок стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования и количества подводных лодок-ракетоносцев. Затем в категорию стратегических вооружений включены тяжёлые бомбардировщики – носители ядерных крылатых ракет большой дальности и ядерных бомб свободного падения. Был введён запрет на некоторые категории ядерных вооружений, например, стратегических баллистических ракет воздушного базирования. После этого

речь пошла уже об ограничении ядерных боезарядов, развёрнутых на стратегических носителях сторон, а потом – и об их сокращениях. Под полный запрет попали баллистические и крылатые ракеты наземного базирования средней и меньшей дальности и сделана попытка полностью запретить МБР с разделяющейся боевой частью. Каждое из положений заключённых договоров становилось предметом самого серьёзного анализа экспертного сообщества и вызывало широкий интерес мирового сообщества.

Параллельно с этим развивался и механизм контроля за выполнением принятых на себя обязательств в соответствии с заключёнными договорами. В первых советско-американских соглашениях ОСВ-1 (1972 г.) и ОСВ-2 (1979 г.) контроль возлагался на «национальные технические средства» – разведывательные спутники сторон, которым стороны обязались «не чинить помех». Кроме того, стороны приняли на себя обязательства «не применять преднамеренные меры маскировки, затрудняющие осуществление контроля национальными техническими средствами».

В последующих соглашениях – Договоре о РСМД и особенно СНВ-1 – была выработана и принята всеобъемлющая система контроля, включающая обмен данными (в том числе с указанием географических координат каждой шахтной пусковой установки МБР), уведомления и инспекции на местах, и делающая практически невозможным сокрытие даже незначительного нарушения положений этих документов. Эта система контроля продолжает функционировать в рамках российско-американского нового договора о СНВ, заключённого в 2010 году.

Трудно себе представить, чтобы будущее соглашение с Китаем не включало бы в себя положений о проверке сторонами его выполнения. И вряд ли можно надеяться на то, что система такой проверки будет иметь «облегчённый» характер, как это было в ранних договорах ОСВ-1 и ОСВ-2. Напротив, как следует из заявлений официальных лиц США, вопросам проверки и контроля за соблюдением будущих договорённостей Соединённые Штаты будут уделять самое

В случае согласия Китая на заключение договора в сфере ядерных вооружений, он почти наверняка должен будет отказаться от принципа неприменения ядерного оружия первым.

пристальное внимание. Об этом, в частности, заявлял исполняющий обязанности заместителя госсекретаря по вопросам контроля над вооружениями и нераспространению Кристофер Форд¹⁷.

И даже если такое соглашение не будет налагать обязательств по сокращению ядерного потенциала Китая, ему в любом случае придётся предоставить исчерпывающую информацию о своих ядерных вооружениях и местах их дислокации. Кроме того, Китай должен будет отказаться от средств маскировки ядерных сил, изменить места дислокации мобильных ракетных комплексов и допустить иностранных инспекторов на секретные объекты (включая «Великую китайскую подземную стену») для подтверждения корректности предоставленной информации и действий в связи с принятыми на себя обязательствами.

Вполне объяснимые и стандартные с точки зрения договора по контролю над вооружениями меры могут иметь катастрофические последствия для всей декларируемой ядерной политики КНР. Дело в том, что в результате раскрытия соответствующей информации и осуществления мер контроля ядерный арсенал Китая станет полностью уязвимым для первого удара¹⁸. Ведь потенциальный агрессор, обладающий значительным преимуществом в ядерных вооружениях, может гарантированно уничтожить весь ядерный арсенал своего оппонента, обладая исчерпывающей информацией о местах его дислокации. При этом он имеет теоретическую возможность израсходовать даже значительно большее количество своих ядерных вооружений, чем потеряет жертва агрессии (в данном случае Китай), но всё равно сохранит в резерве огромный потенциал наступательных средств. Ответный же удар в такой ситуации нанести будет просто нечем. Декларируемый КНР принцип неприменения ядерного оружия потеряет кредитоспособность, то есть превратится в пропаган-

17 Christopher A. Ford. US Priorities for “Next Generation Arms Control”. US Department of State. *Arms Control and International Security Papers*, Volume 1, Number 1. April 06, 2020. P. 4.

18 На высокую уязвимость китайских ядерных сил обращает внимание академик Алексей Арбатов, который считает, что США способны уничтожить до 90% выявленного китайского ядерного арсенала в первом ударе. Alexey Arbatov. “Trilateral Nuclear Arms Control – A Russian Assessment” in Ulrich Kuhn (ed.) /Alexey Arbatov / David Santoro / Tong Zhao. *Trilateral Arms Control? Perspectives from Washington, Moscow, and Beijing*. IFSH Research Report #002. March 2020. P. 50.

дистский лозунг, не подкреплённый реальными возможностями осуществить эту политику на практике.

Именно эти соображения, скорее всего, лежат в основе отказа Китая от участия в переговорах по контролю над ядерными вооружениями, по крайней мере, до тех пор, пока стратегическая ситуация в рассматриваемой сфере не изменится самым решительным образом. И одним из важнейших условий вступления в такие переговоры, о чём Пекин открыто заявляет, является продолжение глубоких сокращений ядерных арсеналов России и США до «сопоставимых» с Китаем уровней.

ВЕРОЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УЧАСТИЯ КИТАЯ В ДОГОВОРЕ ПО КОНТРОЛЮ НАД ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ

Итак, в обозримом будущем согласие Китая на вступление в переговоры по контролю над ядерными вооружениями и заключение соответствующего соглашения маловероятно. Тем не менее имеет смысл попытаться ответить на ряд вопросов о том, какие решения в военно-политической области могут быть приняты китайским руководством в случае, если ему все же придётся уступить натиску США. Среди таких вопросов одним из важнейших, на наш взгляд, является возможность сохранения Китаем принципа неприменения ядерного оружия первым.

Сегодня этот принцип обеспечивается не столько количественными характеристиками китайского ядерного арсенала, сколько скрытностью его развёртывания, мерами маскировки и отказом от предоставления соответствующей информации. Китаю придётся приложить большие усилия по обеспечению неуязвимости хотя бы какой-то части ядерных сил, чтобы, раскрыв информацию об их дислокации при значительно меньшем (по сравнению с партнёром или партнёрами по будущему договору) количестве, сохранить потенциал ответного удара. Без резкого наращивания ядерного арсенала с упором на наименее уязвимые стратегические системы (мобильные МБР и ПЛАРБ) сделать это невозможно. Всё это потребует не только значительных затрат, но и времени. И даже если выработка нового договора затянется на 2–3 и даже на 5 лет, к моменту её завершения больших изменений в количественной и качественной структуре стратегических ядерных сил КНР не произойдёт.

Проблема уязвимости стратегических ядерных сил также теоретически может быть решена (хотя бы частично) путём создания и развёртывания средств ПРО вокруг районов их дислокации. Но это также потребует больших затрат, кроме того – такая программа вряд ли осуществима в ограниченные сроки.

Ещё одним решением проблемы уязвимости стратегических ядерных сил Китая может стать принятие концепции «встречного удара» или «запуска по оповещению об атаке». Хотя и с большой натяжкой, такую концепцию можно считать соответствующей принципу неприменения ядерного оружия первым. Но в этом случае необходимо создать такую систему оповещения, основанную на спутниках раннего предупреждения и РЛС дальнего обнаружения. При этом нет гарантий, что данная система позволит вовремя оповестить военно-политическое руководство страны о запуске ракет в сторону территории Китая, если удар будет нанесён при помощи американских БРПЛ с коротким подлётным временем, обладающих противосиловым потенциалом. Кроме того, при подобном сценарии стратегические силы КНР должны будут постоянно находиться в высокой степени боеготовности. Это означает, что Пекину придётся отказаться от отдельного хранения боеголовок ракет и установить их на стратегические носители, продемонстрировав готовность к немедленным ответным действиям в случае оповещения об атаке.

Итак, в случае согласия Китая на выработку и заключение договора в сфере ядерных вооружений, он почти наверняка должен будет отказаться от принципа неприменения ядерного оружия первым со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наряду с прочим это может спровоцировать взвинчивание гонки вооружений и принятие Пекином более агрессивных концепций применения ядерного оружия.

Китаю гораздо проще отказаться от переговоров по контролю над ядерными вооружениями, чем бороться с отрицательными последствиями военно-стратегического характера, которые неизбежны в случае его участия в таком международном соглашении. В связи с этим Соединённым Штатам стоило бы ещё раз оценить свою политику по вовлечению Китая в переговоры по контролю над ядерными вооружениями и сконцентрировать внимание на

российско-американских стратегических отношениях, включая продление сроков действия нового договора о СНВ без увязок и каких-либо дополнительных условий.

Что касается России, то её нынешняя позиция по отказу от оказания давления на Китай с целью его вовлечения в переговоры представляется обоснованной. С политической точки зрения «трёхстороннее соглашение» будет означать, что Россия на официальном уровне, пусть и формально, но рассматривает Китай в качестве такого же «партнёра» (если не сказать «вероятного противника»), как и Соединённые Штаты, стратегические отношения с которыми основаны на концепции ядерного сдерживания и определяются соотношением ядерных сил и их возможностями по нанесению первого и ответного ударов. Кстати говоря, согласие на участие в переговорах со стороны Китая будет означать то же самое по отношению к России. Перевод российско-китайских отношений в такую плоскость вряд ли может отвечать интересам наших стран.

Продление ДСНВ: есть ли шанс успеть?

Антон Хлопков, Анастасия Шаврова

А.В. Хлопков – директор Центра энергетике и безопасности (ЦЭБ).

А.С. Шаврова – приглашённый научный сотрудник, ЦЭБ.

Данный текст представляет собой краткое изложение материала «Пять шагов на пути к продлению ДСНВ. Особенности процедуры в Российской Федерации», опубликованного на сайте журнала «Россия в глобальной политике»: <https://globalaffairs.ru/articles/pyat-shagov-na-puti-k-dsnv/>

В феврале 2021 г. истекает десятилетний срок действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (далее – ДСНВ) – последнего из оставшихся соглашений в области контроля над вооружениями между Россией и США. 5 декабря 2019 г. президент России Владимир Путин предложил продлить действие Договора «как можно быстрее» и «без предварительных условий». Инициатива главы государства была формализована в дипломатической ноте МИД России, переданной в Государственный департамент США 20 декабря 2019 года. Однако ответа от Вашингтона нет, а времени для совершения даже формальных действий, необходимых для продления, остаётся критически мало.

В истории российско-американских отношений имеются прецеденты, когда фактор времени играл определяющую роль для вступления в силу двухсторонних соглашений по ядерной проблематике. К их числу, например, можно отнести Соглашение между правительством США и правительством РФ о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (часто называют «Соглашение 123»). Документ был подписан 6 мая 2008 г. и вступил в силу 11 января 2011 года. Ввиду особенностей законодательной процедуры в Соединённых Штатах, американской стороне пришлось дважды вносить документ на рассмотрение

Конгресса. В итоге уже при администрации Барака Обамы повторно внесённое Соглашение 123 было одобрено, и произошло это благодаря наиболее продолжительной за почти три десятилетия работе старого состава Конгресса США после избрания нового (так называемой сессии «хромых уток»).

В этой статье авторы оценивают минимальное время, необходимое для придания продлению ДСНВ юридической силы. Процедура будет включать пять основных шагов.

Шаг №1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ О ПРОДЛЕНИИ ДОГОВОРА

Первоочередным шагом должно стать подтверждение согласия на продление Договора, которое принимается на уровне глав государств. Российский президент заявил о готовности к пролонгации ДСНВ без предварительных условий в декабре 2019 года. Дело за Вашингтоном, откуда до недавнего времени поступали разные сигналы, в том числе ссылки на незавершённость процедуры межведомственного согласования вопроса о будущем Договора и, по сути, необходимость внесения в Договор изменений принципиального характера относительно участников (вовлечение Китая) и сферы охвата (за счёт включения новейших российских систем вооружений).

Чтобы иметь возможность оценить минимальное время, необходимое для осуществления процедуры продления Договора, авторы далее исходят из того, что в итоге Белый дом всё же примет решение о продлении ДСНВ в его первоначальном виде (в противном случае нет предмета для дальнейшего исследования в рамках данной статьи). Тогда время, необходимое для осуществления процедуры продления, надо отсчитывать с момента объявления президентом США готовности пролонгировать документ.

Шаг №2. СОВМЕСТНОЕ РАССМОТРЕНИЕ СТОРОНАМИ ВОПРОСА О ПРОДЛЕНИИ ДОГОВОРА

Следующий шаг – совместное рассмотрение сторонами вопроса о продлении Договора, включая, в случае необходимости, переговоры по документу о продлении ДСНВ. Под документом о продлении здесь и далее понимается любая форма пролонгации, выбранная сторонами (протокол, соглашение, обмен нотами и другое).

Для начала переговоров с российской стороны не требуется дополнительных решений президента или правительства. МИД России уже формализовал предложение провести переговоры о продлении Договора в ноте Госдепартаменту США.

После начала совместной работы сторонам предстоит определить: а) форму документа о продлении ДСНВ; б) формулировку положения о вступлении в силу документа о продлении Договора с учётом необходимости выполнения сторонами внутрисовременных процедур, требуемых для его вступления в силу; в) срок продления (не более пяти лет); если стороны выберут единый документ о продлении (протокол или соглашение), он должен быть составлен на русском и английском языках. Трудно предположить, что процесс совместного рассмотрения вопроса о продлении Договора – вне зависимости от того, будет ли он проходить в очной или, учитывая эпидемиологическую ситуацию в мире и сохраняющиеся ограничения на поездки, заочной форме – займёт менее одной рабочей недели.

Шаг №3. ФОРМАЛИЗАЦИЯ СОВМЕСТНОГО РЕШЕНИЯ О ПРОДЛЕНИИ ДОГОВОРА

Формализация совместного решения о продлении Договора в выбранной форме (например, подписание Протокола о продлении ДСНВ или заключение Соглашения о продлении в форме обмена нотами) с российской стороны потребует согласия президента. МИД России, самостоятельно или совместно с другими профильными ведомствами, представляет предложение о заключении такого документа главе государства. Оно также должно быть предварительно согласовано с профильными федеральными органами исполнительной власти. Далее на основании представленных документов должно быть подготовлено распоряжение президента о подписании (заключении) документа о продлении ДСНВ. С учётом необходимости межведомственной проработки и согласования документа формализация договорённости о продлении Договора при самом оптимистичном сценарии займёт не менее одной рабочей недели.

Учитывая важность документа для режима ядерного нераспространения и системы международной безопасности, пред-

ставляется, что (в случае продления ДСНВ в форме единого документа) приоритетным вариантом является церемония с участием президентов двух стран в одном из европейских городов, а альтернативным – с участием глав внешнеполитических ведомств России и США. Сам ДСНВ, напомним, был подписан в Праге, а двухсторонние встречи по вопросам стратегической стабильности в 2017–2020 гг. проводились в Вене, Женеве и Хельсинки.

На сроки заключения документа о продлении ДСНВ могут повлиять графики президентов двух стран (или глав внешнеполитических ведомств). Если выбор будет сделан в пользу подписания документа главами МИД России и Государственного департамента США и не позднее середины января 2021 г. удастся завершить предшествующие подписанию процедуры, площадкой для церемонии может выступить Обзорная конференция по рассмотрению ДНЯО-2020, перенесённая из-за пандемии коронавируса и предварительно назначенная на январь 2021 года. Продление ДСНВ до начала или в период Обзорной конференции продемонстрирует приверженность двух крупнейших ядерных держав выполнению обязательств по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия и способно оказать позитивное влияние на ход Конференции. Церемония подписания, наряду с очной встречей представителей двух стран, может проходить и в заочном формате – в Москве и Вашингтоне.

Шаг №4. ВЫПОЛНЕНИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЦЕДУР, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ВСТУПЛЕНИЯ ДОКУМЕНТА О ПРОДЛЕНИИ ДОГОВОРА В СИЛУ

Заключение документа о продлении Договора требует в России одобрения законодательного органа государственной власти в виде принятия федерального закона. До внесения законопроекта в парламент необходимо получить заключение правительства, поскольку документ о продлении ДСНВ будет затрагивать вопросы, связанные с расходами из федерального бюджета. Процесс ратификации документа о продлении идентичен тому, как ратифицировался сам ДСНВ, начиная с внесения президентом соответствующего законопроекта в ГД РФ, которое должно со-

проводятся пакетом документов, аналогичным тому, что направлялся при внесении законопроекта о ратификации Договора. Таким образом, вся процедура одобрения документа о продлении в Российской Федерации будет проходить следующие этапы: МИД России – правительство – президент – Государственная Дума – Совет Федерации – президент. Ниже представлены многосторонние и двухсторонние соглашения в области нераспространения и контроля над вооружениями, заключённые Российской Федерацией, и время прохождения ими ратификационных процедур в законодательном органе государственной власти.

Таблица 1. Ратификация Российской Федерацией международных соглашений в ядерной сфере

	Законопроект о ратификации внесён в ГД ФС РФ	Законопроект подписан президентом РФ	Срок ратификации
Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)	20.11.1999	27.05.2000	6 месяцев 7 дней
Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП)	09.12.2002	29.05.2003	5 месяцев 20 дней
Протоколы к Соглашению между РФ и США относительно безопасных и надёжных перевозки, хранения и уничтожения оружия и предотвращения распространения оружия (от 17 июня 1992 г.)	22.02.2007	22.07.2008	17 месяцев
Поправка к Конвенции о физической защите ядерного материала	24.04.2008	22.07.2008	2 месяца 28 дней
Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ)	28.05.2010	28.01.2011	8 месяцев
Протоколы I и II к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (Договор Пелиндаба)	23.08.2010	20.03.2011	6 месяцев 25 дней
Протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (Договор о ЦАЗСЯО)	12.03.2015	20.04.2015	1 месяц 8 дней

Напомним, что ратификация ДСНВ с момента регистрации соответствующего законопроекта в Госдуме заняла восемь месяцев. Средний срок ратификации указанных в таблице соглашений составляет около семи месяцев, а минимальный (Протокола к Договору о ЦАЗСЯО) – один месяц и восемь дней. В законодательной практике имеется прецедент ещё более быстрой ратификации международного договора – Киотского протокола – за 28 дней, что, впрочем, следует считать исключением. Кроме того, на последние 40 дней действия ДСНВ приходятся новогодние каникулы.

В случае с документом о продлении ДСНВ срок его ратификации может быть сокращён, если, например, Государственная Дума одобрит законопроект в одном чтении, а не в трёх. Именно в одном чтении проходило рассмотрение законопроектов о ратификации Протокола к Договору о ЦАЗСЯО и Киотского протокола, что, не являясь единственным фактором, всё же способствовало значительному ускорению процесса. Выиграть время также может согласование законопроекта с профильными ведомствами в ускоренном режиме.

Принимая во внимание президентский характер инициативы о продлении Договора, Федеральное Собрание, вероятно, будет готово рассмотреть соответствующий законопроект в приоритетном порядке и одобрить его в минимальный технически возможный срок, который, как было показано выше, составляет около одного месяца.

Шаг №5. ОБМЕН ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ НОТАМИ О ЗАВЕРШЕНИИ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЦЕДУР

Завершающая процедура – обмен дипломатическими нотами о завершении необходимых внутригосударственных процедур. Если нет другой договорённости, процедура обмена ратификационными грамотами (дипломатическими нотами) осуществляется МИД России или по его поручению – российским дипломатическим представительством в иностранном государстве/при международной организации. Сергей Лавров и Хиллари Клинтон обменялись ратификационными грамотами ДСНВ на полях Мюнхенской конференции по международной безопасности 5 февраля 2011 года. Символической площадкой для обмена нотами и вступления доку-

мента о продлении в силу могла бы стать Обзорная конференция по рассмотрению действия ДНЯО, если, например, стороны не используют её для подписания документа.

Таблица 2. Оценка минимального времени, необходимого для продления ДСНВ

	Этап	Минимальное время, необходимое для реализации
1.	Политическое решение о продлении Договора	~ 0 дней
2.	Совместное рассмотрение сторонами вопроса о продлении Договора	~ 7 дней
3.	Формализация совместного решения о продлении Договора	~ 7 дней
4.	Выполнение внутригосударственных процедур, необходимых для вступления документа о продлении Договора в силу	~ 30 дней
5.	Обмен дипломатическими нотами	~ 1 день (идеальный сценарий)
Минимальное время, необходимое для продления ДСНВ		~ 45 дней

Таким образом, при самом благоприятном сценарии процесс, связанный с рассмотрением сторонами вопроса о продлении Договора, выработкой документа о продлении ДСНВ и выполнением всех необходимых внутригосударственных процедур, займёт не менее 45 дней с момента объявления американским президентом политического решения о продлении Договора. Срок может увеличиться на 10 дней, если указанный 45-тидневный период придётся на первую декаду января 2021 г., которая будет в России нерабочей.

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ В США

Спроецируем наши выводы на политические реалии в США, где 3 ноября 2020 г. состоятся очередные президентские выборы. Соперником республиканца Дональда Трампа от Демократической партии, вероятно, станет Джозеф Байден. Существует три возможных сценария развития событий в отношении будущего ДСНВ.

Первый сценарий. Соединённые Штаты отказываются продлить Договор, и срок его действия истекает 5 февраля 2021 года.

В результате утраты последнего российско-американского механизма взаимной предсказуемости и транспарентности в области стратегических вооружений многократно возрастут риски скатывания в неконтролируемую гонку вооружений. Режим контроля над вооружениями прекратит существование в том виде, в котором мир знает его последние десятилетия.

Второй сценарий. Действующая администрация США соглашается на продление ДСНВ в его первоначальном виде, и происходит это до президентских выборов. Если такое решение будет объявлено до ноября 2020 г., у сторон останется достаточно времени, чтобы согласовать текст документа о продлении, подписать его (в случае необходимости) и выполнить внутригосударственные процедуры до 5 февраля 2021 года. Если принимать во внимание политические риски такого шага для Дональда Трампа в октябре 2020 г., то есть в последние недели президентской кампании (учитывая, что договор был заключен администрацией, где Джозеф Байден занимал пост вице-президента), целесообразным было бы принятие решения о продлении ДСНВ до конца сентября 2020 года. Открытие юбилейной 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН запланировано на 15 сентября 2020 года.

Третий сценарий. Решение о продлении ДСНВ принимается американской стороной после очередных президентских выборов. При этом сценарии в случае переизбрания Трампа на второй срок решение о продлении Договора, принятое в течение месяца после президентских выборов, то есть не позднее первой декады декабря, также, вероятно, оставит сторонам достаточно времени на согласование документа о продлении ДСНВ и выполнение внутригосударственных процедур, несмотря на рождественские и новогодние каникулы в США и России. Более позднее решение в пользу сохранения Договора (но не позднее последней недели января 2021 г.) потребует включения положения о временном применении в текст документа о продлении ДСНВ.

В случае победы на выборах кандидата демократов решение новой администрации о продлении может приниматься после вступления в должность 46-го президента США, то есть не ранее 20 января 2021 года. Таким образом, до истечения срока действия ДСНВ останется всего 16 дней. Единственным вариантом сохра-

нения Договора является оперативное совместное рассмотрение сторонами вопроса о продлении и согласование документа о продлении, который в обязательном порядке должен включать положение о временном применении.

Российская Федерация относится к числу государств, где органы исполнительной власти вправе самостоятельно (без участия законодательного органа государственной власти) принимать решение о временном применении международных договоров, для вступления в силу которых требуется согласие парламента и принятие соответствующего федерального закона, если в соответствующих документах есть положение о временном применении. Временное применение документа о продлении ДСНВ будет иметь такие же правовые последствия, как и вступивший в силу документ, так как на него будет распространяться один из основных принципов Венской конвенции о праве международных договоров – *pacta sunt servanda* («договор должен соблюдаться», статья 26 Конвенции). Однако временное применение не может заменить собой вступление документа о продлении (например, Протокола о продлении) в силу. ФЗ №101 требует, чтобы временно применяемый договор (вне зависимости от его формы) был внесён на ратификацию не позднее шести месяцев с момента его подписания. Несоблюдение этого обязательства, по мнению некоторых юристов, порождает конфликт между требованиями, которые устанавливают национальное и международное право. В контексте продления ДСНВ, в частности, это может создать серую зону в части иммунитетов и привилегий американских инспекторов и членов лётных экипажей инспекционных самолётов в Российской Федерации.

В случае победы кандидата от Демократической партии с ноября 2020 г. по январь 2021 г. востребованным может оказаться использование российско-американских экспертных площадок в жанре «второй» дорожки, дискуссия на которых могла бы содействовать подготовке продления ДСНВ в условиях жесточайшего цейтнота. Такой диалог между экспертным и академическим сообществами может способствовать выработке необходимых предпосылок, чтобы к моменту вступления в должность нового президента США у сторон как минимум имелись экспертные на-

работки и взаимное понимание порядка совместных действий по сохранению ДСНВ на срок до пяти лет.

* * *

Затягивание решения о будущем Договора – большой, а главное – неоправданный риск. Ситуация в мире, связанная с *COVID-19*, не только накладывает серьёзные ограничения на систему международного взаимодействия, в том числе в области безопасности, но и создаёт новые вызовы. ДСНВ занимает важное место в отношениях России и США, отвечая национальным интересам обоих государств, и относится к числу системообразующих элементов архитектуры международной безопасности. ДСНВ не только позволяет взаимно ограничить наращивание стратегических потенциалов Москвы и Вашингтона, но и является возможностью получить представление о том, что происходит в стратегических силах друг друга: за девять лет действия соглашения стороны провели 300 инспекций и обменялись более 20 тысячами уведомлений по вопросам стратегических сил. Вокруг Договора сформировалась многоступенчатая структура российско-американского взаимодействия, которая в условиях резко сократившегося за последние годы числа «каналов связи» между ядерными сверхдержавами имеет самостоятельную ценность. Потеря последнего действующего российско-американского соглашения в области контроля над вооружениями, особенно после выхода США из Договоров по ПРО, РСМД и объявления решения выйти из Договора по открытому небу, не только негативно скажется на отношениях двух государств, но и сделает мир более уязвимым и менее предсказуемым, вероятно, спровоцировав неконтролируемую гонку вооружений в условиях, когда приоритетом для всех без исключения стран, включая Россию и США, на обозримую перспективу должно стать восстановление экономики и преодоление тяжелейших последствий пандемии коронавируса. Непродление ДСНВ также ещё более обострит ситуацию вокруг Договора о нераспространении ядерного оружия, который и так испытывает на себе беспрецедентное давление.

Постъядерный ядерный мир

Страх войны в XXI веке

Дмитрий Стефанович, Сергей Полетаев

Д.В. Стефанович – научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, внештатный научный сотрудник Института исследования проблем мира и безопасности при Гамбургском университете (*IFSH*), сооснователь проекта «Ватфор», эксперт РСМД.

С.А. Полетаев – сооснователь проекта «Ватфор».

Мы слишком долго жили с пониманием неизбежности ядерной войны, и вот теперь это понимание совершенно забыто – до тех пор, пока война внезапно не нагрянет в пять утра.

Шон О’Нил.

Ранним утром 13 января 2018 г. на телефоны жителей Гавайских островов поступили сообщения от службы *HI-EMA*, местного аналога МЧС: «К островам приближается межконтинентальная баллистическая ракета, срочно укройтесь в убежище, это не учения». Дальше всё происходило как в начале игры *Fallout 4*: всеобщая паника, забег к убежищам, попытки скрыться на автомобилях в горном тоннеле, закрытие и эвакуация аэропорта и так далее. Ослепительной вспышки в небе, впрочем, не последовало: тревога оказалась ложной, сообщения отправили по ошибке.

Для всего мира эта новость прошла в рубрике приколов, однако на самих Гавайях было не до смеха. Как раз тогда в разгаре был очередной кризис между КНДР и США, на Тихоокеанском ракетном испытательном полигоне (Кекаха, округе Кауаи, штат Гавайи) проводились регулярные противоракетные испытания, а в СМИ и соцсетях нагнетались соответствующие настроения. Этого ока-

залось достаточно для того, чтобы у гавайцев проснулось давно, казалось бы, позабытое предчувствие войны.

СПИРАЛЬ ИСТОРИИ

На рубеже 40-х и 50-х гг. прошлого века ядерная война казалась для американцев чем-то вполне будничным, почти естественным. Ещё каких-то пять лет назад атомные бомбы сбросили на Японию, и эффект от них оказался примерно таким же, как от обычных массированных воздушных бомбардировок: полное разрушение города, огненные смерчи, десятки тысяч жертв. И военными, и обществом атомное оружие поначалу воспринималось просто как большая бомба, а обсуждения вариантов его применения носили прикладной характер: так, в Корее американские военные выбирали между обычной бомбардировкой городов по примеру Второй мировой и ядерной атакой на мосты и тоннели с целью отрезать КНДР от китайского и советского снабжения, шла подготовка к атомным ударам по советским войскам, если те открыто вступят в войну на стороне Севера. В апреле 1951 г. на базу в Гуаме даже перебрасывались бомбардировщики В-29 в полном оснащении и со снаряжёнными атомными бомбами¹.

– Господин президент, правда ли, что сейчас стоит вопрос о применении атомной бомбы?

– Такой вопрос стоит всегда. Это один из видов нашего вооружения.

– Означает ли это применение против военных или против гражданских объектов?

– Этот вопрос находится в ведении военного руководства. Я – не военное руководство и не принимаю решений на этот счет. <...> За применение того или иного оружия на поле боя отвечает командование на местах.

Пресс-конференция Г. Трумэна, ноябрь 1950 г.

Аналогичные манёвры во время Берлинского кризиса происходили и в Европе, где угроза применения атомной бомбы («ядерный

¹ Roger Dingman. Atomic Diplomacy During the Korean War. International Security. Vol. 13, No. 3 (Winter, 1988-1989), pp. 50-91.

шантаж») считалась прямым инструментом сдерживания коммунистической экспансии, мнимой или реальной. Впрочем, расчёты второй половины 1940-х гг. показывали, что даже массированная бомбардировка не привела бы к немедленному уничтожению советского военного потенциала, то есть начатая таким образом война обещала быть затяжной².

Что касается американской публики, то она поначалу восхищалась новым оружием. Гламурные персонажи с удовольствием посещали испытания в Неваде, образ атомного гриба тиражировался в моде и рекламе. Всё стало меняться после того, как атомной, а затем и термоядерной бомбой обзавёлся Советский Союз. И общество, и элиты в США внезапно осознали, что они теперь – тоже цель. Восхищение сменилось страхом, Америку охватила предвоенная истерия. На задних дворах, под площадками для барбекю рылись убежища, в школах и на предприятиях проводились учения. Примета времени – учебно-пропагандистский фильм *Duck and Cover* («Пригнись и накройся»), в котором черепаха Берт учит правильным действиям во время ядерной атаки.

«Пусть эта бомба, когда она придёт, застанет нас за какими-то разумными и человеческими вещами – молитвой, работой, учёбой, чтением, слушанием музыки, купанием детей, игрой в теннис, болтовнёй с друзьями за пинтой пива и игрой в дартс – а не жмущимися друг к другу, как испуганные овцы, и думающими о бомбах. Они могут разрушить наши тела, но они не должны господствовать над нашим разумом».

Клайв Льюис

Кульминацией этого периода стал «Спутниковый кризис»: запущенная нашей страной в октябре 1957 г. первая космическая ракета стала в Соединённых Штатах сенсацией – но рассматривалось это событие вовсе не как достижение советской науки и техники. Раз в полтора часа сверкающая точка проносилась над Вашингтоном, и американцы своими глазами видели: они теперь беззащитны для атаки из-за океана. Опасность стала реальной, почти осязаемой,

² См., например, доклад Объединённого комитета начальника штабов JCS 1953/1 от 1949 года.

однако спираль конфронтации продолжала по инерции раскручиваться ещё несколько лет.

«Орудия войны должны быть уничтожены до того, как они уничтожат нас».

*Джон Кеннеди, выступление
на Генеральной Ассамблее ООН, сентябрь 1961 г.*

«Только сумасшедшие могут так поступать или самоубийцы, желающие и сами погибнуть, и весь мир перед тем уничтожить».

*Никита Хрущёв, второе письмо Джону Кеннеди,
октябрь 1962 г.*

В октябре 1962 г. разразился Карибский кризис. Несколько недель мир балансировал на грани – и отступил назад. Перспектива непосредственного взаимного уничтожения отрезвила политиков – в первую очередь именно политиков, так как ни американское, ни тем более советское общество тогда не обладало полной информации и не вполне понимало, чего именно только что избежал мир. В Америке исход кризиса преподносился как победа США, а у нас – как победа антивоенных сил. К правде, пожалуй, ближе второе: именно после октября 1962 г. в массовом сознании стала закрепляться мысль о категорической недопустимости применения ядерного оружия.

С конца 1950-х и до середины 1960-х гг. параллельно двум кризисам формировалось и понятие ядерного сдерживания (работы Бернарда Броди, Джона Бреннана, Томаса Шеллинга, Мортон Гальперина и другие), при этом одновременно обосновывались и подходы к контролю над вооружениями как важному элементу соответствующего состояния военно-политических отношений. Вокруг определения «ядерного сдерживания» как такового можно долго спорить, однако важно учитывать и наличие официальных формулировок.

Серьёзным подспорьем в этом деле стала публикация в июне 2020 г., впервые в отечественной истории, «Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». Согласно этому документу, ядерное сдерживание «направлено на

обеспечение понимания потенциальным противником неотвратимости возмездия в случае агрессии» и подкреплено в том числе «...готовностью и решимостью Российской Федерации применить такое оружие». При этом осуществляется оно «непрерывно в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, вплоть до начала применения ядерного оружия», то есть в случае применения ядерного оружия сдерживание уже не работает и, вероятно, восстановлению не подлежит.

Достаточно цельной выглядит и формулировка, представленная в Военно-энциклопедическом словаре Минобороны России (пусть её статус и ниже, чем у документа стратегического планирования, утверждённого указом президента): «Согласованная система действий ядерных сил, направленная на недопущение агрессии, либо, в случае её развязывания, на предотвращение (недопущение, прекращение) эскалации военного конфликта или войны; одна из мер силового характера сдерживания стратегического, основанная на уникальных свойствах ядерного оружия... осуществляется в мирное и в военное время на всех этапах подготовки и ведения военных действий вплоть до массированного применения ядерного и других видов оружия массового поражения в крупномасштабной войне... основывается на принципах либо «недопущения победы», либо «обесценивания победы» («неотвратимости возмездия»)»³.

Именно «недопущение» и/или «обесценивание» победы с помощью ядерного оружия и является важнейшим элементом той системы военно-политических отношений, которая позволила нам пережить холодную войну.

«Когда был Карибский кризис, у меня был “фольксваген”, и как-то раз я сидел в нём с девушкой. Мы слушали радио, и это было похоже на конец света. Бомбы надвигались, и всё это казалось очень реалистичным. Мне было около 18 лет».

Кристофер Уокен

³ Вместе с тем весьма продолжительное время в отечественной традиции термин «ядерное сдерживание» не очень приветствовался. В частности, он отсутствует в Военном энциклопедическом словаре (под ред. Н.В.Огаркова) 1983 года.

Что касается общественного восприятия, то, несмотря на обострение холодной войны в 1980-е гг., страх европейцев перед советскими ракетами, страх советского руководства перед американскими ракетами средней дальности, вернувшимися в Европу, в целом предчувствие неизбежной атомной смерти смещалось на периферию и постепенно забывалось. Этому способствовало и всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний: без регулярной наглядной демонстрации сокрушительной мощи атомного оружия опасность становилась чем-то абстрактным и далёким, вроде землетрясения или извержения вулкана. С распадом же СССР и окончанием холодной войны даже эти страхи отправились на свалку. Из массового западного сознания тема ядерной войны почти исчезла, вскоре уступив место другой фобии – исламскому терроризму.

Будучи уверенными в контроле над российской внешней политикой, США поспособствовали концентрации советского ядерного арсенала в России, а западная экспертиза в этой сфере стала сужаться до вопросов контроля над его сокращением, предотвращением утечки мозгов и материалов из атомной отрасли. Восприятие российского ядерного оружия как военной угрозы стало отходить на второй план – экспертные доклады пестрели формулировками вроде «советское ядерное наследие»⁴. Россия же, несмотря на глубокий упадок, крах экономики и развал армии, по-прежнему считала себя стратегически независимой страной, а ядерное оружие – последним гарантом этой независимости. Снова, как и на заре атомной эры, возникла опасная асимметрия взаимного восприятия, которая к середине нулевых превратилась в пропасть и привела к долгому и беспросветному кризису в российско-американских отношениях.

Тем не менее даже в таком ослабленном виде понимание невозможности победы при помощи ядерного оружия по-прежнему способствовало относительной стабильности в отношениях не только между Россией и США, но и с Китаем, а также между другими странами, обладающими ядерным оружием (независимо от их статуса относительно режима нераспространения или национальных ядерных доктрин).

⁴ См., например, доклад SIPRI *'The Soviet Nuclear Weapon Legacy'* от 1995 года.

ЯДЕРНОЕ И НЕЯДЕРНОЕ

Возвращаясь к боевым задачам ядерного оружия, нельзя не отметить эволюцию его роли в военном планировании как в нашей стране, так и в США и НАТО. Относительно современное учебное пособие (2007 г.) по военной истории для слушателей общевоинской академии⁵ сообщает следующие хронологические факты о роли и месте ядерного оружия в отечественной традиции:

- середина 1950-х гг.: основная форма применения ядерного оружия – атомная подготовка атаки, которая по опыту учений обычно планировалась перед артиллерийской и авиационной подготовкой;
- конец 1950-х гг.: ядерные удары включены в артиллерийскую и авиационную подготовку и поддержку, которые получили название «огневая подготовка наступления» и «огневая поддержка наступления»;
- начало 1960-х гг.: ядерные удары становятся самостоятельными элементами операции и боя, не включаются в огневую подготовку и поддержку (которые проводятся только обычными средствами);
- конец 1970-х гг.: переход к обучению войск действиям преимущественно без применения ядерного оружия.

У «партнёров» же на первом этапе холодной войны, именно ядерными средствами планировалось компенсировать количественное, да и качественное превосходство обычных вооружённых сил СССР, а затем и Организации Варшавского договора на европейском театре военных действий.

С течением времени, а также с развитием новых технологий с обеих сторон появились иные подходы к решению военных задач (тем более что боевые действия в условиях применения ядерного оружия – довольно неприятное, сложное и трудно прогнозируемое дело) – случилась так называемая «революция в военном деле»⁶.

⁵ «Военная история», под ред. А.Ю. Потапова, Общевоинская академия Вооруженных сил Российской Федерации, 2007. Ссылка: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24687876>

⁶ См., например, Дж. Коллинз, Э. Фаттер «Размышления о революции в военном деле и её влиянии на принятие решений», Валдайская записка №41. Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016. Ссылка: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-1-41-razmyshleniya-o-revoljutsii/>

Развитие высокоточного неядерного оружия большой дальности, разведывательно-ударных комплексов и прочих интересных вещей с особым акцентом на космическую инфраструктуру и высокопроизводительные вычислительные средства позволило условно выйти из «ядерного тупика». Одновременно появление таких новых «инструментов» привело к ситуации, когда часть нестратегических, тактических задач, решение которых ранее возлагалось на ядерные вооружения, стало возможно решить неядерными средствами. Подчеркнём – речь не о разрушительной мощи, а об эффективности поражения, вывода из строя тех или иных военных или инфраструктурных объектов.

При этом если для СССР/России и США разделение на «тактическое» и «стратегическое» ядерное оружие ещё хоть как-то можно прописать, что и позволило заключить серию договоров в области контроля над вооружениями (а также их сокращения и уничтожения), то для третьих стран ситуация резко меняется. Одни и те же «тактические» дальности и мощности ядерных вооружений приобретают весьма «стратегический» характер, если их рассматривать в приложении не к России и Америке, а, скажем, к Индии и Пакистану.

Возвращаясь к биполярной военно-технологической динамике, отметим, что в случае США полный отказ от «тактического» ядерного оружия был возможен в связи с качественным и количественным превосходством в области высокотехнологичных вооружений, а также доминированием в Мировом океане, сделавшим прямую угрозу континентальным Соединённым Штатам практически невозможной. Для России же вплоть до последнего времени возможности «тактически-ядерного» разоружения были весьма ограничены в силу как технологических, так и географических факторов. Евразия – куда более сложный и опасный континент, чем Северная Америка, с качественно и количественно иным составом потенциальных противников.

И всё же с течением времени и в России появились достаточно серьёзные возможности в области высокоточного оружия большой дальности, что в том числе позволило упомянуть в Военной доктрине понятие «неядерного сдерживания». Хотя до настоящего времени эта концепция недостаточно подробно проанализирована

в открытой печати, из официальных выступлений высокопоставленных представителей Минобороны России следует, что базовыми элементами неядерного сдерживания являются крылатые ракеты морского базирования семейства «Калибр», крылатые ракеты воздушного базирования Х-101, а также оперативно-тактические ракетные комплексы «Искандер-М»⁷. Вероятно, те же задачи будут возложены как минимум на некоторые из реализуемых проектов гиперзвукового оружия. Таким образом, как заявляется, продолжается повышение ядерного порога.

Ещё раз подчеркнём – военно-технологическое развитие в определённой мере сделало возможным частичное ядерное разоружение. Однако мир не стал более безопасным. После операции «Буря в пустыне» ведущие мировые державы пришли к выводу, что те инструменты, которые они создавали для «большой неядерной» войны, вполне работают и в условиях «маленькой победоносной». С другой стороны, «дистанционная» война тоже начала давать сбои в последние годы (не в последнюю очередь в связи с распространением всё более совершенных средств противовоздушной обороны и радиоэлектронной борьбы, в том числе российской разработки и производства), отсюда и поиск новых вооружений – в частности гиперзвуковых.

Кроме того, ситуация усугубляется взаимным недоверием относительно реальных планов сторон в части тех или иных систем вооружения и военной техники. Например, устоялось мнение, что большинство российских вооружений являются системами двойного назначения, то есть могут быть оснащены как обычными, так и ядерными боевыми частями (в полной мере это касается и перечисленных выше базовых элементов неядерного сдерживания). Официальные российские комментарии и сознательная непрозрачность арсенала тактического ядерного оружия также способствует подобным нарративам. В случае Китая ситуация усугубляется тем фактом, что на вооружении Ракетных войск НОАК (в отличие от российских РВСН) имеются ракетные комплексы и в ядерном,

⁷ Выступление начальника Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации – первого заместителя Министра обороны Российской Федерации генерала армии Валерия Герасимова на открытом заседании Коллегии Минобороны России 7 ноября 2017 г. Официальный веб-сайт Минобороны России. Ссылка: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12149743@egNews

и в неядерном оснащении, причём зачастую развернутые на базе одних и тех же подразделений.

Работает такое и в обратную сторону – и с российской, и с китайской стороны высказываются сомнения относительно заявленного исключительно неядерного характера будущих американских гиперзвуковых вооружений, а также ракет средней и меньшей дальности. С другой стороны, традиционный российский подход заключается в том, что стратегическую роль могут сыграть и неядерные вооружения, что выглядит вполне справедливым с учётом изложенных выше взглядов на взаимосвязь «революции в военном деле» и ядерного разоружения.

ГИБРИДНАЯ ЯДЕРНАЯ ВОЙНА

От представителей американского истеблишмент приходится слышать соображения в духе, что настоящая проблема – Китай, а Россия сама скоро развалится. Огромный ядерный арсенал и раньше будто бы выводился за скобки как нечто несущественное в условиях «конца истории», но даже сегодняшнее «соперничество великих держав», кажется, лишено ядерного измерения.

Такое легкомыслие чревато разными последствиями. Дальнейшее пренебрежение в отношении такой страны, как Россия и стремление всё дальше загнать в угол могут привести к тому, что не останется других средств для ответа на агрессивные действия кроме прямого удара при помощи упомянутых выше систем двойного назначения. Подобный сценарий казался весьма вероятным ещё каких-то 13 лет назад, став фоном речи Владимира Путина в Мюнхене в 2007 году. Тем не менее два крупных кризиса на постсоветском пространстве – грузинский в 2008 г. и украинский в 2014 г. – в целом сняли угрозу большой войны в Европе, а мощь российских обычных вооружённых сил, подкреплённая аргументом в виде СЯС, выступила стабилизирующим фактором: связываться с Россией на её заднем дворе не решились даже тогдашние Соединённые Штаты, ведь при любом раскладе у Российской Федерации был бы перевес в силах и средствах из-за близости театра военных действий (ТВД) к её собственной территории.

Гораздо интереснее кризис сирийский, где российское военное присутствие было и остаётся в некотором роде блефом. На ближ-

невосточном ТВД наша страна представлена силами одного-двух авиационных полков, отдельных артиллерийских и инженерных подразделений, а также военной полиции, снабжение которых идёт по морю и по воздуху в том числе через Турцию – страну НАТО, весьма враждебно настроенную к нашим действиям в регионе (хотя и вынужденную сотрудничать для решения своих задач). Наличных сил с лихвой хватает для того, чтобы бомбить джихадистов в пустыне, однако даже против турецких ВВС у нашей группировки в Сирии нет шансов без привлечения основных сил с территории России, чего уж говорить о США и НАТО.

Соединённые Штаты не пошли на вмешательство в Сирии во многом по внутренним причинам. С чисто военной точки зрения, если бы в Вашингтоне приняли решение атаковать по-настоящему, неизвестные неопознанные самолёты разнесли бы обе российские базы (Хмеймим и Латакию) за считанные минуты (хотя и не без потерь, оценка которых выходит за рамки данного исследования). После чего – и это очень важно! – у России практически не осталось бы возможности ответить «конвенциональным» способом по причине громадного разрыва в силах и средствах. Каково было бы решение российского руководства в такой ситуации? «Сигнальный» ядерный удар в пустой квадрат океана? Вероятность подобного развития событий остаётся сугубо гипотетической, и благодаря таким кризисам, как сирийский или украинский, она, кажется, снижается. Новое поколение политиков и экспертов в США почувствовало тень большой войны, и теперь о российской военной мощи говорят с куда большим уважением. Однако российская ограниченность в конвенциональных средствах сохраняется, что не исключает повторения подобных ситуаций в будущем.

Другой возможный сценарий – ядерный ответ Пакистана на индийский сухопутный блицкриг. Не обязательно атаковать живые цели, достаточно нанести одиночный удар по пустыне в надежде на то, что это отрезвит наступающего противника.

Ким “*Rocket Man*” Чен Ын совершенно точно не стал бы наносить ядерный удар по Гавайям, но, оказавшись перед лицом неминуемой атаки, вполне мог бы осуществить пуск баллистической ракеты средней дальности (а то и МБР) в ядерном оснащении куда-нибудь в Тихий океан с обязательным пролётом над Японией

(правда, для Пхеньяна всегда остаётся риск успешного перехвата «Хвасона» американскими средствами ПРО).

Все эти сценарии объединяет одно: после их реализации мы проснулись бы в другом мире. В мире, где ядерное оружие применено, – и никто не умер, и конец света не наступил. Что станет с нашим чувством войны в этом мире? Придёт осознание, что раз можно стрелять ядерным боезарядом «в воздух», раз можно стрелять в принципе – значит, можно и по противнику? Или, наоборот, наглядная демонстрация атомного пламени снова даст антивоенный иммунитет нескольким поколениям – то есть частично выполнит роль Карибского кризиса? Ответы неизвестны, однако постепенный демонтаж режимов нераспространения и контроля над вооружениями, постепенное снижение порога владения ядерным оружием, в теперё ещё и новая реальность в виде пандемии дают шанс, что мы это рано или поздно узнаем. Не то чтобы нам этого очень хотелось.

НАВСТРЕЧУ 150-МУ ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ (С ОСТАНОВКОЙ НА ПАНДЕМИЮ)

Что нас ждёт в военно-ядерной сфере в следующие 75 лет? Предсказания сами по себе дело неблагодарное, но отдельные направления отметить необходимо. Тенденции существуют разнонаправленные – от достаточно привычных дискуссий вокруг реальных целей создания боезарядов пониженной мощности американскими партнёрами, применение которых теоретически более вероятно, до весьма предметных размышлений на тему необходимых минимумов ядерных арсеналов и возможной адаптации международного гуманитарного права к ситуации боевых действий с применением ядерных вооружений.

На всё это накладывается борьба нарративов вокруг подходов к обеспечению международных «правил игры» – с одной стороны, условно-классическое международное право с ключевой ролью ООН и Совета Безопасности, к поддержке которого призывает Россия, а с другой – абстрактный «порядок, основанный на правилах», продвигаемый западными странами, абсолютно уверенными в своей способности определять эти правила наиболее безгрешным образом. Развитие многополярности и по-

лицентризма, в том числе в ядерной сфере, также стало реальностью сегодняшнего дня, и это делает систему международных военно-политических отношений ещё менее управляемой. Дополнительным явлением, заслуживающим внимания, является так называемый «стратегический паразитизм»⁸, то есть неготовность лиц, принимающих решения, рассматривать угрозу войны, в том числе «горячей», как нечто большее, чем повод для поддержки оборонно-промышленных комплексов или «продажи» своего географического положения союзникам по тому или иному интеграционному объединению.

Вместе с тем следует отдать должное американским партнёрам – публикация в 2018 г. «Обзора ядерной политики» с весьма радикальными идеями и предложениями заставило широкие политические и экспертные круги вспомнить, что ядерное оружие никуда не делось, и «само не рассосётся». Встряска оказалась довольно-таки полезной, поскольку заставила задуматься не только о ядерном разоружении, но и ядерном сдерживании, которое остаётся важнейшим элементом международных военно-политических отношений. Возможно, одним из неочевидных последствий столь агрессивной декларативной политики США стала и некоторая переоценка отечественных подходов к публичной деятельности в области ядерного сдерживания, промежуточным итогом чего стала публикация уже упомянутых «Основ».

Нельзя не отметить и появление новых технологий, способных в перспективе повлиять на традиционные подходы к сдерживанию (как ядерному, так и неядерному), хотя, конечно, ничего и близко сопоставимого по разрушительной мощи в обозримом будущем не предвидится. Опять-таки, эффект новых технологий требует предметного изучения, но есть основания полагать, что мы имеем дело всё же с эволюционным развитием. Например, гиперзвуковые вооружения можно свести к дальнейшему развитию маневрирующих головных частей, аэробаллистических ракет и сверхзвуковых крылатых ракет с прямоточными воздушно-реактивными двигателями, а «искусственный интеллект»

⁸ С.Караганов, Д.Суслов «Как укрепить многостороннюю стратегическую стабильность». Журнал «Россия в глобальной политике», №4, 2019. Ссылка: <https://globalaffairs.ru/articles/sderzhivanie-v-novuyu-epohu/>

в приложении к военному делу имеет официальное определение уже не менее десяти лет⁹.

В условиях пандемии и особенно её последствий в России вероятны как минимум два сценария, в определённой степени взаимоисключающие.

Первый. Ограниченные ресурсы заставляют тратить их максимально разумно и эффективно. Кроме того, существующие возможности оборонной промышленности, конструкторских бюро и научно-исследовательских организаций ограничены как в плане количества производимой и разрабатываемой продукции военного назначения, так и её качества. Соответственно, может возникнуть дополнительный стимул к согласованию договорённостей в области контроля над вооружениями, которые не только станут инструментом, опять же, количественных ограничений, но и вообще помогут сузить области соперничества, где существуют предполагаемые угрозы или дисбалансы.

Второй. В то же время оборонно-промышленный комплекс может остаться одной из немногих отраслей, которые переживут кризис относительно нетронутыми. Кроме того, широко распространено мнение, что «оборонка» способна и должна стать локомотивом для национальной экономики в целом. А значит, есть вероятность того, что, по крайней мере в некоторых областях, контроль над вооружениями начнёт восприниматься как искусственное ограничение, и подобный взгляд будет лоббироваться. К сожалению, нынешняя политика США и Китая, активно сопротивляющихся каким бы то ни было ограничениям в любой области, способствует такой динамике. Разгорающийся американо-китайский конфликт, резко стимулированный *COVID-19*, ещё больше усугубит ситуацию.

Ещё одна важная деталь: поскольку по некоторым гражданским предприятиям кризис нанесёт серьёзный удар, рабочая сила (как

⁹ Область исследований, в рамках которой разрабатываются модели, системы и устройства, имитирующие интеллектуальную деятельность человека (восприятие различной информации и логическое мышление) в сфере вооружённой борьбы. Исследования в области искусственного интеллекта в военном деле ведутся по трём основным направлениям: создание систем, основанных на знаниях, нейросистем, систем эвристического поиска. «Искусственный интеллект в военном деле». Официальный веб-сайт Минобороны России. Ссылка: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=13200@morfDictionary>

«синие», так и «белые воротнички») может быть перенаправлена в оборонную промышленность и конструкторские бюро. Не факт, что это приведёт к радикальным переменам, но некоторые коррективы в методах и приоритетах возможны.

Прорывные технологии, те самые «новые физические принципы» и «элементы искусственного интеллекта», которые очень нравятся российским военным, останутся хорошо финансируемыми в краткосрочном (исследования) и среднесрочном (испытания, мелкосерийное производство, опытно-боевое дежурство) периоде времени. Однако в долгосрочной перспективе некоторые из них, скорее всего, будут признаны либо бесполезными, либо слишком дорогими, либо неподходящими для использования военными и так далее, поэтому их условный список будет сокращаться.

В такой ситуации значительную роль должна сыграть и военная наука, и военно-политическая экспертиза. Необходимы здравые оценки того, каким образом можно создать сбалансированную систему и снизить риски, – для принятия при необходимости решения о сокращениях (количественных и «классовых») или для понимания наихудших возможных последствий безудержного наращивания вооружений. Конечно, мнения экспертов – не ключевой фактор принятия решений в любой стране (возможно, в России даже в меньшей степени, хотя ситуация не столь мрачная, как утверждают некоторые), но эта область останется важной в любом случае.

Для России в долгосрочной перспективе весьма сложно поддерживать полномасштабный конфликт или конкуренцию с крупными державами в первую очередь в связи с негативным влиянием такого продолжительного противоборства на собственное развитие. Поэтому любое российское военно-политическое руководство продолжит попытки сохранения существующих или создания новых юридически или, по крайней мере, политически обязывающих ограничений, хотя бы в некоторых областях. При этом такие договорённости должны охватывать как можно большее число сторон.

И самое важное: если из-за пандемии будет сокращён объём ресурсов, доступных на военные нужды, есть значительная вероятность очередного отхода от развития упомянутой выше системы неядерного сдерживания. В результате «достратегиче-

ское» оружие в ядерном оснащении вернётся в игру в качестве единственно возможного варианта. Со всеми соответствующими проблемами: неопределённостью боевого оснащения развёрнутых систем (не говоря о ракетах, уже находящихся в воздухе), снижением порога применения и иными «ядерными рисками» в самом широком смысле.

* * *

Стратегическую стабильность обеспечивает не только ядерный паритет или гарантия взаимного уничтожения. Не менее важен паритет восприятия: стороны должны сходным образом относиться к военным возможностям друг друга, причём не только на уровне специалистов или экспертов, но куда важнее – на уровне общества в целом. Если простые граждане не чувствуют ядерную опасность, элиты также склонны не придавать ей значения и отмахиваться от специалистов с их выкладками и расчётами, как от занудных фриков. Ввиду отсутствия спроса перестаёт действовать и контроль над вооружениями: политики заработают больше очков при отказе от соответствующих договоров, чем если будут биться за их сохранение или расширение.

Невозможно достоверно оценить, уменьшит или увеличит угрозу новой войны существующий ассортимент проблем. Однако не исключён вариант, при котором всё более очевидные противоречия в сочетании с какой-никакой, но памятью о большой войне и пониманием масштабов возможных разрушений при обмене ядерными ударами заставит выстроить работающую систему управления международными отношениями и разрешения конфликтов. Чем раньше проявится готовность к подобному «строительству», тем лучше.

Перед аналитиками и исследователями задача поиска, пусть и наощупь, контуров подобной системы стоит уже сегодня. Даже если политической воли пока не хватает, в момент её появления кирпичики для нового фундамента не помешают, тем более становится всё меньше людей, имеющих опыт закладывания такого фундамента.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ Сергей Александрович (председатель)	Д.и.н., декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике
АВДЕЕВ Александр Алексеевич	Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ <i>(в личном качестве)</i>
АРБАТОВ Алексей Георгиевич	Академик РАН, директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН
АХТИСААРИ Марtti	Президент Финляндии в 1994 – 2000 гг., лауреат Нобелевской премии мира
БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (заместитель председателя)	Д.и.н., профессор, исполняющий обязанности декана исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
БЕРГСТЕН Фред	Доктор экономики, почетный директор Института международной экономики, бывший заместитель министра по международным делам Министерства финансов США
БИЛЬДТ Карл	Премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг., министр иностранных дел Швеции в 2006–2014 гг.
ГРИГОРЬЕВ Владимир Викторович (в личном качестве)	Заместитель руководителя Федерального Агентства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ЗВЕРЕВ Сергей Александрович	Президент ЗАО «КРОС»
ИВАНОВ Игорь Сергеевич	Д.и.н., профессор МГИМО (У) МИД РФ, президент Российского совета по международным делам
КАЙЗЕР Карл	Профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
КОКОШИН Андрей Афанасьевич	Академик РАН, директор Института проблем международной безопасности РАН
КОМИССАР Михаил Витальевич	Генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
КОСАЧЕВ Константин Иосифович (в личном качестве)	Председатель Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам
КРАСТЕВ Иван	Председатель Центра либеральных стратегий (София), ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований (Вена)
КУЗЬМИНОВ Ярослав Иванович	Ректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
ЛАВРОВ Сергей Викторович (в личном качестве)	Министр иностранных дел РФ

ЛУКИН Владимир Петрович	Д.и.н., профессор-исследователь НИУ ВШЭ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам
ЛУКЪЯНОВ Федор Александрович	Председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», профессор-исследователь НИУ ВШЭ
МАУ Владимир Александрович	Д.э.н., профессор, ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	Президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	Д.и.н., глава Комитета Государственной думы Федерального Собрания РФ, председатель правления фонда «Русский мир», президент фонда «Политика»
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	Помощник председателя Правительства Российской Федерации
РАДД Кевин	Президент Института политики Азиатского общества, премьер-министр Австралии в 2007–2010 и в 2013 гг.
РОУЗ Гидеон	Главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
РЫЖКОВ Владимир Александрович	К. и. н., профессор НИУ ВШЭ
СЛУЦКИЙ Леонид Эдуардович	Председатель Комитета по международным делам Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации
СЮН Гуанкай	Генерал, профессор Университета Цинхуа и Пекинского Университета
ТЕЛЬЧИК Хорст	Председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	Академик РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	Профессор Лондонской школы экономики
УШАКОВ Юрий Викторович (в личном качестве)	Помощник Президента РФ
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	К. э. н., доцент
ЭЛЛИСОН Грэм	Профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	К.э.н., председатель Правления Института современного развития (ИНСОП), президент Всероссийского Союза Страховщиков, член Правления Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	К. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	Д. э. н., главный научный сотрудник Института Европы РАН
ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич	Д. э. н., директор Центра демографии НИУ ВШЭ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	Д. э. н., профессор НИУ ВШЭ
КРАВЕЦ Сергей Леонидович	К. ф. н., главный редактор Большой Российской энциклопедии, руководитель Церковно-научного центра «Православная Энциклопедия»
КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович	Член-корреспондент РАН, д.э.н., ВРИО директора ИНИОН РАН
ЛАНЬКОВ Андрей Николаевич	Профессор Университета Кунмин (Республика Корея)
ЛИВЕН Анатолий	Профессор Джорджтаунского университета в Катаре, старший научный сотрудник <i>New America Foundation</i> , Вашингтон
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	Д.и.н., заместитель директора ИМЭМО им. Е. Примакова РАН
МИЛЛЕР Алексей Ильич	Д.и.н., профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, Россия
САНАИ Мехди	Доцент кафедры международных отношений Тегеранского университета, руководитель Центра по изучению Ирана и Евразии
СЛЁЗКИН Юрий Львович	Профессор Калифорнийского университета в Беркли
ФИЛИППОВ Александр Фридрихович	Д. с. н., ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Центром фундаментальной социологии при Институте гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	Президент холдинговой компании «Интеррос»
АШУРБЕЙЛИ Игорь Рауфович	Председатель совета директоров АО «Социум-А»
ЮНУСОВ Руслан Рауфович	Генеральный директор Российского квантового центра